

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

ИЗДАТЕЛЯ

Ф. Флоринскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ

ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

Едва-ли кто будетъ сомнѣваться, что, съ развитіемъ гигиены и большимъ примѣненіемъ ея правилъ къ общественной, увеличивается благосостояніе народонаселенія. Каждая образованная нація очень хорошо понимаетъ это и старается примѣнять результаты науки къ народному здоровію. Народъ и правительство хлопочуть объ уничтоженіи міазма, о доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, о здоровости жилищъ и пр. но, къ удивленію, такъ мало обращаютъ вниманія на корень народнаго здоровья—на *ишису* бракосочетанія. Въ гражданскихъ уложеніяхъ относительно охраненія народнаго здоровья перечислены всѣ, даже мелочныя, возможности вреднаго вліянія на здоровье народонаселенія, а громадная масса гибельныхъ послѣдствій, которыя рушатся на рождающееся поколѣніе вслѣдствіе негигіеническаго бракосочетанія, оставлены безъ вниманія. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе обращено заботы на домашнихъ животныхъ, чѣмъ на человѣка. Взгляните

на коннозаводчиковъ, на сельскихъ хозяевъ; объ улучшеніи породъ рогатаго скота, овецъ, лошадей, собакъ, даже куръ, голубей и пр. существуютъ цѣлыя ученія, тратится столько вниманія и дѣйствительно цѣль достигается. Систематически взлелѣяныя породы животныхъ изумляютъ насъ своимъ совершенствомъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, въ послѣдовательныхъ генераціяхъ, скорѣе размножаетъ болѣзни и физическую слабость, чѣмъ совершенствуется. Если мы и видимъ иногда въ нѣкоторыхъ націяхъ счастливую помѣсь, удачный подборъ супруговъ, обнаруживающійся физическимъ улучшеніемъ расы, то подобное благодѣтельное явленіе, такъ сказать, обновленіе человѣческой породы, является не какъ результатъ преднамѣренныхъ дѣйствій, не какъ плодъ науки, а совершенно случайно, вслѣдствіе счастливаго столкновенія разныхъ національностей, или разныхъ темпераментовъ и сложений, благопріятствующихъ улучшенію породы. Между тѣмъ это улучшеніе вполнѣ заслуживаетъ нашего попеченія, если не для того, чтобы стремиться къ размноженію и усовершенствованію изящныхъ формъ сложения (что тоже вполнѣ достойно нашего вниманія), то хотя въ силу старой латинской поговорки: *mens sana in corpore sano*. Историческій опытъ показываетъ намъ, какъ вырождаются и мельчаютъ физически и нравственно породы привилегированныхъ сословій, даже цѣлыхъ націй, и если бы не было обновленія націй со стороны другихъ слоевъ общества и помѣси съ другими національностями, то вырожденіе человѣческаго рода обнаруживалось бы еще рѣзче и быстрѣе. Но это обновленіе, какъ мы сказали, совершается почти всегда помимо человѣческаго произвола, такъ сказать, бессознательно, вслѣдствіе инстинктивнаго влеченія относительно отдѣльныхъ индивидуумовъ и вслѣд-

недавно молодыя дѣвушки съ такимъ пренебреженіемъ отзываются о цвѣтущемъ здоровьи и крѣпости сложенія, предпочитая этому блѣдный, безкровный видъ, находя грацію въ болѣзненной тонкости членовъ и слабости силъ. Этотъ странный вкусъ не поддерживался бы, если бы не находилъ сочувствія въ мужчинахъ, если бы «неземныя созданія» въ дѣйствительности не предпочитались здоровымъ и крѣпкимъ дѣвушкамъ. Этотъ фактъ показываетъ, что въ жизни на бракъ смотрять большею частью какъ на исключительно *личное удовольствіе*, не помышляя о цѣли брака—о потомствѣ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы вопросъ о физическихъ и нравственныхъ качествахъ дѣтей былъ чуждъ родителямъ. Каждый изъ нихъ, въ силу эгоизма, и желаетъ и старается, чтобы дѣти его были по возможности и умны и красивы. Но, само собою разумѣется, что это стараніе можетъ быть успѣшно только тогда, когда о немъ заботятся не послѣ рожденія дѣтей, а до вступленія въ бракъ, такъ какъ физическая красота, здоровье, отчасти и нравственные качества не столько зависятъ отъ воспитанія и ухода за новымъ индивидуумомъ, сколько отъ наслѣдственности. Поэтому неудачно сочетавшимся родителямъ нерѣдко приходится сѣтовать на то, что Богъ не наградилъ ихъ хорошими дѣтьми, не соображая того, что неудача воспроизведенія зависитъ не отъ судьбы, а отъ безтолковой женидбы.

Въ предстоящемъ очеркѣ мы намѣрены познакомить читателей съ общими условіями усовершенствованія и вырожденія человѣческаго типа, насколько позволить это сдѣлать новость предмета, до сихъ поръ неразработаннаго, можно сказать даже, нетронутаго. Поэтому мы напередъ извиняемся передъ читателями, если они найдутъ здѣсь что либо недосказаннымъ, или гипотетиче-

скимъ. Это не такой предметъ, въ которомъ прямо можно излагать законы, а по необходимости, силою и рядомъ, приходится только подмѣчать явленія, группировать ихъ и выводить то или другое заключеніе. Кромѣ того, самый предметъ показываетъ, что для полнаго и всесторонняго его изложенія потребовалось бы написать цѣлый томъ; поэтому для журнальной статьи мы по необходимости ограничились только *общими очерками*, не вдаваясь въ подробныя научныя разсужденія.

Прежде мы скажемъ 1) объ измѣняемости и совершенствованіи человѣческаго типа вообще; 2) о наслѣдственности, какъ главной причинѣ измѣняемости и совершенствованія челоуѣка; 3) объ условіяхъ, содѣйствующихъ улучшенію породы (вкусъ и запросъ на извѣстныя качества, вліяніе внѣшнихъ жизненныхъ условій, раціональное бракосочетаніе и правильная половая жизнь и пр.). Потомъ будемъ говорить 4) о вырожденіи челоуѣческихъ породъ вообще и 5) объ условіяхъ, содѣйствующихъ этому вырожденію (кровосмѣшеніе и недостатокъ обновленія породы, неравенство браковъ, вліяніе пьянства, разврата, болѣзней, бѣдности, рабства и пр.).

I.

ИЗМѢНЯЕМОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТИПА.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить объ улучшеніи челоуѣческой породы путемъ естественнаго, или раціональнаго подбора родичей, необходимо показать, что анатомическія и фізіологическія свойства челоуѣка въ извѣстной степени измѣнчивы, подвижны, слѣдовательно, подъ вліяніемъ наслѣдственности и фізическихъ условій окружающей среды, они *могутъ* или совершенствоваться, или ухудшаться.

ствіе политическихъ столкновений и географическихъ условій — относительно цѣлыхъ націй. Между тѣмъ наука имѣетъ уже столько данныхъ, чтобы, примѣнивши ихъ къ жизни, болѣе или менѣе разчитывать на сознательное улучшение породы, устраивая браки не по одному безотчетному влеченію половъ, тѣмъ болѣе не изъ однихъ корыстныхъ видовъ, а болѣе или менѣе соображая данныя для воспроизведенія лучшаго потомства. Намъ скажутъ, что тѣ законы группировки половъ, которые выработала наука относительно животныхъ, непримѣнимы къ человеку, не потому, чтобы они не могли повторяться въ человѣческой расѣ, а вслѣдствіе сложности соціальныхъ условій и иногда невозможности опредѣлить заблаговременно всѣ тѣ качества, какія требуются, съ гигиенической точки зрѣнія, для извѣстныхъ индивидуумовъ, вступающихъ въ бракъ. Это отчасти справедливо, но все таки не исключаетъ возможности примѣненія помянутыхъ законовъ къ человѣческому роду. Если между людьми, въ этомъ отношеніи, мы не можемъ дѣйствовать съ такою же отчетливостію, какъ на животныхъ, если не всегда можемъ по произволу создать себѣ потомство съ такими или другими физическими качествами; то все таки, зная напередъ условія для воспроизведенія этихъ качествъ, мы будемъ въ состояніи, при благопріятныхъ соціальныхъ обстоятельствахъ, примѣнить наше знаніе къ дѣлу и стало бытъ сознательно улучшить здоровье и красоту нашего потомства. Во всякомъ случаѣ будетъ больше пользы, если хоть кто нибудь воспользуется гигиеной брака, чѣмъ всѣ будутъ смотрѣть на процессъ воспроизведенія потомства, какъ на процессъ самый пустой, не требующій ни соображеній, ни вниманія, въ силу изрѣченія Грибова «чтобы имѣть дѣтей—кому ума не доставало!»

Если въ родѣ человѣческомъ примѣненіе правилъ гигиены брака до сихъ поръ было такъ ничтожно, то, мы увѣрены, что это зависѣло не отъ упорнаго нежеланія публики воспользоваться этими правилами, а съ одной стороны отъ трудности примѣненія этихъ правилъ, вслѣдствіе сложности соціальныхъ условій, а съ другой стороны отъ незнанія публики, потому что до сихъ поръ, по странной щекотливости, спеціалисты какъ будто стыдились популяризировать свою науку, держали ее, какъ алхимики, или средневѣковые монахи, въ заперти. Отъ этого публика, желавшая знать что нибудь о гигиенѣ брака, была угощаема пустыми книжонками,—произведеніями шарлатанства и спекуляціи. Что публика желала знать что нибудь объ этихъ существенныхъ вопросахъ жизни, видно изъ того, что помянутыя книжонки, не смотря на ничтожность ихъ содержанія, раскупались въ большомъ количествѣ, распространяя такимъ образомъ вмѣсто пользы предразсудки и невѣжество.

Бракъ съ физиологической и гражданской точки зрѣнія имѣетъ цѣлю *воспроизведеніе потомства*. Стало быть, между другими условіями нормальнаго и счастливаго бракосочетанія, вопросъ о способности женщины къ зачатію и родамъ, равно какъ вопросъ о воспроизведеніи въ потомствѣ тѣхъ или другихъ родительскихъ качествъ, долженъ бы былъ являться на первомъ планѣ. Между тѣмъ въ жизни сплошь и рядомъ гораздо болѣе цѣнятся общественныя связи, положеніе, приданое невѣсты, чѣмъ физическія ея качества, тѣлосложеніе, порода. Даже въ томъ случаѣ, когда бракъ совершается *по любви*, стало быть болѣе или менѣе на основаніи физическихъ достоинствъ женщины, и тутъ, вслѣдствіе извращеннаго вкуса, нерѣдко за достоинство считаются физическіе недостатки. Кто не знаетъ, что еще такъ

кихъ и полудикихъ народовъ съ формами народовъ цивилизованныхъ, мы убѣждаемся, какой громадный шагъ къ прогрессивному физическому развитію сдѣланъ человѣкомъ по настоящее время. Не вдаваясь въ вопросъ о происхожденіи расъ и племенъ человѣческихъ, мы остаемся за собой только тотъ историческій фактъ, что *форма человеческого тѣла совершенствовалась постепенно и совершенствуется*, не смотря даже на то, что до сихъ поръ человѣкомъ неупотреблено было для этого никакихъ усилій, никакихъ сознательныхъ дѣйствій, могущихъ ускорить и упрочить это усовершенствованіе. Что касается теперь до второй, будущей границы прогрессивнаго физическаго развитія человѣка, то само собою разумѣется, опредѣлить эту границу теперь невозможно. Однакожъ, на основаніи существующихъ данныхъ прошедшаго, сравнивая громадный шагъ, сдѣланный развитіемъ формъ человѣческихъ отъ первыхъ ископаемыхъ остатковъ скелета до настоящаго времени, мы, кажется, не имѣемъ основанія предполагать, чтобы физическое совершенствованіе человѣка дошло теперь до своей послѣдней границы. Напротивъ, намъ кажется, что на основаніи предшествовавшаго хода развитія, можно допустить возможность извѣстной доли его и въ будущемъ. Безъ сомнѣнія это будетъ совершаться слишкомъ медленно, неуловимо для наблюденія, можетъ быть едва замѣтно для исторіи, но все таки, спустя тысячелѣтія, мы можемъ ожидать человѣка въ новой лучшей формѣ, чѣмъ въ настоящее время. Видимыя, такъ сказать, осязательныя измѣненія формъ человѣческихъ, доступныя современному или историческому наблюденію, совершаются, какъ всегда, такъ и теперь по всему земному шару, *въ формѣ измѣненія расъ и племенъ, въ переходѣ ихъ одна въ другую, въ выра-*

боткъ новыхъ типовъ изъ взаимнаго сочетанія существующихъ. Результатъ этого движенія въ отдѣльности можетъ быть, конечно, и прогрессивный и регрессивный, но общее, незамѣтное движеніе клонится все таки къ усовершенствованію человѣческой породы. Въ такомъ развитіи можно различить двѣ формы: одна, гдѣ менѣе развитыя племена, при сочетаніи (помѣси) съ племенами болѣе совершенными, заимствуютъ отъ нихъ лучшія качества и совершенствуютъ свой типъ — это такъ сказать *догоняющее движеніе*; другая форма, когда отъ взаимодѣйствія двухъ передовыхъ типовъ (относительно этой эпохи совершенныхъ) при благопріятствующей помѣси ихъ, развиваются лучшія формы—это шагъ впередъ, прогрессивное движеніе развитія.

При опредѣленіи типическихъ формъ черепа обращается вниманіе на его абсолютную величину и емкость, на относительные размѣры поперечниковъ, относительный объемъ лицевыхъ костей (въ особенности челюстей по сравненію съ костями черепа, на положеніе верхней и нижней челюсти — на сколько они отодвинуты назадъ и внизъ отъ передней части мозгового вмѣстидища, или выдвинуты впередъ и вверхъ. Далѣе обращается вниманіе на поперечные размѣры лица, особенно размѣръ, проведенный чрезъ скуловые кости, на степень округленія или заостренія черепной кровли, на мѣсто болѣе ея выпуклости, на сплющиваніе или выпячиваніе задней части черепа. Большая или меньшая ширина корня носа, длина, направленіе и образъ соединенія (плоскій или болѣе выпуклый носовой сводъ) носовыхъ костей, форма образуемыхъ ими носовыхъ отверстій, форма и глубина глазныхъ впадинъ, большее или меньшее развитіе (выдвиганіе) краевъ этихъ впадинъ, большее или меньшее развитіе скуловыхъ и челюстныхъ ко-

Говоря объ измѣнчивости анатомическихъ свойствъ человѣка, мы должны высказать нашу мысль яснѣе, т. е. точнѣе опредѣлить предѣлы этой измѣнчивости. Этимъ мы хотимъ выразить, что анатомическія особенности, характеризующія каждую расу и націю могутъ утрачиваться, принимать другія формы. Изъ характеристическихъ признаковъ расъ и племенъ одни представляютъ больше подвижности, легче подчиняются вліянію измѣняющихся причинъ, другіе болѣе прочны, уступаютъ и сглаживаются мало по малу путемъ послѣдовательныхъ генерацій. Такъ напр. особенности типа, выражающіяся на мягкихъ частяхъ — цвѣтъ глазъ, волосъ и кожи, величина и форма рта и ушей, форма груди у женщинъ, количество жирной подкожной клѣтчатки и пр. составляютъ признаки непрочныя, легко измѣняемыя путемъ ли наслѣдственности или подъ вліяніемъ среды, въ которой обитаетъ человѣкъ. Другіе признаки, выражающіеся въ скелетѣ — величина и форма черепа, относительная (къ черепу) величина размѣровъ лица, форма, направленіе и степень развитія лицевыхъ костей и проч. — признаки, дающіе особенный складъ и выраженіе лицу и собственно характеризующіе каждую расу и націю — болѣе прочны и если измѣняются, то вслѣдствіе помѣси и крови ¹⁾ и болѣею частію не вдругъ, а сглаживаются постепенно черезъ нѣсколько генерацій. Окончательные предѣлы этой измѣнчивости установить не-

1) *Помѣсь крови* — выраженіе неправильное, такъ какъ при передачи анатомическихъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ кровь въ собственномъ смыслѣ не играетъ никакой роли; но мы иногда будемъ употреблять это выраженіе въ смыслѣ смѣшенія расъ и племенъ, потому что оно общепринято и весьма понятно. Въ такомъ же смыслѣ можно употреблять слова: *чистокровный, полукровный* и пр.

возможно, такъ какъ въ этомъ отношеніи пришлось бы основываться только на предположеніяхъ. Для нашей цѣли достаточно показать, что племена и расы въ состояніи переходить одна въ другую, что форма скелета можетъ измѣняться, принимать другой типъ, обезображиваясь или совершенствуясь. Такимъ образомъ, не вдаваясь въ антропологическія пренія о происхожденіи человѣка,—мы за исходную точку прогрессивнаго развитія человѣческаго скелета можемъ принять тѣ первоначальныя формы его, о которыхъ мы имѣемъ понятіе по ископаемымъ остаткамъ человѣческихъ костей, приписываемыхъ самой отдаленной эпохѣ. (Нижняя челюсть и зубы, найденные въ 1863 г. близъ Муленъ-Кольена, въ бассейнѣ рѣки Сомы въ Пикардіи, человѣческіе черепа, найденные въ Швеціи и Даніи, Америкѣ и пр. принадлежащіе къ такъ называемому каменному вѣку). По найденнымъ остаткамъ самыхъ древнихъ череповъ, по чрезвычайно-косому направленію нижней челюсти можно заключить, что люди, которымъ принадлежали эти черепа, стояли на очень низкой степени тѣлеснаго развитія, какъ и нѣкоторые, нынѣ существующія, дикія племена. Люди каменнаго періода въ Швеціи и Даніи отличались короткою и круглою головою; въ Швеціи она была мала, подобно головѣ современныхъ Лапландцевъ. Многія головы необыкновенно вытянуты въ длину съ плоскимъ лбомъ и выдающимися впередъ челюстями. Скелетъ человѣка, отрытый при прокладываніи желѣзной дороги между Монтре и Вильневомъ, въ восточномъ углу Женевского озера, и относимый также къ каменному періоду—имѣлъ также малый, очень круглый (короткій) и необыкновенно толстый черепъ. Сравнивая ископаемые остатки человѣка съ формою теперешнихъ обитателей тѣхъ же странъ, сопоставляя формы современныхъ ди-

стей—даютъ выраженію лица тотъ или другой племенный типъ. Для краткости, при опредѣленіи формы черепа, въ наукѣ приняты особенныя названія, введенныя кажется *Рашиусомъ*. Такъ напр. круглыя черепа, у которыхъ наибольшая длина относится къ наибольшей ширинѣ, приблизительно какъ 100 къ 80 (ширина никогда не превышаетъ длины правильно устроеннаго черепа), называются *брахцефалическими*, и люди съ такими черепами *брахцефалами*. Образчикомъ ихъ могутъ служить намъ Калмыки. Другіе черепа, имѣющіе удлиненную форму, у которыхъ наибольшая длина относится къ наибольшей ширинѣ приблизительно какъ 100 къ 67, называются продолговатыми; а люди, имѣющіе такіе черепа, *долихоцефалами* (напр. негры). По направленію лицевыхъ костей—вытянуты ли онѣ внизъ, или выдаются впередъ, черепа называются въ первомъ случаѣ *ортонатными* (прямозубыми), а во второмъ *прогнатными* (косозубыми). Народы, населяющіе шаръ земной, раздѣляются антропологами на нѣсколько племенъ или расъ, и каждое племя на нѣсколько вѣтвей. Вотъ самое распространенное дѣленіе: *племя первое бѣлое или кавказское*. У людей, его составляющихъ, лицевой уголъ имѣетъ почти 85°, овалъ головы правиленъ, лобъ широкъ и высокъ, зубы перпендикулярны къ челюстямъ, глаза прямые. Это племя всегда было и есть самое цивилизованное. Оно раздѣляется на три вѣтви: первая заключаетъ въ себѣ Ассиріянъ, Халдеянъ, Арабовъ, и Египтянъ; второе или *индѣйское* распадается по языку на четыре семейства: 1) *санскритское* (народы Индостана); 2) семейство *древнихъ пеласговъ*, откуда произошли Греки и Латины, а потомъ всѣ языки южной Европы; 3) *готское*, откуда произошли жители сѣверной Европы (Датчане, Англичане, Нѣмцы, Голландцы); 4)

славянское, третья вѣтвь *скифская* заключаетъ въ себѣ отдѣльные народы или небольшія племена обширныхъ степей Азіи.

Второе племя *монгольское*; люди, его составляющіе, имѣютъ широкое и плоское лицо, выдающіяся скулы, сплюснутый носъ и открытыя ноздри, глаза длинные и прорѣзанные косвенно, цвѣтъ кожи болѣе или менѣе оливковый, лицевой уголъ отъ 75 до 80°. Въ этомъ племени различаютъ четыре вѣтви: 1) маньчжурскую, 2) китайскую, 3) гиперборейскую (ламанцы, эскимосы, самогиты и 4) вѣтвь корельскую.

Третье племя Красное или Американское. Отмѣты его: скулы менѣе выдавшіяся, чѣмъ въ монгольскомъ племени, лицо широкое, глаза большіе и чисто косвенные, кожа краснаго или мѣднаго цвѣта, волосы черные и плоскіе.

Четвертое племя черное или африканское. Оно отличается длиннымъ, въ верхней части сжатымъ и сморщеннымъ лицомъ, выдающимися челюстями, длинными и косвенными зубами, широкимъ и сплюснутымъ носомъ, толстыми губами, широкимъ ртомъ, короткими и курчавыми волосами. Лицевой уголъ—70—75°. Это племя раздѣляется на слѣдующія вѣтви: 1) эфиопскую 2) кафрскую, 3) готтентотскую, 4) папуальскую 5) таманьянскую (жители фанъ-дименовой земли) и 6) австралийскую (новая голландія). Многіе ученые раздѣляютъ человѣческія племена иначе, принимая ихъ то больше, то меньше. Нашъ академикъ *К. Беръ* раздѣляетъ родъ человѣческій на 6 группъ, подраздѣляя каждую изъ нихъ на нѣсколько племенъ. (см. его сочиненіе: «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи.» С. Петербургъ 1851). Для изученія національных особенностей многихъ европейскихъ племенъ, мы пользовались между

прочимъ недавно опубликованными изслѣдованіями ихъ д-ра *Вейсбаха* (Beiträge zur Kenntniss der chädelformen österreicherischer Völker. Zeitschr. d. k.k. geseschafter Aerste in Wien. Medic. Jahrb. XX Jahrgang. 1 Bd. 1864 p. 49—127). Въ этомъ сочиненіи описывается отличительная форма череповъ: у цыганъ, венгерцевъ, итальянцевъ, поляковъ, рутеновъ, словаковъ, богемцевъ (чеховъ), кроатовъ, и пр.

Теперь намъ остается еще привести нѣсколько данныхъ, которыя могли бы показать, что описанное движеніе въ физическомъ развитіи человѣка, въ извѣстной степени, существуетъ и въ нашу эпоху, передъ нашими глазами.

Вопросъ, что типъ человѣческихъ племенъ и націй можетъ измѣняться, не трудно рѣшить, не вдаваясь даже въ слишкомъ подробныя изысканія по этому предмету. По свидѣтельству *Тремо* (Trémaux) бѣлый типъ подъ вліяніемъ жаркаго климата можетъ переходить въ черный, и на оборотъ, въ умѣренныхъ и холодныхъ климатахъ черный типъ смягчается и даже черезъ нѣсколько генерацій совершенно пропадаетъ. Вліяніе климата на цвѣтъ кожи и волосъ и на величину роста ясно для всякаго, кто сравнитъ анатомическій характеръ сѣверныхъ и южныхъ жителей. Но еще болѣе значительны измѣненія типа вслѣдствіе *помѣси*. Извѣстно, что всѣ племена, точно также какъ націи и фамиліи, могутъ смѣшиваться между собой и давать на потомство средней типъ. Результатъ такой племенной помѣси лучше всего замѣтенъ на неграхъ. Отъ негра и бѣлой женщины родится мулатъ съ темножелтымъ цвѣтомъ кожи и черными менѣе пушистыми волосами. Отъ мулата и бѣлой женщины родится картеронъ (4-е колѣно отъ соединенія чернаго племени съ бѣлымъ), съ смуг-

лымъ оттѣнкомъ, съ черными и длинными волосами и съ типомъ, значительно удаляющимся уже отъ африканскаго. Картеронъ съ бѣлою женщиною рождаетъ актавона (осьмое колѣно отъ соединенія чернаго племени съ бѣлымъ), менѣе смуглого и болѣе уже подходящаго къ бѣлому племени. Наконецъ актавонъ съ бѣлою женщиною рождаютъ уже дѣтей, совершенно смѣшивающихся съ кавказскою породою. Такое же количество поколѣній необходимо и для превращенія бѣлаго типа въ черный. Такимъ же порядкомъ происходитъ перерожденіе племени и при другихъ помѣсяхъ, напр. монгольскаго типа съ кавказскимъ и пр. хотя вліяніе помѣси здѣсь не обнаруживается такъ рѣзко и отчетливо, какъ на черномъ типѣ. Плодъ помѣси различныхъ типовъ называется *метисомъ*. Метисы могутъ соединяться между собой и размножаться, хотя и говорятъ, что они менѣе плодовиты. Такое смѣшеніе народовъ, безъ сомнѣнія, происходило и происходитъ по всему земному шару, гдѣ только существовали народныя столкновенія. «Всѣ племена, говоритъ *В. Ф. Эдвардсъ*, которыхъ исторія намъ извѣстна, болѣе или менѣе испытали такія смѣшенія. Эта причина (измѣнчивости типа) тѣмъ сильнѣе, что она дѣйствуетъ на внутреннюю организацію. Если бы эта причина дѣйствовала безпрепятственно, она можетъ быть, уничтожила бы всѣ племенные различія» ¹⁾. Если мы будемъ изучать европейское народонаселеніе съ этой точки зрѣнія, то убѣдимся, что помѣсь націй происходила и происходитъ повсюду въ большей или меньшей степени, смотря потому, гдѣ больше происходило націо-

¹⁾ О физиологич. признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Письма В. Ф. Эдвардса и А. Тьерри, перв. Грановскаго, (Сочин. Грановскаго т. I, стр. 33. 1856 г.).

русскаго племени. Точно такія же наблюденія, въ большей или меньшей степени, можно сдѣлать и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, населенныхъ инородцами. Жители псковской губерніи и окрестныхъ петербургскихъ деревень, отличающіяся невысокимъ ростомъ, бѣлокурыми или изжелта бѣловатыми волосами, круглой небольшой головой, болѣе или менѣе плоскимъ лицомъ, вздернутымъ или перегнутымъ въ переноси носомъ и флегматическимъ характеромъ, представляютъ помѣсь съ эстами и чухонцами. Въ казанской, вятской и пермской губерніяхъ путешественникъ нерѣдко встрѣчаетъ плоды помѣси съ татарами, вотяками, черемисами и другими инородцами. Тоже самое въ приморскихъ, торговыхъ и пограничныхъ городахъ можно видѣть самую разнообразную помѣсь со всѣми пришельцами. Мы указали здѣсь на видоизмѣненіе и перерожденіе русскаго типа, совершающееся, можно сказать, передъ нашими глазами, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что половое сочетаніе племенъ, а слѣдовательно и помѣсь славянскаго типа происходила, можетъ быть, еще въ большей степени, въ самыя отдаленныя времена, однимъ словомъ съ тѣхъ поръ, когда славяно-русская нація начала вступать въ сношеніе съ сосѣдними, кочующими и осѣдлыми племенами. Примѣсь татарской крови къ чисто русскому-нароdonаселенію, по всей вѣроятности, въ большихъ размѣрахъ произошла во время монгольскаго ига, когда политическое значеніе и физическая сила послѣднихъ господствовала надъ русскимъ элементомъ. Монголы оставили неизгладимую черту какъ на характерѣ, нравахъ, языкѣ, такъ и на внѣшнихъ анатомическихъ признакахъ, типѣ русскаго народа. Отъ этого мы до сихъ поръ видимъ почти во всей Россіи болѣе или менѣе смягченныя и измѣненныя татарскія черты не только между крестьянами,

мѣщанами, купечествомъ и дворянскимъ сословіемъ (происходящимъ отъ татарскихъ родовъ), но очень часто и въ сословіи русскаго духовенства. Эта помѣсь обнаруживаетъ себя широкимъ и плоскимъ лицомъ, сильно развитыми скулами, широкимъ, приплюснутымъ носомъ, рѣдкой бородой, большими ушами, а иногда глазами, нѣсколько направленными внутрь. Эти признаки, совершенно не свойственные славянскому типу, встрѣчаясь въ сословіи дворянства и духовенства, служатъ доказательствомъ давности этой помѣси. Всѣ остальные сословія, не смотря на пренебреженіе къ нынѣшнимъ татарамъ, вслѣдствіе ли религіозныхъ предразсудковъ или неуваженія къ ихъ соціальному быту, могутъ еще вступать и дѣйствительно вступаютъ съ ними въ супружескія сношенія, производя такимъ образомъ въ потомствѣ смѣшанный типъ. Но дворянство и духовенство чрезвычайно рѣдко женились и женятся на инородкахъ, особенно на татаркахъ, потому въ нихъ признаки азіатской помѣси должны быть отнесены къ давнему времени.

Что упомянутый монголо или финно-славянскій типъ, такъ часто попадающійся въ Россіи и Сибири, не есть результатъ дѣйствія сѣвернаго климата—это видно изъ того, что рядомъ съ этимъ типомъ, при тѣхъ же условіяхъ среды, существуютъ, не измѣняясь, и типы чисто-славянскіе. Съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, климатъ, отражаясь на цвѣтѣ кожи и волосъ, едва ли имѣетъ большое вліяніе на форму костей черепа и лица—свойства чисто наслѣдственныя, передаваемыя потомству отъ родителей.

Такимъ образомъ, какъ русская жизнь сложилась и выработалась у насъ подъ вліяніемъ географическихъ условій, дружественныхъ и враждебныхъ столкновений съ сосѣдями, — такъ и русскій типъ, или, лучше ска-

нальныхъ столбчатыхъ. Сравнивая напр. типъ южныхъ славянъ съ славянами сѣверными (въ Россіи и Сибири), мы не можемъ не замѣтить значительной разницы между тѣми и другими. Всмотрѣваясь внимательнѣе въ типы русскихъ славянъ, особенно въ Сибирь и сѣверной полосѣ Россіи, мы видимъ, что у насъ часто попадаются формы, составляющія видимый переходъ отъ монгольскаго племени. Монгольская форма черепа, округлая, плоская форма лица, съ выдавшимися скулами, широкій приплюснутый носъ, рѣдкая борода, узкіе глаза, блѣлые или желтоватые волосы—прямо указываютъ на результатъ помѣси съ монгольскими и финскими племенами.

Эта помѣсь встрѣчается гораздо чаще и рѣзче бросается въ глаза въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обитаетъ больше инородцевъ, именно въ сѣверной и восточной полосѣ Россіи, а также въ приморскихъ и пограничныхъ городахъ. Я имѣлъ случай особенно наблюдать это въ вятской, пермской, отчасти тобольской и казанской губерніяхъ, равно какъ и въ окрестныхъ деревняхъ Петербурга и исковской губерніи. Переѣзжая Уралъ, каждый путешественникъ можетъ замѣтить, какъ славянорусскій типъ сибирскихъ жителей начинаетъ измѣняться и разнообразиться, отмѣчаясь финскими татаро-калмыцкими признаками, а въ юговосточной Сибири, и по свидѣтельству г. Щапова,—монголо-бурятскими чертами, въ якутской области—равнымъ образомъ якутами. Г. Щаповъ говоритъ, что напр. въ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, изъ 10 природныхъ, туземныхъ, простонародныхъ жителей — 4 и даже 5 навѣрное имѣютъ бурятское обличье, брацковатую физиономію. Особенно типично и выразительно выступаетъ этотъ монголо-бурятскій обликъ въ забайкальскомъ

русскомъ народонаселеніи. Онъ господствуетъ тамъ не толь-ко въ казачествѣ, крестьянствѣ, купечествѣ и мѣщанствѣ, но и въ туземномъ духовенствѣ. Нерчинскіе духовные воспитанники въ Иркутской семинаріи, большею частію, рѣзко отличаются своими бурятскими чертами отъ воспитанниковъ енисейскихъ. Въ Забайкальи монголо-бурятскій типъ напечатлѣвается даже на томъ русскомъ населеніи, которое образуется изъ обрусѣлыхъ тунгусовъ ¹⁾. Г. Усольцовъ такъ обрисовываетъ этотъ монголо-тунгуско-русскій обликъ жителей Зюльзы и другихъ селеній по долинѣ рѣки Нерчи. «Черные, жесткіе волосы, большею частію узкіе и нѣсколько вкось расположенные темно-каріе глаза; смуглый цвѣтъ лица, носъ немного приплюснутый въ переносьи; едва замѣтно выдавшіяся скулы выказываютъ монгольское происхождение. Но высокій ростъ, стройный станъ, плотное сложеніе, мужество и сила, которые такъ рѣдко бываютъ въ тунгусахъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Въ женщинахъ эта смѣсь составляетъ особенную красоту ²⁾». Результатъ помѣси въ монголо-бурятской средѣ еще яснѣе можно видѣть въ селеніяхъ такъ называемыхъ ясашныхъ или осѣдлыхъ инородцевъ. Здѣсь явно образуются новыя оригинальныя разновидности русскаго народа, ни чисто русскія, ни чисто бурятскія. Въ физиономіи, въ характерѣ и даже въ нравахъ ихъ, говоритъ Щаповъ, элементъ русскій и элементъ бурятскій соединяются въ своеобразный, оригинальный, этнографическій образъ, представляющій новую разновидность славяно-

¹⁾ Щаповъ. Историко-этнограф. организація рус. народонаселенія. «Рус. Слово», Ст. вторая, стр. 3—9.

²⁾ Вѣстн. Геогр. общ. т. XX отъ II стр. 117.

иностранцевъ—нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, итальянцевъ и пр. Это въ особенности ясно можно видѣть въ столицахъ, въ большихъ торговыхъ или портовыхъ городахъ, пограничныхъ мѣстностяхъ, или мѣстахъ съ смѣшаннымъ народонаселеніемъ, по берегамъ балтійскаго и чернаго моря. При такихъ разнообразныхъ столкновеніяхъ мы имѣемъ право предположить, что со временемъ типъ русской націи выработается гораздо совершеннѣе, такъ какъ нынѣ совершающаяся помѣсь даетъ лучшіе результаты, чѣмъ бывшая помѣсь съ татарами и финнами. Можетъ ли это отразиться на умственномъ и нравственномъ развитіи народа—мы увидимъ ниже.

Кромѣ Россіи, безъ сомнѣнія племенная помѣсь происходитъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ только существуетъ смѣшеніе племенъ. Такъ напр. въ Австріи, составляющей политическую смѣсь нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, итальянцевъ, венгерцевъ, взаимная помѣсь всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ племенъ должна была отразиться на типѣ ихъ. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ результатъ такой помѣси рѣзко бросается въ глаза путешественнику. Ни въ одномъ городѣ нельзя встрѣтить столько разнообразной красоты, столько игривости въ сочетаніи разнообразныхъ, нерѣдко противоположныхъ физическихъ качествъ, какъ тамъ. Случаи помѣсей напр. итальянцевъ съ нѣмцами, чеховъ съ венгерцами и пр. даютъ новому поколѣнію качества тѣхъ и другихъ, напр. блондинокъ съ черными бровями, глазами и рѣсницами, брюнетокъ съ голубыми глазами, бѣлокурыхъ нѣмцевъ съ итальянскимъ типомъ и пр.—словомъ помѣсь, удовлетворяющую самымъ изысканнымъ требованіямъ вкуса.

При взглядѣ на современный *венгерскій типъ* нельзя также не замѣтить въ немъ значительнаго уклоненія

отъ прежняго монгольскаго типа. Я считаю лишнимъ много распространяться здѣсь о происхожденіи венгровъ или мадяровъ—это вопросъ исторіи. Скажу только, что во время пребыванія моего въ Пестѣ, я былъ пораженъ сходствомъ нѣкоторыхъ венгерцевъ съ нашими казанскими татарами. Тоже самое впечатлѣніе испыталъ я и многіе изъ моихъ товарищей—казанцевъ, при посѣщеніи аудиторій вѣнскаго университета, гдѣ было очень много студентовъ — мадяровъ. Судя потому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ народъ—обломокъ гунновъ, есть выронокъ монгольскаго племени. Если мы вспомнимъ портретъ Аттилы, имѣвшаго широкую грудь, маленькіе глаза, *рысую бороду, сплюснутый носъ*, смуглый цвѣтъ лица (Демулень, Прискъ), и вообще описаніе наружности гунновъ (Юрианъ), то убѣдимся еще болѣе, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія, происходящая отъ нихъ, есть отрасль монгольская. Находясь въ другихъ условіяхъ, чѣмъ единоплеменники, окруженные со всѣхъ сторонъ славянскими и нѣмецкими народами, венгры, естественно потеряли значительное смѣшеніе съ ними, измѣнили свой родовой типъ.

Эту измѣнчивость мы не можемъ объяснить исключительно вліяніемъ климата. Оно обнаруживается, какъ мы видѣли, только на цвѣтѣ кожи и волосъ. И дѣйствительно, судя по описаніямъ, гунны были *смуглы*, а современные венгры не имѣютъ этого признака. Стало быть цвѣтъ ихъ измѣнился подъ вліяніемъ климата точно также, какъ онъ измѣнился у евреевъ, переселенныхъ на сѣверъ, или какъ бѣлый цвѣтъ кавказскаго племени, насѣлившаго Африку (Египетъ), перешелъ въ бронзовый. Но съ другой стороны мы видимъ, что въ мадярахъ утрачены или перемѣшаны и многіе родовые монгольскіе признаки, выражающіяся въ скелетѣ, пере-

зять, русскіе типы складывались и формировались мало по малу, подъ вліяніемъ тѣхъ же столкновеній и политическихъ переворотовъ. Варяги, половцы, хозары, финскія и монгольскія племена, греки, со введеніемъ христіанства, и пр. откладывали свои разнообразныя черты на русскомъ типѣ, измѣняя, осложняя и разнообразя его до безконечности. И по настоящее время мы не имѣемъ права сказать, что этотъ типъ сложился окончательно и упрочился; напротивъ, какъ типъ всякой расы и націи, онъ и прежде и теперь не имѣетъ ничего прочнаго и опредѣленнаго. Въ высшей степени подвижный и измѣнчивый, онъ измѣнялся и измѣняется теперь и будетъ измѣняться подъ вліяніемъ новыхъ столкновеній.

Всматриваясь въ сложившійся господствующій типъ русской націи, нельзя не замѣтить того неотраднаго явленія, что типъ этотъ складывался и вырабатывался у насъ подъ неблагопріятными условіями. Отъ этого русская нація въ физической красотѣ значительно отстала отъ другихъ (южныхъ) славянскихъ племенъ; въ теченіи вѣковъ она не только не усовершенствовалась, но, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ помѣсей, утратила даже свои кровныя красивыя черты, свойственныя славянскому племени вообще. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣверо-восточной помѣси было меньше, остались еще болѣе или менѣе чистые славянскіе типы, какъ напр. въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, на Дону, въ Малороссіи, а отчасти между старообрядцами. Типы же жителей по окраинамъ нашего отечества большею частію представляютъ *испорченный славянской типъ*, неудовлетворяющій даже самому неприхотливому вкусу. Впрочемъ, съ другой стороны надобно замѣтить, что если мы, вслѣдствіе частыхъ помѣсей, много потеряли въ физической красотѣ, то, можетъ быть,

на столько же выиграли въ физической и нравственной силѣ; потому что чѣмъ чаще и больше обновляется племя, тѣмъ больше оно получаетъ задатковъ для будущаго, болѣе сильнаго и разнообразнаго развитія. Племя, предоставленное самому себѣ, кровь котораго не освѣжается и не подновляется, обыкновенно мельчаетъ физически и нравственно; чистый типъ рано или поздно вырождается. Помѣсь въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ благотѣльно, но, конечно, было бы лучше, если бы эта помѣсь и въ эстетическомъ отношеніи происходила бы въ нашу пользу, что мы и начинаемъ замѣчать въ послѣднее время. Теперь тамъ и сямъ, въ Россіи, встрѣчаются уже новые типы, образовавшіеся подъ другими условіями, при болѣе счастливомъ сочетаніи племенъ. Между массой обыкновенныхъ, или даже некрасивыхъ фізіономій вы встрѣчаете нерѣдко поразительную красоту, усовершенствованный южный типъ, перенесенный на нашу почву. Эти новые славяно-западные типы со временемъ будутъ встрѣчаться чаще и чаще, потому что, по складу современной исторіи, европейская помѣсь, естественно, у насъ будетъ превалировать надъ азіятской и испорченный русскій типъ мало по малу сдѣлаетъ шагъ впередъ къ усовершенствованію.

Въ настоящее время Россія, по своему географическому и этнологическому положенію, едва ли не болѣе, чѣмъ другая какая либо страна, представляетъ условій для измѣнчивости типа ея жителей. Эти условія заключаются въ обилии и разнообразіи племенъ, насѣляющихъ Россію, и въ болѣе распространившихся сношеніяхъ съ Европейцами. Такимъ образомъ, типъ нашъ теперь благотѣльно подновляется и измѣняется, какъ подъ вліяніемъ внутренней помѣси (остзейцы, поляки, евреи, цыгане, кавказскія племена), такъ и наплывомъ

мѣшаны такъ, что историки при взглядѣ на этотъ народъ, долго колебались, куда отнести его происхожденіе. Чистаго типа гунновъ теперь не существуетъ, а его можно узнать при большихъ или меньшихъ измѣненіяхъ въ помѣсяхъ, отъ него происходящихъ. Эта помѣсь совершалась очень давно и очень разнообразно. Народъ, который навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣтіи, а въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабоженіемъ, по свидѣтельству историковъ, состоялъ изъ пестрой смѣси племенъ туркомонгольскаго и финскаго происхожденія. Ихъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, исконной родины финновъ, куда зашли племена, вытѣсненные войною и другими, неизвѣстными причинами изъ жилищъ своихъ въ Средней Азій. Кромѣ того гунны увлекли въ своемъ движеніи и славянъ; имя ихъ осталось во многихъ словянскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда имъ подвластныхъ. Стало быть гунны представляли имя собирательное: гунны, въ собственномъ смыслѣ, были монголы,—мадьяры, по свидѣтельству Грановскаго, принадлежали къ финскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гунскаго народа, или, правильнѣе сказать, ополченія. Изъ этого краткаго историческаго очерка можно понять, какое смѣшеніе и какое измѣненіе долженъ былъ претерпѣть монгольской типъ, при самомъ первоначальномъ его водвореніи въ Венгріи. Это смѣшеніе продолжалось и въ теченіи всей послѣдующей исторіи Венгріи. Этимъ только и можно объяснить ту разнохарактерную смѣсь венгерскаго народонаселенія, отсутствіе чистаго типа въ этой странѣ до такой степени, что одни историки считаютъ родоначальниками венгровъ финскія племена, другіе—монгольскія, третьи—славянскія. Это послѣднее обстоятельство служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нашей

мысли о перерожденіи племени. Въ настоящее время венгерскій черепъ характеризуется слѣдующими признаками: верхнія челюсти сильно развиты, поэтому лицо приближается къ прогнатическому типу. Лобъ выгнутъ мало, затылокъ умѣренно, а середина черепа очень сильно. Лицо умѣренной длины, широко, особенно въ скуловыхъ костяхъ и верхнихъ челюстяхъ; въ нижней части оно суживается. Нижняя челюсть очень велика, верхняя широка, сильно выдается впередъ, дуги ихъ велики и длинны. Видъ черепа большею частію продолговато-овальный; лобъ низокъ и узокъ, лицо сравнительно съ черепомъ велико. Основаніе носа широкое; надбровныя дуги значительно выступаютъ; нижній край глазныхъ впадинъ большею частію очень толстъ и выгнутъ кпереди; скуловыя кости толсты, виски умѣренно выпуклы; нижняя челюсть крѣпка и толста, подбородокъ закругленъ, широкъ.

Тоюо также, смѣшанныя, переходныя формы можно наблюдать у чеховъ, преимущественно въ Прагѣ, гдѣ рѣзче выражаются слѣды помѣси съ нѣмцами; у сербовъ, кроатовъ — слѣды помѣси съ венгерцами и сѣверными итальянцами. На югѣ Франціи бросается въ глаза помѣсъ съ испанцами, что придаетъ обитающимъ здѣсь французамъ чисто-южный типъ, съ продолговатымъ лицомъ, черными, какъ смоль, волосами и черными глазами.

Изучая итальянскій типъ, мы прежде всего обратили вниманіе на разность теперешняго ихъ типа съ древнеримскимъ и на отличіе сѣверныхъ итальянцевъ отъ южныхъ. Кто внимательно всматривался въ старыя картины, фрески, бюсты и статуи въ неаполитанскомъ музеѣ, римскихъ музеяхъ и преимущественно въ Ватиканѣ и Капитоліѣ, музеяхъ флорентійскихъ и пр.—особенно

въ бюсты и статуи римскихъ императоровъ, греческихъ и римскихъ философовъ, тотъ могъ воскресить въ своемъ воображеніи, на основаніи этого праха древности, составляющаго предметъ поклоненія и восторга для путешественниковъ,—живой образъ древне-римскаго типа. Въ этомъ отношеніи особенно дороги бюсты первыхъ императоровъ (Августа, Тиверія, Германика, Клавдія, Нерона, Тита и проч.), потому что они происходили отъ древнихъ фамилій и не принадлежали, какъ многія изъ ихъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Типъ ихъ большею частію рѣзко характеризуется слѣдующими чертами: вертикальный размѣръ головы коротокъ, вслѣдствіе этого лицо широко; верхушка черепа довольно плоская, нижній край челюсти почти горизонтальный, отъ этого очеркъ головы спереди подходитъ къ формѣ четырехугольника. Боковыя части головы выше ушей выпуклы, лобъ низокъ, носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается сверху и оканчивается, не доходя до конца. Передняя часть подбородка округлена. Этотъ типъ римлянина, рѣзко характеристичный, можно видѣть почти на всѣхъ бюстахъ, статуяхъ, барельефахъ и древнихъ картинахъ. Стало быть, это былъ типъ народный. Его не рѣдко можно встрѣтить и до сихъ поръ въ верхней Италіи и къ сѣверу отъ Рима. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, становится очень рѣдкимъ.

Всматриваясь въ портреты великихъ поэтовъ Италіи: Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса, въ картины венеціанской школы, въ портреты Дожей, собранные въ бывшемъ дворцѣ ихъ и пр., невольно поражаешься лежащимъ на всѣхъ этихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы. Но эта порода уже нѣсколько отличная отъ древне-римской; здѣсь голова представляется продолговатою, лобъ высокой и развитый, носъ загнутый концемъ къ низу съ вздер-

путями ноздрями. Этотъ типъ можно и теперь наблюдать въ Тосканѣ, Болоньи, Феррарѣ, Падуѣ, Венеціи и Миланѣ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ галламъ, потому его можно встрѣтить не только въ верхней Италіи, но и по ту сторону альповъ, въ Швейцаріи, около Женевы, и отчасти во Франціи (въ Бургундіи, Лионской области, Дофинэ и Савоин), что придаетъ теперешнимъ французамъ нѣкоторое сходство съ сѣверными итальянцами. Сравнивая эти два типа т. е. чисто римскій и современный итальянскій, нельзя не прійти къ тому заключенію, что типъ древнихъ римлянъ значительно отличался отъ нынѣшняго. Классическая римская красота въ настоящее время измѣнилась и приняла другія формы. Остатки ея, конечно, попадаются и теперь очень часто, но это ничто иное, какъ обломки стараго типа, перемѣшанныя и сгруппированныя иначе съ чертами пришлыми, какъ старыя римскія зданія, реставрированныя по новому стилю. Процессъ этого вырожденія римской націи совершался въ теченіи вѣковъ, подъ вліяніемъ историческихъ переворотовъ римской имперіи, при наплывѣ и смѣшеніи разнохарактерныхъ націй, путемъ замѣщенія, раздѣленія и видоизмѣненія анатомическихъ особенностей, вносимыхъ каждою націей въ потомство при помѣси крови.

Какъ результатъ этого вырожденія, мы видимъ и теперешнюю разницу между сѣверными и южными итальянцами. Красивыя формы встрѣчаются преимущественно въ сѣверной Италіи. Черепъ сѣвернаго итальянца въ настоящую эпоху характеризуется слѣдующимъ: онъ довольно широкъ, лицо сравнительно съ черепомъ мало, умѣренно длинно и скорѣе узко чѣмъ широко. Видъ черепа широко-овальный; лобъ широкъ и сильно выпуклый, виски сильно выгнуты, затылокъ широкъ и плоско

округлый; надбровныя дуги не выдаются, отверстія глазныхъ впадинъ велики и продолговато-четыреугольны, нижній край ихъ тонко заостренъ; корень носа, равно какъ и носовыя кости узки; скуловыя кости тонки. Видъ черепа спереди продолговато-офальный. Кромѣ этого красиваго склада черепа, сѣверный итальянецъ, обыкновенно, имѣетъ круглые глаза, небольшой ротъ, прекрасныя зубы, большую окладистую, большею частію, черную бороду, стройный станъ, средній, рѣдко высокій ростъ при незначительномъ отложеніи пигмента въ кожу и достаточной жирной подстилкѣ. Каждый путешественникъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе на массу выдающихся красавицъ и красавцевъ въ Венеціи, Веронѣ, Миланѣ, Туринѣ, Генуи и отчасти во Флоренціи и Римѣ, что особенно можетъ броситься въ глаза во время большихъ праздниковъ карнавала, въ театрахъ, на общественныхъ гуляньяхъ при стеченіи массъ народа, когда можно сдѣлать оцѣнку красоты народонаселенія.—Совершенно особенный характеръ южно-итальянскаго типа можно наблюдать напр. въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Здѣшніе жители почти исключительно брюнеты, цвѣтъ кожи, большею частію, темно-матовый, черты лица болѣе продолговатыя чѣмъ у сѣверныхъ итальянцевъ, носъ длинный, прямой или выгнутый, ротъ довольно большой, жирная подкожная клетчатка развита очень мало. Вообще южные итальянцы скорѣе походятъ на нынѣшнихъ грековъ или нашихъ цыганъ, а сѣверные болѣе приближаются къ типу гальскому или южно-славянскому. Нѣтъ сомнѣнія, что въ происхожденіи этихъ особенностей играло не маловажную роль и дѣйствіе климата, но существеннымъ образомъ типъ измѣнился подъ вліяніемъ помѣси крови.

Всматриваясь въ *польскій* типъ, мы найдемъ въ немъ

значительныя особенности, отличающія его отъ славяно-русскаго типа. Черепъ ихъ довольно великъ, коротокъ и очень широкъ, затылокъ плоскій, лобъ сильно выпуклый, средняя часть головы выгнута умѣренно; лицо сравнительно съ черепомъ довольно длинно, въ верхней части довольно широко, а книзу суживается; глазныя впадины малы и мелки (оттого глаза на выкатѣ). Спереди голова кажется продолговато-овальной формы, съ высокимъ и широкимъ лбомъ; корень носа узокъ, носовыя кости довольно велики, при соединеніи своемъ образуютъ плоскій носъ, нижняя челюсть значительно развита, подбородокъ довольно узкій.—Выработкѣ польскаго типа содѣйствовала помѣсь съ сосѣдними племенами. Вслѣдствіе географическаго положенія и политическихъ судьбъ этой страны, жители ея очень рано и очень часто начали сталкиваться съ окружающимъ ихъ нѣмецкимъ народонаселеніемъ, съ малороссами, эстонцами, пришлыми голландцами, французами и пр. и находящимися въ ихъ средѣ евреями. Такимъ образомъ, у поляковъ помѣсь съ европейцами произошла раньше, чѣмъ у русскіхъ славянъ и она дала лучшіе результаты, чѣмъ помѣсь въ Россіи, происходившая въ прежнее время съ монгольскими и финскими племенами. Отъ этого польскій типъ выработался нѣсколько совершеннѣе, чѣмъ типъ русскій.

Эти примѣры, надѣюсь, достаточно доказываютъ, что племенной и національный типъ измѣнчивъ. Теперь остается указать на нѣсколько примѣровъ того, какимъ образомъ совершается это измѣненіе. Измѣненіе типа вслѣдствіе помѣси націй можетъ быть весьма разнообразно, что зависитъ отъ элементовъ, играющихъ роль въ этой помѣси. Кому не извѣстно вліяніе еврейскаго, армянскаго или грузинскаго типа на типъ славянскій, и наоборотъ. Между, обитателями Россіи эта помѣсь выдается

рѣзче всего. Вліяніе помянутыхъ племенъ на славянскія черты отражается не только въ цвѣтѣ волосъ и глазъ, но и въ формѣ черепа. Этотъ послѣдній изъ брахицефалическаго (круглаго) мало по малу переходитъ въ долхоцефалическій (продолговатый), поперечники лица уменьшаются, измѣняется форма и направленіе носовыхъ костей, скулъ и челюстей, такъ что въ новомъ поколѣніи большею частью выходитъ нѣчто среднее между еврейскимъ или армянскимъ и славянскимъ типомъ, дающее болѣе красивыя формы. Сглаживаніе и улучшеніе формы, вслѣдствіе помѣси, образуется большею частью не вдругъ, а чрезъ нѣсколько генераций, когда родоначальные типы, перемѣшиваясь, совершенно маскируются. Такъ напр. дѣти отъ еврея и славянки (если они въ отца) большею частью сохраняютъ еще еврейскій, не совсѣмъ пріятный типъ, но въ слѣдующемъ сочетаніи съ славянскимъ или германскимъ племенемъ, они производятъ уже поколѣніе болѣе отдѣляющееся отъ еврейскаго типа, такъ что наконецъ въ 3-й и 4-й генерации рѣзкія еврейскія черты совершенно исчезаютъ, и такимъ образомъ вырабатывается типъ болѣе мягкій и болѣе красивый. Конечно, такое превращеніе можетъ происходить и быстрѣе, особенно если на рождающихся дѣтяхъ одновременно отражаются черты обоихъ родителей. — Всматриваясь въ русскихъ красивыхъ брюнетокъ и брюнетовъ съ продолговатымъ лицомъ, широкимъ лбомъ и прямымъ, тонкимъ носомъ, напоминающихъ собою итальянскій типъ, мы по возможности старались анализировать ихъ генеалогію. Большею частью оказывалось, что въ ряду ихъ родоначальныхъ, иногда за нѣсколько генераций, были пришлые элементы, именно еврейскій, армянскій, грузинскій или итальянскій. При видѣ такихъ субъектовъ можно, въ большинствѣ слу-

чаевъ, смѣло сказать, что въ произведеніи ихъ отъ славянскаго корня участвовали пришлыя націи, а иногда, при строгомъ наблюденіи, даже—какія именно. Признаки пришлой помѣси сохраняются на поколѣннн иногда очень долго, воспроизводясь въ послѣдующихъ генерацияхъ въ формѣ смѣшеннаго типа, если только они не будутъ парализованы болѣе сильнымъ вліяніемъ чистокровнаго родителя, вполне отразившаго на дѣтяхъ свои національныя черты. Такое возвращеніе къ чистому типу, впрочемъ, происходитъ сравнительно рѣже, чѣмъ продолженіе смѣшаннаго, такъ какъ болшею частью, при продолжающихся помѣсяхъ, на рождающемся потомствѣ воспроизводятся одновременно, хотя и не всегда въ одинаковой степени, черты обоихъ родителей. Отъ этого, въ общей сложности, при смѣшеніи племенъ происходитъ мало по малу, при различныхъ колебаніяхъ, измѣненіе типа господствующаго племени. Напр. при долго продолжающемся смѣшеніи брахоцефаловъ съ долихоцефалами, ортогнатическихъ племенъ съ прогнатическими въ общемъ итогѣ наконецъ будетъ средній типъ, въ которомъ характеристическія рѣзкія черты тѣхъ и другихъ утратятся.

При помѣси славянъ съ татарами, башкирами, калмыками образуется точно также смѣшанный типъ, въ которомъ славянскія черты будутъ носить отпечатокъ монгольскаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ круглое славянское лицо не суживается и не удлиняется, какъ при только-что описанной помѣси, а напротивъ расширяется и дѣлается болѣе плоскимъ. Форма черепа, относительные размѣры лица, форма и степень развитія лицевыхъ костей (скуловыя и носовыя кости, верхняя и нижняя челюсти), форма и направленіе глазныхъ орбитъ теряютъ рѣзкую типичность той и другой расы, выражая собою нѣчто среднее, какъ бы переходную форму. Отъ

этого между полукровными славянами, съ примѣсью монгольской крови, мы встрѣчаемъ типы, съ татарскимъ оттѣнкомъ, что особенно часто можно наблюдать на окраинахъ Россіи, напр. около Астрахани, въ Казанской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерніяхъ и Сибири. Такіе смѣшанные типы, при дальнѣйшихъ генераціяхъ, производятъ подобное же поколѣніе, въ которомъ будутъ преобладать монгольскія или славянскія черты, смотря потому, какого вліянія было больше. Такъ какъ татарская помѣсь происходила у насъ, большею частью, очень давно, измѣнялась и перерождалась подъ вліяніемъ помѣсей съ другими инородцами, то на выродившихся типахъ иногда бываетъ уже трудно узнать слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія, хотя все-таки переродившійся типъ будетъ отличенъ отъ типа чисто славяно-русскаго.

Этимъ смѣшеніемъ можно объяснить то, всѣмъ извѣстное, явленіе, что у насъ народонаселеніе почти всѣхъ губерній имѣетъ нѣчто особенное въ своей наружности. Сравните напр. ярославскихъ или московскихъ крестьянъ съ крестьянами Вятской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Псковской, Витебской губерній и пр. и вы увидите разницу ихъ такъ осязательно, что, при нѣкоторомъ навыкѣ, можно даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ приблизительно сказать, къ какой губерніи принадлежитъ крестьянинъ. Чѣмъ меньше инородцевъ въ губерніи, тѣмъ славяно-русской типъ чище и наоборотъ. Этимъ же мы между прочимъ объясняемъ и общее отличіе русскаго типа (весьма впрочемъ разнообразнаго въ частностяхъ) отъ типа другихъ славянскихъ народовъ, напр. поляковъ, чеховъ, сербовъ и пр., выработавшихся подъ другими условіями, при другихъ помѣсяхъ, большею частью съ европейскими народами.

До сихъ поръ мы говорили о помѣси *націй*, теперь

обратимъ вниманіе на помѣсь фамилій. Кому изъ путешествовавшихъ по Россіи не извѣстно, что въ нашемъ обширномъ отечествѣ встрѣчаются ограниченныя мѣстности, отдѣльныя села и деревни, изстари славящіяся, какъ оазисы среди пустыни, красотой своихъ жителей. Такая молва большею частію идетъ не напрасно. Въ этихъ селахъ и деревняхъ вы дѣйствительно встрѣчаете народонаселеніе и стройнѣе и красивѣе, иногда съ совершенно особеннымъ оттѣнкомъ, чѣмъ въ смежныхъ мѣстностяхъ. Образчикомъ этому можетъ служить напр. наша Охта (которая славится красивыми женщинами), если мы сравнимъ ея жителей съ жителями другихъ окрестныхъ петербургскихъ деревень. Объяснить это не трудно, если мы вспомнимъ, что нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности точно также славятся красотой и лучшимъ качествомъ животныхъ (надѣюсь это сравненіе, разъясняющее дѣло, не будетъ обидно для читательницъ). Такъ напр. кто не знаетъ про холмогорскихъ и тирольскихъ коровъ, про вятскихъ и шведскихъ лошадей, про романовскихъ или шленскихъ овецъ и пр. Эти животныя, разъ разведенныя отъ доброкачественныхъ родоначальниковъ и поселенныя въ извѣстной мѣстности, плодились здѣсь, сохраняя болѣе или менѣе свой первоначальный типъ даже при продолжающихся время отъ времени помѣсяхъ съ туземными животными. Точно также объясненіе вышеприведеннаго факта исключительной красоты жителей нѣкоторыхъ мѣстностей мы должны искать въ счастливомъ происхожденіи этихъ жителей отъ красивыхъ и крѣпкихъ родоначальниковъ, или въ подновленіи семейныхъ породъ пришлыми, однокровными, но лучшими элементами. Такъ, напримѣръ, относительно Охты мы знаемъ, что жители ея произошли отъ переселенцевъ, разнаго рода вольныхъ людей, Нов-

городской, Тверской и Олонецкой губерній, выписанныхъ сюда при Петрѣ I-мъ въ числѣ трехъ сотенъ. Зная съ одной стороны, что жители Новгородской и Тверской губерній и прежде, и теперь отличаются стройнымъ и красивымъ сложеніемъ, а *вольная молодежь* ихъ, выбранная для переселенія, по всей вѣроятности, состояла изъ болѣе способныхъ къ работѣ, слѣдовательно болѣе рослыхъ и крѣпкихъ особъ;—съ другой стороны, предполагая, что вольные переселенцы, преимущественно старообрядцы, едва-ли въ своемъ поколѣніи допускали помѣсь съ окрестными (туземными) жителями Петербурга—мы поймемъ, отчего типъ охтянъ выработался чище и лучше, нежели у жителей окрестныхъ петербургскихъ деревень, гдѣ происходили и происходят помѣси съ финскимъ племенемъ. Съ другой стороны, нельзя не допустить и того предположенія, что охтянки, при своей свободѣ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ, кое-когда подновляли свой родъ посторонними, но лучшими элементами разнообразнаго петербургскаго народонаселенія.

Относительно деревень, разбросанныхъ въ глубинѣ Россіи, большею частію можно сказать тоже самое, т. е. что красивые жители ихъ произошли отъ переселенцевъ изъ другихъ губерній, отличающихся лучшимъ типомъ жителей, или расплодились и усовершенствовались подъ вліяніемъ пришлыхъ и временныхъ обитателей. Въ ряду этихъ послѣднихъ нужно поставить на первомъ планѣ войска и фабричныхъ людей. Что долго продолжающіеся военные постои имѣютъ вліяніе на типъ новаго поколѣнія занимаемой ими мѣстности, въ этомъ внимательному наблюдателю убѣдиться легко. Рослые и бравые солдаты, особенно гвардейскихъ и лейб-гренадерскихъ полковъ, сплошь и рядомъ служатъ рассадниками рослаго и кра-

сиваго народонаселенія, незамѣтно сглаживають фамиліные недостатки данной мѣстности, подновляютъ вырождающееся племя, точно также, какъ въ сельско-хозяйственномъ быту кровныя или полукровныя животныя (приводимыя съ заводовъ) поддерживаютъ и поправляютъ мельчающую расу деревенскаго скота. Мы слышали, что описанное вліяніе солдатъ было давно извѣстно помѣщикамъ и что нѣкоторые изъ нихъ, по экономическимъ расчетамъ, будто-бы желали въ своихъ деревняхъ военныхъ постоевъ, находя, что налоги отъ нихъ значительно вознаграждаются въ будущемъ приобрѣтеніемъ большаго количества живыхъ рабочихъ силъ. Какъ бы то ни было, но сравнивая народонаселеніе мѣстностей, гдѣ долго квартировали войска, съ народонаселеніемъ мѣстностей, гдѣ не было этихъ постоевъ, мы почти всегда найдемъ, что жители первыхъ превзойдутъ рослостью, силой и даже физической красотой.

И это будетъ еще понятнѣе, когда мы разберемъ законы вырожденія и подновленія фамилій, — вліяніе помѣски крови и отборно доброкачественныхъ племенныхъ разсадниковъ на новое поколѣніе данной мѣстности. Кроме солдатъ, такую же роль могутъ играть, хоть и въ меньшей степени, и другіе пришлые и временные обитатели, какъ напр. рабочій, ремесленный людъ, приходящій на заработки изъ другихъ губерній, мелкіе торговцы (напр. вязниковцы, офени и пр.), фабричныя и т. п. Вліяніе ихъ на типъ жителей данной мѣстности менѣе замѣтно, нежели отъ солдатъ, такъ какъ численность первыхъ несравненно менѣе, но оно все-таки есть.

Уральскіе, донскіе и малороссійскіе казаки славятся своимъ ростомъ и красотой. Типъ донской казачки имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное (черные быстрые глаза, черныя брови, тонкій большею частію прямой носъ, лицо болѣе

продолговатое, чѣмъ у другихъ славяно-русскихъ женщинъ, стройный станъ и пр.), точно также, какъ и типъ казака, если его сравнивать съ великорусскимъ крестьяниномъ. Развитіе такого типа будетъ понятно, если мы вспомнимъ исторію образованія казачества. Даже прежде того, напр. во времена Владиміра, въ Кіевѣ и вообще въ южно-русской землѣ населеніе было болѣе смѣшанное, чѣмъ въ другой мѣстности: тутъ были и Греки, и Вараги, Шведы, Датчане, Поляки, Печенѣги, Нѣмцы, Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія, при кокетствѣ, легкомысленности женщинъ и при развитомъ волокитствѣ мужчинъ, давала ежедневные поводы къ помѣсямъ. Не только Кіевъ, но и вся кіевская земля населена была такою смѣсью. Населеніе здѣсь увеличивалось не посредствомъ народнаго размноженія, а передвиженіемъ его изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ русской семьи. Поэтому на югъ Россіи, при наплывѣ разнообразнаго народонаселенія и постоянныхъ столкновеній съ разнохарактерными сосѣдними и пришлыми племенами, типъ южно-русскій могъ выработываться лучше. Богатыри Владиміра, даже женщины того времени, славились высокимъ ростомъ, необыкновенной физической силой и удалью. Женскій полъ отличался красотой и кокетствомъ.

Впослѣдствіи времени казачество на Днѣпрѣ, на Дону, еще болѣе выработало и усовершенствовало южный славянскій типъ. Эти древніе русскіе рыцари составляли наплывъ болѣе энергическаго народонаселенія изъ всѣхъ краевъ русскаго государства. Ряды казачества наполнялись людьми недовольными, тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы,—стало быть сравнительно людьми лучшими. Въ закладкѣ донскаго казачества, равно какъ казачества

по берегамъ Волги, Яика, Терека, лежала уже болѣе или менѣе выработанная малороссійская народность. При политической свободѣ и при частомъ обновленіи племени, естественно, типъ казаковъ усовершенствовался быстрѣе, чѣмъ типъ крестьянскаго народонаселенія.

Такимъ образомъ можно объяснить происхожденіе областныхъ и фамильныхъ особенностей типа и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ.

Вышеприведенные факты и разсужденія, надѣюсь, доказываютъ ясно, что типы человѣческіе измѣнчивы и переходчивы, что они существеннымъ образомъ подчиняются вліянію помѣсей и отчасти вліянію окружающей среды. Сознаніе этого служитъ краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій. Теперь мы должны показать причины и условія измѣняемости типа, именно начать съ наслѣдственности, потому что безъ знанія законовъ ея нельзя понять, какимъ путемъ родъ человѣческій совершенствуется или вырождается.

II.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ, КАКЪ ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ИЗМѢНЯЕМОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Чтобы яснѣе представить процессъ вырожденія или усовершенствованія человѣческихъ породъ, необходимо познакомиться съ общими фізіологическими законами *наслѣдственности*.

Въ настоящее время, конечно, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ фактѣ, что матеріальное, необходимое и существенное условіе развитія состоитъ въ сліяніи мужскаго элемента — *стѣяннаго живчика* съ женскимъ

элементомъ — *яичкомъ*. (1) Зародышъ есть продуктъ этого сліянія.

(1) Яички существуютъ въ яичникахъ со дня рожденія женщины, но жизнь ихъ остается, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не наступитъ періодъ половой зрѣлости, обнаруживающійся появленіемъ мѣсячныхъ очищеній. Въ это время яички начинаютъ созрѣвать и начинаютъ формироваться *Граафовы пузырьки*. Эти послѣдніе, названные по имени доктора Reunier Graaf'a, описавшаго ихъ въ первый разъ, суть ничто иное, какъ пузырьки, величиною съ небольшую вишню, наполненные полупрозрачною жидкостію, въ которой помѣщается женское яичко. Граафовъ пузырекъ не играетъ собственно никакой роли въ воспроизведеніи рода, и назначенъ только, какъ вспомогательный органъ, для выведенія яичка изъ центра яичника къ периферіи. При полной своей зрѣлости этотъ пузырекъ, выдвигающійся надъ поверхностію яичника, разрывается и изъ него, вмѣстѣ съ жидкостію, выступаетъ яичко, воспринимаемое тутъ же концомъ фаллопиевой трубы. Въ это время происходитъ и столкновеніе яичка съ сѣмянными живчиками. Разрывъ Граафова пузырька у женщины большею частію случается во время мѣсячныхъ очищеній, но, можетъ быть, и въ другое время.

Самое *яичко* представляетъ собой, невидимое простыми глазами, микроскопическое круглое тѣло, въ которомъ различаютъ, начиная снаружи, оболочку, желтокъ и въ срединѣ желтка еще меньшій пузырекъ, наполненный полупрозрачною жидкостію, открытій физиологомъ *Пуркинью* въ яйцѣ птицъ и *Костомъ* въ яйцѣ млекопитающихъ. Этотъ *пузырекъ Пуркинью* и составляетъ самую сущность женскаго яичка, изъ него собственно и происходитъ развитіе зародыша, тогда какъ желтокъ яичка играетъ роль питательнаго матеріала. Можетъ показаться странной громадная несоизмѣрность между женскимъ микроскопическимъ яичкомъ и яичами птицъ, но нужно помнить, что яичко млекопитающихъ, тотчасъ послѣ своего оплодотворенія, соприкасается съ стѣнками половыхъ частей матери (фаллопиева труба, матка) и оттуда получаетъ питаніе, тогда какъ у птицъ зародышъ развивается въ яйцѣ до полной своей зрѣлости; слѣдовательно овъ долженъ имѣть здѣсь значительный запасъ питательнаго матеріала, необходимаго для развитія птичьяго зародыша. Мѣсячное очищеніе у женщины,

Какъ яичко, такъ и сѣмянной живчикъ носятъ въ себѣ, подобно зерну растенія, скрытые задатки всѣхъ индивидуальных особенностей того лица, которому они принадлежатъ. Какъ изъ маковаго зерна не разовьется

равно какъ и течка у животныхъ, есть ничто иное, какъ результатъ созрѣванія и выхожденія яичекъ, стало быть это есть наружное проявленіе, фактъ половой зрѣлости и способности къ зачатію.

Самый существенный элементъ въ мужскомъ сѣмени представляютъ *сѣмянные живчики* (сѣмянные нити, сперматозоиды). Если изслѣдовать сѣмянную жидкость подъ микроскопомъ, то въ ней замѣчается громадное количество этихъ живчиковъ, двигающихся съ большою энергіей въ различныхъ направленіяхъ. Каждый живчикъ состоитъ изъ тонкой нити, съ оливкообразнымъ или овальнымъ утолщеніемъ на одномъ концѣ (головка). Другой конецъ живчика, постепенно истончающійся, называется хвостикомъ. Живчикъ всегда двигается головкой впередъ, дѣлая довольно быстрыя колебанія хвостикомъ, въ родѣ того, какъ мы видимъ при плаваніи головастиковъ или небольшихъ рыбокъ. Скорость движенія сперматозоидовъ сравниваютъ съ скоростью движенія змѣй. Движеніе сперматозоидовъ, а равно и оплодотворяющая ихъ способность быстро прекращаются отъ холода, дѣйствія кислотъ, раствора щелочей, опиума, стрихнина, желчи и катаральной слизи влагалища. Поэтому женщины, страдающія бѣдами, забеременѣваютъ съ трудомъ. Не смотря на самостоятельныя, разнообразныя движенія сѣмяннаго живчика, его все-таки нельзя назвать животнымъ въ собственномъ смыслѣ, потому что въ немъ нѣтъ никакой внутренней организаціи, свойственной животному. Сѣмянные живчики у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ составляютъ необходимый элементъ воспроизведенія. У зрѣлаго мужчины они существуютъ во всякое время, поэтому человекъ способенъ оплодотворять всегда, между тѣмъ какъ у животныхъ образованіе сѣмянныхъ живчиковъ происходитъ черезъ извѣстные сроки и только въ эти сроки животное обладаетъ оплодотворяющею способностію.

Мы сочли нужнымъ вкратцѣ разсказать объ элементахъ размноженія, безъ чего для читателей, неизучавшихъ этого предмета, дальнѣйшія наши указанія на свойство и роль этихъ элементовъ были бы не ясны.

колосъ, изъ куриного яйца не выйдетъ фазанъ, такъ и изъ сѣмяннаго живчика или яичка отъ лицъ кавказской расы не произойдетъ негръ или калмыкъ. Мало того, черезъ помянутые элементы размноженія передаются и болѣе частныя, индивидуальныя особенности—цвѣтъ волосъ и глазъ, очертаніе лица, свойства сложенія и пр., такъ что новый индивидуумъ получаетъ отпечатокъ родителей. На этомъ основано явленіе наслѣдственности и сходство родителей съ дѣтьми.

Съ другой стороны, на процессъ возрастанія имѣетъ вліяніе среда, условія питанія, развитія, упражненія органовъ, такъ что унаслѣдованные признаки могутъ получить чрезъ это то или другое направленіе, вслѣдствіе чего сходство дѣтей съ родителями можетъ приближаться или отдаляться, особенно въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній.

Если признаки супруговъ, производшихъ новый индивидуумъ, существенно различны, то на новой особи обыкновенно отражаются или признаки одного изъ родителей, преобладававшего въ воспроизведеніи, или смѣсь признаковъ того и другого. Въ послѣднемъ случаѣ продуктъ не будетъ вполнѣ походить ни на одного изъ родителей, а представитъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ свою очередь эта новая личность, при своемъ собственномъ размноженіи, можетъ передавать по тѣмъ же законамъ или свои личныя признаки всецѣло, или только признаки, унаслѣдованные отъ одного изъ родителей, или тѣ и другія въ смѣси съ признаками того лица, съ которымъ оно вступило въ брачныя сношенія. На этомъ основано измѣненіе породы путемъ помѣси крови. Если новая особа, носившая въ себѣ сочетаніе признаковъ отца и матери, при своемъ размноженіи передаетъ признаки одного изъ своихъ родителей, тогда, путемъ уси-

ленія этихъ признаковъ черезъ поколѣніе, является сходство внучать съ дѣдами. Такой *возвратъ къ родичамъ*, вѣроятно, можетъ случиться и черезъ нѣсколько генераций, если ослабленные въ родителяхъ свойства снова усилятся въ потомкахъ, вслѣдствіе благоприятныхъ условій. Въ этомъ заключаются общія основанія наслѣдственности. Почему въ одномъ случаѣ потомокъ получаетъ больше свойствъ отъ отца, чѣмъ отъ матери, въ другомъ наоборотъ—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ здѣсь, кажется, должно играть нѣкоторую роль свойство живчика и яичка. Можетъ быть, сравнительно лучше развитый живчикъ или большее количество живчиковъ, проникнувшихъ въ одно менѣе развитое яичко, обуславливаютъ преобладаніе отцовскаго вліянія. Противоположный случай, т. е. проникновеніе слабаго живчика въ болѣе развитое и доброкачественное яичко даетъ мѣсто преимущественному проявленію въ зародышѣ свойствъ матери. Это предположеніе можно подтвердить тѣми фактами, что у крѣпкихъ, здоровыхъ и энергическихъ женщинъ, зачавшихъ вскорѣ послѣ мѣсячныхъ очищеній (преимущественно періодъ зрѣлости яичекъ) рожденные дѣти чаще походятъ на мать. Но повторяемъ, этотъ законъ сходства далеко еще не подмѣченъ и не опредѣленъ ни у человѣка, ни у животныхъ, и это служить существеннымъ препятствіемъ раціональному улучшенію породы. Скотоводамъ извѣстно, что однѣ самки постоянно носятъ приплодъ въ себя, другія въ самцовъ, третьи смѣшаннымъ образомъ или по-очередно. Если можно въ этомъ отношеніи руководиться какой нибудь идеей, то съ одной стороны *идея зрѣлости и совершеннаго развитія живчиковъ и яичекъ*, съ другой стороны *консолидированностію, прочностію или устойчивостію*

расы или породы, которая, обыкновенно, побѣждаетъ породу молодую и неупроченную.

Относительно живчика и яичка мы знаемъ, что они во время половой жизни не остаются въ одномъ и томъ же состояніи, а первые постоянно нарождаются, вторые созрѣваютъ и потомъ снова приходятъ въ увяданіе, исчезаютъ. Кромѣ того, мы знаемъ также, что общія разстройства организма, или мѣстныя болѣзни половых органовъ имѣютъ большое вліяніе на свойство элементовъ размноженія. У людей больныхъ или слабыхъ, сѣмянные живчики оказываются вялыми, мало подвижными и мало развитыми, такъ что наконецъ они дѣлаются неспособными къ оплодотворенію. Это мы замѣчаемъ также у стариковъ и лицъ истощенныхъ, особенно злоупотребленіемъ половых сношеній. Съ другой стороны, у людей крѣпкихъ, здоровыхъ и воздержныхъ, по виду и энергіи живчиковъ можно судить о болѣе совершенномъ ихъ развитіи. Оплодотворяющая способность такихъ людей обыкновенно бываетъ развита въ сильной степени, и новая особь, происходящая вслѣдствіе такого оплодотворенія, развивается лучше и правильнѣе. Тоже самое мы видимъ и на женскихъ яичкахъ. Процессъ оплодотворенія можетъ застать ихъ въ различныя эпохи развитія (вслѣдствіе преждевременнаго разрыва Граафова пузырька) и при различныхъ качествахъ. Поэтому яичко въ нѣкоторыхъ случаяхъ хотя и можетъ воспринять оплодотвореніе, но, по слабости своего развитія сравнительно съ сѣмяннымъ живчикомъ, оно будетъ оказывать меньше вліянія на структуру и отличительныя черты, новаго индивидуума. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать что отъ степени развитія, здоровья и энергіи элементовъ размноженія зависитъ большая или меньшая степень участія этихъ элементовъ въ формѣ и свойствахъ развитія

плода. Стало бытъ есть основаніе допустить, что сходство дѣтей съ однимъ изъ родителей обусловливается преобладаніемъ силы элементовъ этого родителя. Поэтому у старыхъ, истощенныхъ или больныхъ мужей дѣти гораздо чаще походятъ на мать, чѣмъ на отца. Изъ вышесказаннаго можно вывести слѣдующее практическое примѣненіе: если женщина желаетъ, чтобы дѣти походили на нее, то больше шансовъ достигнуть этого въ томъ случаѣ, когда оплодотвореніе будетъ совершено вскорѣ послѣ мѣсячныхъ очищеній, когда больше можно рассчитывать на зрѣлость и болѣе совершенное развитіе яичка. Съ другой стороны мужчина больше можетъ рассчитывать на сходство съ своимъ поколѣніемъ тогда, когда трата сѣмени у него происходила въ большіе промежутки времени, стало бытъ, когда сѣмянные нити успѣваютъ болѣе развиться. Ежедневное совокупленіе въ этомъ отношеніи будетъ служить не въ его пользу. Онанисты, люди страдающіе произвольнымъ истеченіемъ сѣмени, или злоупотребляющіе половыми сношеніями, значительно ослабляютъ силу своихъ сѣмянныхъ живчиковъ, такъ что становятся или вовсе производительными, или, по крайней мѣрѣ, мало удѣляютъ своего вліянія на развивающійся вслѣдствіе такого оплодотворенія плодъ.

Нѣкоторые читатели могутъ подумать: не слишкомъ ли мы ограничили причину сродства дѣтей съ родителями, приписывая это только сѣмянному живчику и женскому яичку? Казалось бы, что въ этомъ отношеніи со стороны матери надо было указать и на другое вліяніе—вліяніе почвы, на которой развивается утробный плодъ, вліяніе материнской крови. Но мы напомнимъ читателю, что кровь матери здѣсь играетъ роль только питательнаго матеріала, притомъ доступнаго зародышу

не съ самаго начала беременности, а по истеченіи извѣстнаго времени, когда зачатки органовъ плода уже существуютъ. Мало того, даже самое яичко не все участвуетъ въ воспроизведеніи органовъ и формъ новаго индивидуума, а только извѣстная, самая незначительная его часть, именно зародышевый пузырекъ съ зародышевымъ пятнышкомъ. Остальная часть яичка тоже составляетъ только питательный матеріаль. Это мы яснѣе увидимъ на куриномъ яйцѣ, въ желткѣ котораго каждый можетъ замѣтить сѣроватое пятнышко, съ горошину величиной. Въ этомъ-то пятнышкѣ и происходитъ начало и вся сущность жизни будущаго цыпленка; здѣсь, какъ и въ зернѣ, скрыты и сосредоточены всѣ готовыя уже отличительныя формы новаго животнаго, а вся масса желтка назначена для того только, чтобы дать средства на счетъ ея развитія этимъ формамъ. Стало бытъ и материнская почва, вмѣстѣ съ желткомъ яичка, не играетъ никакой роли въ воспроизведеніи признаковъ новой особи, а какъ земля для зерна растенія представляетъ только необходимую среду для развитія скрытыхъ въ существенныхъ элементахъ размноженія формъ и признаковъ. Поэтому вліяніе матери на форму и признаки плода совершенно равносильно вліянію отца. Другое дѣло здоровье, питаніе и развитіе плода, это зависитъ уже отъ матери, стало бытъ только въ этомъ отношеніи она и можетъ гордиться своимъ большимъ вліяніемъ.

На передачу фамилныхъ качествъ, какъ мы сказали, имѣетъ еще вліяніе *устойчивость и постолнство породы*. Подъ этимъ разумѣется такое свойство, когда извѣстная порода, черезъ рядъ поколѣній, пріобрѣтаетъ способность вѣрно передавать свои наслѣдственныя качества. Такую породу называютъ *окрѣпшею, упрочен-*

ною, консолидированною. Степень упроченности находится въ обратномъ отношеніи съ помѣсью: чѣмъ дольше въ поколѣніи не было помѣси съ другими племенами или расами, тѣмъ порода прочнѣе и тѣмъ вѣрнѣе она передаетъ свои качества потомству въ смѣшанныхъ бракахъ. Прочность породы не зависитъ отъ ея благородства или физическаго совершенства. Напротивъ, случается нерѣдко, что самая грубая порода, если только она долго оставалась въ чистотѣ, при помѣси противустоитъ породѣ выработанной, но неупроченной, новой. Такъ напр. если въ брачномъ сочетаніи одна половина, положимъ мать, происходитъ отъ финскаго племени и въ родствѣ ея не было помѣси съ другими племенами, положимъ въ 50-ти поколѣніяхъ, отецъ же представляетъ недавнюю помѣсь напр. германославянскую, то порода матери въ этомъ случаѣ будетъ болѣе консолидированной, чѣмъ порода отца. Отъ этого понятно, если дѣти отъ такого брака будутъ больше походить на мать, чѣмъ на отца, не смотря на то, что отецъ былъ и красивѣе и индивидуально-крѣпче матери. Эту потомственно-возрастающую энергію племени или породы называютъ «закономъ генеративно-прогрессивнаго перевѣса крови или закономъ наслѣдственнаго возрастанія и перевѣса ассимилирующей силы расы или племени». Порода или раса, прочно установившаяся въ своей организаціи, при помѣси съ другими отличающимися отъ нея породами или расами, менѣе устойчивыми, обыкновенно, удерживаетъ перевѣсъ, не уступаетъ имъ своего типа, а напротивъ поддерживаетъ и передаетъ свой собственный типъ. Отъ этого зависитъ непрочность и недолговѣчность ублюдковъ и новыхъ видовъ въ растительномъ и животномъ царствѣ. Отъ этого напр. наша шленская овца (помѣсь малороссійскаго барана съ меринсомъ) не

представляетъ такой устойчивости, какъ ордынская, или обыкновенная овца, и при смѣшеніи съ туземными породами безъ правилъ предосторожности, скорѣе выродится, чѣмъ ассимилируетъ послѣднихъ. Тоже случается съ холмогорскимъ рогатымъ скотомъ и другими искусственно разводимыми породами. Если предоставить ихъ самимъ себѣ, не придерживаясь никакихъ правилъ при случеѣ съ туземнымъ скотомъ, то вновь разведенная порода мало по малу сгладится, и не смотря на ея отличныя качества, будетъ поглощена туземной породой, болѣе грубой, но болѣе устойчивой.

Этотъ законъ *устойчивости или не устойчивости породъ* служитъ второю коренною причиною сходства дѣтей съ тѣмъ или другимъ изъ родителей. Относительно ассимилирующей силы различныхъ націй вообще, можно поставить ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: еврейская, армянская, грузинская, французская, гальская, англійская, германская, славяно-русская, татарская, финская. Славянскій типъ, при смѣшеніи съ европейскими типами, большею частію уступаетъ ихъ вліянію, потому что въ немъ было больше вѣковыхъ помѣсей, больше пришлои крови, чѣмъ въ вышеперечисленныхъ европейскихъ націяхъ или въ русскихъ инородцахъ, сохранившихъ свой первобытный несмѣшанный типъ.

Итакъ мы знаемъ вообще, что у животныхъ и чело-вѣка дѣти носятъ отпечатокъ произведшихъ ихъ родителей. Впрочемъ, въ человѣческомъ родѣ въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ нерѣдко отступленія отъ общаго правила—видимъ, что дѣти совершенно не походятъ ни на отца, ни на мать, представляя иногда черты близкихъ знакомыхъ (мужчинъ) или дальнихъ родственниковъ. На подобныхъ фактахъ и было когда-то основано ученіе о *заглядываніи* и передачѣ фамильныхъ

признаковъ черезъ нѣсколько поколѣній. То и другое ученіе держалось очень долго и по настоящее время такъ упорно держится въ публикѣ, потому что оно представляетъ много успокоительнаго для мужей и законный щитъ для женъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣтяхъ ихъ обнаруживается совершенно чуждый типъ. Теорія заглядыванія для нѣкоторыхъ женщинъ имѣетъ тѣмъ болѣе доказательной силы, что основаніе ея кроется еще въ книгахъ священнаго писанія. Въ подтвержденіе этого ссылаются на исторію Іакова, жившаго у дяди своего Лавана, когда онъ будто бы подмѣтилъ этотъ законъ природы. Извѣстно, что по условіямъ, сдѣланнымъ между этими двумя лицами, пестрыя овцы должны были принадлежать Іакову, а одноцвѣтныя Лавану. Съ цѣлю размноженія какъ можно болѣе пестрыхъ овецъ, Іаковъ началъ класть въ бассейны пестро-оструганныя палочки, на которыя овцы должны были смотрѣть во время водопоя и это отражалось на цвѣтѣ шерсти ихъ приплода. Этой уловкой Іакова, перехитрившаго Лавана, воспользовались впослѣдствіи и жены, чтобы перехитрить мужей. Въ случаѣ, если родившійся ребенокъ ихъ носилъ черты какого нибудь *ami de famille*—это объясняли заглядываніямъ, т. е. что беременная женщина часто смотрѣла на близкое лицо и отъ того черты его отразились на ребенкѣ. На основаніи той же теоріи, раздѣляемой когда-то врачами и фізіологами, совѣтовали окружать беременныхъ женщинъ изящными предметами (красивыми картинами, цвѣтами, вообще комфортомъ), дѣлать имъ время отъ времени пріятные сюрпризы, поддерживать покойное и счастливое расположеніе духа и все это съ цѣлю пріобрѣсти болѣе красивое потомство. Съ другой стороны теоріей заглядыванія объясняли также и различныя уродства, или фізическіе недостатки на

раждающихся дѣтяхъ, напр. прирожденные болѣзни кожи, родимыя пятна въ формѣ которыхъ искали изображеніе того животнаго, которымъ была напугана женщина во время беременности (большею частью мышь, крыса). Само собою разумѣется, что подобныя взгляды на происхожденіе красоты или безобразія дѣтей смѣло могутъ быть отнесены въ настоящее время къ разряду нелѣпныхъ басенъ, порожденныхъ и поддерживаемыхъ или невѣжествомъ, или хитростію, съ цѣлію загладить супружескіе грѣхи и оплошности. Мы уже видѣли, что типъ рождающемуся потомству передается *исключительно* черезъ мужское сѣмя (сѣмянные живчики) или женское яичко, слѣдовательно этотъ типъ неизбѣжно долженъ носить отпечатокъ или отца, или матери, или обоихъ вмѣстѣ, видоизмѣняясь такимъ образомъ вслѣдствіе новой группировки признаковъ и видоизмѣненій ихъ отъ такого сочетанія. Поэтому на родившемся ребенкѣ мы видимъ иногда всецѣло воспроизведенный типъ одного изъ родителей, или еще чаще, черты того и другого напр. глаза отца, брови и рѣсницы матери, и т. п. Форма этого сочетанія можетъ быть весьма разнообразна, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ до такой степени можетъ затемнить сходство, что ребенокъ представляется какъ бы съ новымъ типомъ. Точно также, какъ отъ смѣшенія двухъ красокъ образуется новый цвѣтъ и отъ смѣшенія двухъ физиологическихъ элементовъ происходитъ новый типъ, который все-таки долженъ представлять собой не что другое, какъ результатъ этого смѣшенія. Законъ этотъ, такъ точно опредѣленный относительно красокъ, конечно, далеко не изслѣдованъ относительно происхожденія человѣческихъ типовъ, но все-таки въ общихъ чертахъ онъ извѣстенъ. Напр. блондинъ и блондинка не могутъ произвести кроваваго брю-

нета, супруги съ круглыми черепомъ и лицомъ (брахоцефалы) не могутъ дать типа съ продолговатымъ черепомъ и лицомъ (долихоцефала). Точно также, если мы видимъ на ребенкѣ напр. прямой и тонкій носъ, мелкія глазныя впадины (глаза на выкатѣ), тонкія и узкія скуловые кости, тонкій и острый подбородокъ и пр., тогда какъ у обоихъ родителей эти черты совершенно противоположны, то, разумѣется, такой экземпляръ скорѣе заставитъ сомнѣваться въ дѣйствительности законнаго родителя, чѣмъ въ общихъ законахъ наслѣдственности.

Тоже самое нужно сказать про тѣ случаи, когда на ребенкѣ отражается какой нибудь рѣзкій національный типъ, напр. еврейскій, армянскій татарскій и пр., когда родители не принадлежатъ къ этимъ націямъ и въ своихъ чертахъ не имѣютъ съ ними ничего сходнаго. Впрочемъ, при кажущемся несходствѣ дѣтей съ родителями, достаточно иногда подмѣтить въ нихъ одинъ какой нибудь рѣзкій признакъ отца (напр. носъ, глаза, какую нибудь особенность сложенія и пр.), чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ ихъ происхожденіи отъ законнаго родителя, не смотря даже на рѣзкое несходство во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. На одномъ ребенкѣ *никогда не могутъ быть слѣды двухъ отцовъ*, такъ какъ зачатіе совершается непременно вслѣдствіе одного плодотворнаго совокупленія. Поэтому, если плодъ хотя одной чертой доказываетъ происхожденіе свое отъ законнаго отца, то всѣ другіе несходныя черты должны быть объяснены или смѣшеніемъ материнскихъ и отцовскихъ признаковъ, или наслѣдственностію черезъ одно или два поколѣнія.

Мы сказали, что смѣшеніе типовъ, какъ и смѣшеніе красокъ, имѣетъ свои законы и предѣлы, точнаго оц-

редѣленія которыхъ нужно ожидать еще отъ будущихъ изслѣдованій. Теперь объ этомъ можно сказать одно, что основаніе этихъ законовъ т. е. перехода красокъ и формъ должно быть чисто физическое и механическое. Такъ, въ этомъ отношеніи для насъ очень понятно, если у блондина и блондинки ребенокъ будетъ имѣть русые волосы и каріе глаза, отъ широколицаго и длиннолицей родится плодъ съ овальнымъ лицомъ, отъ негра и бѣлаго родится мулатъ и пр. Словомъ при сочетаніи противоположныхъ или различныхъ качествъ являются черты переходныя, въ которыхъ рѣзкія особенности одного элемента сглаживаются на счетъ другого. На этомъ основано происхожденіе новыхъ типовъ и усовершенствованіе существующихъ. При этомъ мы должны еще упомянуть объ *усиленіи типа*, вслѣдствіе сочетанія двухъ однообразныхъ элементовъ. Такъ отъ русскихъ родителей могутъ родиться бѣлокурые дѣти, отъ двухъ брюнетовъ можетъ явиться еще болѣе окрашенный или даже рыжий типъ, причемъ на потомствѣ иногда являются и другіе признаки этого типа, которыхъ не было на родителяхъ напр. курчавость волосъ и т. п. Законы усиленія тоже не изслѣдованы въ точности, хотя существованіе ихъ несомнѣнно. Вообще законы усиленія и раздѣленія признаковъ на потомствѣ могутъ быть выражены математически: два однообразныхъ элемента даютъ въ смѣшеніи или однородное произведеніе, или сумму взятыхъ качествъ; два разнообразныхъ элемента производятъ раздѣленіе или математическую *разность* качествъ того и другаго, т. е. смѣшанный типъ.

Кромѣ теорій заглядыванія, несходство дѣтей съ родителями часто объясняютъ *передачей признаковъ черезъ поколѣніе* (возвратъ къ родичамъ). Если ребенокъ не похожъ ни на отца, ни на мать, то для объясненія

дѣла и нравственнаго успокоенія, обыкновенно, говорятъ, что онъ вышелъ въ бабушку, прабабушку, дѣдушку, тетку и т. п. Такое толкованіе не противорѣчитъ научнымъ наблюденіямъ, хотя нужно сознаться, что имъ въ жизни злоупотребляютъ довольно часто, произвольно расширяя предѣлы помянутаго закона и давая необузданную волю воображенію, при отыскиваніи сходственныхъ признаковъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ нѣсколько распространиться здѣсь объ этотъ предметъ.

Передача признаковъ не непосредственно отъ родителей къ дѣтямъ, а скачками, черезъ одно или два поколѣнія составляетъ весьма интересный фізіологическій фактъ, но фактъ еще мало изслѣдованный. Рѣзкимъ, неопровержимымъ доказательствомъ этому могли бы служить тѣ случаи, когда, такимъ образомъ, передаются въ потомство различныя патологическія неправильности сложенія и наследственныя болѣзни, которыя гораздо легче отличить и легче прослѣдить порядокъ ихъ происхожденія, нежели сходство въ анатомическихъ чертахъ (на основаніи послѣднихъ можно судить только приблизительно, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ). Дѣйствительно, случаевъ такой передачи въ медицинской литературѣ можно отыскать нѣсколько. Такъ напр. случалось наблюдать передачу черезъ поколѣніе наследственнаго помѣшательства, порочнаго развитія конечностей (короткія руки, излишніе или сросшіеся пальцы и пр.).

Долгъ справедливости однакоже требуетъ замѣтить, что подобные случаи гораздо чаще встрѣчались въ старой литературѣ, чѣмъ въ современной. Оттого такіе факты необходимо принимать съ крайней осмотрительностію, имѣя въ виду, что пороки развитія и болѣзни могли повторяться въ различныхъ поколѣніяхъ потом-

ства вслѣдствіе случайныхъ причинъ, независимо отъ наслѣдственности. Совсѣмъ другое дѣло непосредственная наслѣдственность этихъ недостатковъ отъ родителей къ дѣтямъ. Эти факты встрѣчались и встрѣчаются теперь въ значительномъ количествѣ и ихъ легко объяснить порочнымъ развитіемъ сѣмянныхъ нитей или женскаго яичка, изъ которыхъ развивается новый индивидуумъ. Гораздо труднѣе для объясненія тѣ случаи гдѣ отъ порочно-развитаго отца рождается совершенно здоровый сынъ и внукъ съ дѣдовскими недостатками. Здѣсь нужно допустить странную гипотезу, что ненормальные качества сѣмени дѣда произвели свое вліяніе не на развитіе перваго поколѣнія, *а только на стѣмя того поколѣнія*, отъ котораго развились уродливые внуки. Такая гипотеза была бы слишкомъ смѣла и произвольна, потому она можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда будущія, болѣе точныя, наблюденія дѣйствительно покажутъ несомнѣнность вышеприведенныхъ фактовъ передачи патологическихъ недостатковъ черезъ поколѣніе.

Подобная передача анатомическихъ и физиологическихъ качествъ болѣе возможна и дѣйствительно случается, но она должна быть объяснена иначе. Скачковъ, въ собственномъ смыслѣ, здѣсь болшею частію не бываетъ, а происходитъ только усиленное развитіе на 2-мъ или 3-мъ поколѣніи тѣхъ признаковъ дѣда или бабушки, которые на первомъ поколѣніи были выражены неясно, маскированы, но тѣмъ не менѣе существовали. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ здѣсь происходитъ только непосредственное продолженіе фамильныхъ признаковъ, съ постепеннымъ затемненіемъ и оживленіемъ ихъ, но не передача черезъ поколѣніе. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали нѣсколько довольно точныхъ наблюденій, которыя еще болѣе утвердили насъ въ высказанномъ мнѣ-

нин. Приведемъ одно изъ нихъ. Прабабка *A.* отличалась не красивымъ сложеніемъ, имѣла голубые глаза, черныя рѣсницы и брови, русые волосы, высокій лобъ, овальное лицо, тонкую нижнюю челюсть и небольшой ротъ. Бабка *B.*, дочь первой, болѣе или менѣе воспроизвела на себѣ черты матери, хотя онѣ были уже отчасти маскированы чертами отца. *Мать С.* была тоже очень красива, но вслѣдствіе вліянія мужскаго элемента черты ея еще болѣе отличались отъ прабабки *A.* и бабки *B.*, хотя это отличіе выражалось не столько въ формѣ черепа и лица, а въ цвѣтѣ глазъ и волосъ. Тѣ и другіе были значительно пигментированы. Мужъ *С.* былъ блондинъ. Одинъ изъ дѣтей этой четы наслѣдовалъ отъ матери цвѣтъ глазъ и волосъ, которая впрочемъ утратила часть пигмента вслѣдствіе отцовскаго вліянія (темнорусые волосы, каріе глаза). Одна дочь родилась съ голубыми глазами, черными бровями и рѣсницами и естественно при взглядѣ на нее всѣ говорили, что она родилась въ прабабушку. Дѣйствительно, сходство было значительное; тѣ же черты лица и таже окраска волосъ и глазъ. Но при всемъ этомъ сходствѣ здѣсь не было передачи признаковъ черезъ 2 поколѣнія. Форма черепа и лица у правнучки была фамиліная, повторявшаяся въ большей или меньшей степени во всѣхъ поколѣніяхъ; стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что она похожа была на форму прабабушки. Что касается до совпаденія цвѣта глазъ, бровей и рѣсницъ, то оно произошло случайно, вслѣдствіе вновь образовавшагося сочетанія признаковъ матери (брюнетки) и отца (блондина). Подобнымъ образомъ можно объяснить большую часть случаевъ, гдѣ внучки оказываются дѣйствительно похожими на бабокъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Это сходство основывается на случайномъ совпаденіи группировки признаковъ (на

мягких частяхъ лица) при фамильномъ (послѣдовательно-наслѣдственномъ однообразіи, въ основныхъ частяхъ скелета (особенно черепа и лица). Само собою разумѣется, что не во всѣхъ случаяхъ воспроизведеніе типа можно прослѣдить съ такою точностію. Бываетъ очень часто, что промежуточные поколѣнія, вслѣдствіе вліянія другого, вступившаго въ фамилію, элемента, равно какъ отъ образа жизни и вліянія среды, до такой степени маскируютъ свои родовыя черты, что фамильный типъ ихъ совершенно затемняется, отъ чего, при вновь обнаружившемся сходствѣ послѣдующихъ поколѣній съ прадѣдами, нить непосредственной наслѣдственности совершенно теряется.

Объясняя такимъ образомъ сходство внучекъ и правнучекъ съ дѣдами и прадѣдами, мы не отвергаемъ совершенно возможности передачи признаковъ черезъ поколѣніе, т. е. при полномъ отсутствіи этихъ признаковъ въ промежуточныхъ поколѣніяхъ. Можетъ быть, это и случается, но все таки приведенный нами способъ передачи (непосредственной) долженъ встрѣчаться гораздо чаще. Во всякомъ случаѣ передача признаковъ черезъ поколѣніе должна быть непремѣнно по прямой линіи, а не отъ побочнаго и не изъ духовнаго родства. Этимъ путемъ непосредственной или посредственной передачи анатомическихъ и фізіологическихъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ сохраняются, въ теченіи извѣстнаго времени, фамильныя особенности или фамильный типъ, равно какъ и типъ цѣлой націи. Рано или поздно однакожь этотъ типъ маскируется и совершенно измѣняется или вслѣдствіе преобладающаго вліянія новыхъ, пришлыхъ элементовъ, или вслѣдствіе обмѣльчания, вырожденія, при недостаткѣ подновленія крови.

При вопросѣ о наслѣдственности, мы кстати коснемся

образованія половъ. Причины происхожденія половъ доискивались съ давнихъ временъ, придумывали на счетъ этого и странныя, и болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы, но все это до сихъ поръ имѣетъ весьма шаткія основанія. Въ прежнія времена (Гиппократъ) приписывали разность половъ разности яичекъ или яичниковъ, изъ которыхъ произошло оплодотворившее сѣмя, или оплодотворенное яичко. Такъ, напримѣръ по этой теоріи яичко, вышедшее изъ праваго яичника, давало при оплодотвореніи мальчика, изъ лѣваго яичника—дѣвочку.

Но эта гипотеза пала сама собою, когда накопившіеся факты показали наблюдателямъ, что женщины съ однимъ яичникомъ (при уничтоженіи другого вслѣдствіе болѣзни или операціи) рождали одинаково и мальчиковъ и дѣвочекъ, тоже самое и мужчины съ однимъ яичникомъ производили дѣтей обоихъ половъ.

Аристотель далъ намекъ на другую причину разности половъ, имѣнно на *разность возраста родителей*. На эту идею обратили особенное вниманіе позднѣйшіе изслѣдователи и, на основаніи ея, создали цѣлая теорія и старались вывести точные законы о происхожденіи половъ. Такъ напримѣръ *Жиру*, изслѣдовавшій этотъ вопросъ на баранахъ, говоритъ, что «поль продукта болѣе или менѣе зависитъ отъ относительной силы спаривающихся особей. Продуктъ стараго отца и молодой матери тѣмъ менѣе походитъ на отца, чѣмъ дряхлѣе онъ и чѣмъ сильнѣе она, а продуктъ отъ старой матери и молодого отца тѣмъ менѣе походитъ на первую, чѣмъ она слабѣе, а онъ сильнѣе. По свидѣтельству *Мертгейта* (1861), въ овчарнѣ Віале въ Влансъ весьма сильныя бараны спаривались съ слишкомъ молодыми и съ очень старыми овцами, вслѣдствіе чего рождалось большее количество самцовъ. Наоборотъ отъ

спариванія сильныхъ овецъ съ слишкомъ старыми баранами, преимущественно получались самки. Профессоръ медицины въ Тюбингенѣ *Гобаккеръ* въ 1828 году опубликовалъ свою теорію, по которой причина пола плода должна заключаться въ возрастѣ родителей. Эту теорію онъ составилъ на основаніи фамильныхъ списковъ тюбингенскихъ жителей, изъ которыхъ онъ взялъ 2000 дѣтей и прослѣдилъ ихъ происхождение. Онъ раздѣлилъ въ этомъ отношеніи браки на нѣсколько классовъ, въ которыхъ разность родителей была 1 — 3 лѣтъ, 3 — 6 лѣтъ и 9 — 12 лѣтъ, и вывелъ изъ своихъ изслѣдованій слѣдующіе законы: 1) Если жена старше мужа, то отъ такого брака вообще родится больше дѣвочекъ. 2) Равнымъ образомъ родится больше дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ, и въ томъ случаѣ, если отецъ и мать одинаковаго возраста. (Женщина, рожденная въ одномъ году съ мужчиной, въ замужествѣ должна считаться старше его, такъ какъ она вообще скорѣе старится). 3) Если мужъ старше жены, то у нихъ больше родится мальчиковъ и именно въ возрастающей прогрессіи съ разностію возраста родителя. Вскорѣ послѣ этого *Michael Thomas Sadler* опубликовалъ подобныя же наблюденія (*Law of Population. London 1830. 3-я глава 4-й книги*). Онъ имѣлъ въ виду 2068 дѣтей. Въ 54 супружествахъ мужъ былъ моложе жены, и отъ этихъ супружествъ родилось 122 мальчика и 144 дѣвочки, слѣдовательно отношеніе первыхъ къ послѣднимъ было какъ 865 къ 1000. Въ 18 супружествахъ возрастъ родителей былъ равный, отъ нихъ родилось 54 мальчика и 57 дѣвочекъ, или 975 мальч. къ 1000 дѣвоч. Въ 309 случаяхъ мужъ былъ старше жены и отъ этихъ браковъ родилось 929 мальчиковъ и 765 дѣвочекъ, слѣдовательно мальчики относились къ дѣвочкамъ какъ 1214

къ 1000. Далѣе, разбирая эти послѣдніе браки по категориямъ, Задлеръ нашелъ, согласно Гофаккеру, что чѣмъ старше былъ мужъ относительно жены, тѣмъ больше у нихъ родилось мальчиковъ. Послѣ того этотъ, такъ называемый *Гофаккеръ-задлеровскій законъ* относительно происхожденія половъ былъ провѣряемъ многими изслѣдователями (Gochlert, Noirot, Legoyt, Warreus и др.) въ обширныхъ размѣрахъ, и каждый разъ онъ болѣе или менѣе оправдывался. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ этого закона нужно брать во вниманіе цѣлыя массы, а не недѣлимья.

Только въ послѣднее время изслѣдованія цюрихскаго профессора *Бреслау* оказались не совсѣмъ согласными съ вышеприведенными вычисленіями. Въ 1862 г. въ цюрихскомъ кантонѣ, отъ браковъ, гдѣ мужъ былъ старше жены, родилось 3114 мальчиковъ и 2851 дѣвочка (1092 мальч. на 1000 дѣвоч.); отъ браковъ, въ которыхъ мужъ и жена были одинаковаго возраста, было 326 мальчиковъ и 290 дѣвочекъ (1124 на 1000 дѣвочекъ), а гдѣ жена была старше мужа—949 мальчиковъ и 878 дѣвочекъ (1080 мальчиковъ на 1000 дѣвочекъ). Изъ этого видно, что при всѣхъ отношеніяхъ возраста родителей оказывалось мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, но все таки и въ этомъ вычисленіи существуютъ колебанія въ ихъ перевѣсѣ, сообразно съ разностию возраста родителей.

Докторъ *Буденъ* (Boudin) въ 1863 г., въ засѣданіи парижской академіи наукъ (23 февраля), представилъ записку подъ заглавіемъ: *De l'influence de l'âge relatif des parents sur le sexe des enfants*, въ которой законъ Гофаккеръ-Задлера опять подтверждается. По его изслѣдованіямъ, отъ браковъ, гдѣ мужъ былъ моложе жены, рождалось 1000 дѣвочекъ на 910 мальчиковъ,

гдѣ супруги были равнаго возраста, тамъ полъ дѣтей относился какъ 1000: 945, а гдѣ отецъ былъ старше, тамъ на 1000 дѣвочекъ родилось 1092 мальчика. Изъ всего этого можно съ большей или меньшей основательностію заключить, что относительный возрастъ родителей, кажется, долженъ имѣть вліяніе на происхожденіе пола дѣтей. Этимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, легче всего объяснить тотъ *общій статистическій законъ*, по которому во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, въ большихъ и малыхъ родильныхъ домахъ, *всегда число рожденныхъ мальчиковъ бываетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ* (1092: 1000), можетъ быть, именно потому, что въ нормальныхъ бракахъ мужъ всегда нѣсколько старше жены. Почти тоже самое показали и помянутыя изслѣдованія *Мертеута* въ овчарнѣ *Viale*. Самыя благопріятныя спариванія для мужскаго приплода были двухлѣтнихъ овецъ съ двухлѣтними баранами (56, 11%), трехлѣтнихъ овецъ съ четырехлѣтними баранами (56, 76%), четырехлѣтнихъ овецъ съ пятилѣтними баранами (58, 29%). Если возрастъ барана превышалъ возрастъ овцы болѣе, нежели однимъ годомъ, то число мужскаго приплода еще болѣе превышало среднее количество (5,07%), если же мать была старше отца, то количество мужскаго приплода уменьшалось. Такія же наблюденія сдѣланы были и надъ рогатымъ скотомъ, изъ которыхъ видно, что отношеніе возраста спаривающихся особей имѣетъ большое и постоянное вліяніе на количество мужскаго и женскаго приплода. Но чтобы эти наблюденія имѣли полное значеніе, необходимо было бы обращать вниманіе и на количество случекъ каждаго барана и на сроки этихъ случекъ. Если предположить, что отъ барана требуется больше силы для мужскаго приплода, то нельзя забывать, что эта сила дол-

жна уменьшаться отъ слишкомъ частой случки, такъ какъ количество сѣмянныхъ живчиковъ и зрѣлость ихъ при этомъ уменьшается. Сельскіе хозяева на это имѣютъ положительныя факты. Ежегодно наблюдается ими, что въ началѣ яра, пока баранъ обладаетъ полною силою, онъ производитъ болѣе самцовъ, чѣмъ самокъ. Нѣскольکو дней спустя, когда овцы въ большемъ количествѣ приходятъ въ охоту и баранъ истощается отъ частой случки, тогда получается отъ него болѣе самокъ, чѣмъ самцовъ. Когда наконецъ этотъ періодъ яра начинаетъ проходить и число въ охоту приходящихъ овецъ уменьшается, тогда мужской приплодъ дѣлается снова преобладающимъ. Это можетъ служить подтвержденіемъ выше приведеннаго нами положенія, именно, что частая потеря сѣмени препятствуетъ какъ воспроизведенію мужскаго поколѣнія, такъ и сходству дѣтей съ отцомъ.

Наконецъ, изъ новыхъ теорій о происхожденіи половъ, мы должны упомянуть еще о теоріи *Тюри* (Thury). Она основывается на степени зрѣлости яичка въ различные періоды течки. Эта теорія односторонняя уже по тому самому, что здѣсь берется во вниманіе только одинъ изъ элементовъ размноженія, именно женскій. Съ другой стороны провѣрить и доказать эту теорію фактами было бы очень трудно, потому что наблюдать степень зрѣлости яичка мы не имѣемъ никакихъ средствъ. Поэтому теорія Тюри навсегда должна остаться шаткой и произвольной гипотезой. Къ женщинамъ она не примѣнима, такъ какъ періодъ овуляціи (созрѣванія и выходненія яичекъ) у нихъ не бываетъ такъ рѣзко ограниченъ, какъ у животныхъ, разрывъ граафовыхъ пузырьковъ и выходненіе яичекъ у нихъ, по всей вѣроятности, совершается и внѣ менструальной

эпохи. По крайней мѣрѣ, срокъ зачатія у женщинъ въ наибольшемъ числѣ случаевъ не совпадаетъ съ срокомъ мѣсячныхъ очищеній.

Изъ всего вышесказаннаго о происхожденіи половъ можно вывести только то заключеніе, что полъ плода, также какъ его наследственныя свойства и признаки, зависятъ стѣ преобладающаго вліянія одного изъ супруговъ, или, лучше сказать, отъ преобладающаго вліянія и силы одного изъ элементовъ размноженія. Зрѣлость яичка или сѣмяннаго живчика, возрастъ и сила родителей составляютъ только условія этого преобладанія, условія въ число которыхъ можно бы было включить и нѣсколь-ко другихъ, побочныхъ, которыя также могли бы содѣйствовать или противодѣйствовать этому преобладанію и стало быть, по вышеозначеннымъ теоріямъ, тоже могли бы быть включены въ число причинъ происхожденія половъ.

Теперь мы скажемъ о *передачѣ наследственныхъ качествъ въ частности*. Потомству могутъ быть переданы отъ родителей всѣ анатомическія, фізіологическія и даже отчасти психическія качества. При бракахъ одноплеменныхъ въ этой передачѣ нѣтъ ничего особеннаго. Новый индивидуумъ, обыкновенно, съ большей или меньшей отчетливостію, воспроизводитъ въ себѣ признаки родителей. Другое дѣло при бракахъ разноплеменныхъ, при помѣси крови. Здѣсь не всѣ признаки родителей передаются одинаково легко и скоро. Въ отношеніи усовершенствованія породы при метисаціи можно сказать вообще, что признаки скелета представляютъ болѣе прочности и устойчивости, чѣмъ признаки на мягкихъ частяхъ. Кромѣ того относительно первыхъ замѣчено, что при улучшеніи породы скрещиваніемъ животнаго благороднаго происхожденія съ животными

обыкновенными, на новыхъ продуктахъ улучшение, обыкновенно, начинается съ головы, а потомъ идетъ постепенно къ задѣ. Крестецъ и вообще задняя часть тѣла дольше всего противустоятъ измѣненію, а если измѣняются, то черезъ нѣсколько генераций. При облагораживаніи обыкновенныхъ овецъ съ мериновыми баранами дурная шерсть дольше всего остается на задней части тѣла, тогда какъ на головѣ она измѣняется съ первой или второй генерации. При облагораживаніи лошадей, часто послѣ перваго скрещенія голова и шея измѣняются, напротивъ задняя часть, крестецъ долго не принимаетъ облагораживанія. При помѣсяхъ въ человѣческомъ родѣ тоже самое: заимствованные признаки скорѣе всего обнаруживаются на черепѣ и лицѣ. Эта часть скелета уступаетъ и измѣняется скорѣе остальныхъ частей, или, можетъ быть, измѣненія здѣсь гораздо болѣе замѣтны, такъ какъ структура черепа и лица гораздо мельче и отчетливѣе структуры таза и конечностей. Незначительное измѣненіе въ формѣ и положеніи носовыхъ костей, надбровныхъ дугъ и глазныхъ впадинъ съ ихъ краями, незначительное измѣненіе въ развитіи скуловыхъ дугъ и челюстей даетъ новому субъекту уже совершенно другую фізіономію. Изъ костей лица кажется дольше всего противустоятъ измѣненію нижняя челюсть.

Мягкія части тѣла — развитіе мышечной системы, количество подкожной жирной кѣтчатки, характеръ кожи и волосъ и пр. обыкновенно при наслѣдственности представляются очень подвижными. Даже въ томъ случаѣ, когда эти признаки у производителя представляли результатъ культуры тѣла, или особеннаго упражненія органа, напримѣръ характеръ кожи, мышечной системы, груди у женщины и проч. и тогда они легко передаются потомству. У птицъ и даже у млекопитающихъ,

говорять, не представляет большой трудности произвести животное, путем рационального подбора, такъ сказать, по заранѣе опредѣленному рисунку, съ извѣстными крапинками и цвѣтными пятнами, и для этого не требуется многихъ генерацій. Искусный заводчикъ серъ Джонъ Себрайтъ говаривалъ (по свидѣтельству Дарвина) относительно голубей, что онъ беретъ произвести всякое данное перо въ три года, но на моделировку головы и клюва ему нужно шесть лѣтъ. Точно также шерсть у овецъ, мясистость или молочность у коровъ, мясистость или ожиреніе у свиней представляютъ легко наследственные признаки, передаваемые потомству даже въ томъ случаѣ, когда они у родителей были развиты искусственно или случайно.

На основаніи такой наследственности англійскій фермеръ *Бакуэль* создалъ цѣлыя породы домашнихъ животныхъ, сложеніе которыхъ вполне соответствовало предположенной цѣли. Онъ хотѣлъ напр., чтобы у быковъ, назначенныхъ для бойни, мясистыя части, составляющія лучшіе куски, развились на счетъ частей худшихъ. Послѣ 15-лѣтнихъ опытовъ ему удалось развести многочисленную породу быковъ, у которыхъ головы и кости отличались очень малыми размѣрами, ноги были короткія, брюхо узкое, кожа тонкая и нѣжная, между тѣмъ какъ грудь и бедра были очень массивны и мышцы этихъ частей развиты до того, что вѣсъ ихъ равнялся двумъ третямъ всего вѣса животнаго. Собирая, что рога у животнаго бесполезны и часто даже опасны, Бакуэль произвелъ виды, неимѣвшіе вовсе роговъ. Такимъ же образомъ онъ развелъ породу большихъ лошадей, употребляемыхъ въ Лондонѣ для перевозки тяжестей. Но самое обширное поприще для искусственнаго разведенія животныхъ, путемъ подбора и наслед-

ственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ верхъ успѣха — былъ на овцахъ. Здѣсь при разведеніи старались преслѣдовать различныя цѣли. Англичане смотрѣли на овцу, какъ на питательный матеріалъ, поэтому тѣ части ея тѣла, которыя доставляли лучшее мясо, старались развить до наибольшихъ размѣровъ. Другіе старались развести такихъ животныхъ, которыя уже въ молодости были бы способны отлагать мясо и сало; съ этою цѣлю у такихъ животныхъ до послѣдней возможности развита подкожная жирная клѣтчатка. У этихъ овецъ подкожный слой сала можетъ быть такъ толстъ, какъ у свиньи (Англійскія овцы). При разведеніи мериносовыхъ породъ старались, напротивъ, обращать исключительное вниманіе на шерсть, тонкость и мягкость ея. Въ какой степени эта цѣль достигнута, каждый можетъ судить по сравненію тонкихъ шерстяныхъ матерій изъ мериносовой шерсти съ грубыми произведеніями изъ шерсти обыкновенной. Наконецъ нѣкоторые овцеводы желали соединить на породѣ оба качества, т. е. мяса и шерсти и болѣе или менѣе достигли этого результата скрещиваніемъ мериносовой и лейчестерской породъ.

Не только родовые и фамиліные признаки могутъ передаваться потомству, но дать и тѣ особенности, которыя составляютъ случайныя отступленія, игру природы. Примѣромъ этому можетъ служить недавно разведенная порода моршанскихъ овецъ, отличающихся необыкновенно тонкой шерстью, почти неуступающею шерсти кашемирской козы. Порода эта произошла такимъ образомъ. Въ овчарнѣ родился очень слабый барашекъ, съ необыкновенно тонкой шерстью, такъ что сначала его сочли было за уродца, ни къ чему непригоднаго. Этого барашка случили съ мериносовой овцой и тонкая шерсть стала постоянно передаваться потом-

ственно на всемъ поколѣніи. Тоже самое и у чело-
вѣка: признаки на мягкихъ частяхъ тѣла, обыкно-
венно, наследуются очень легко. Напримѣръ, извѣстны
цѣлыя породы тучныхъ людей, у которыхъ тучность
составляетъ фамильное качество. Ожиреніе, такъ часто
встрѣчающееся въ купечествѣ и духовенствѣ, происхо-
дитъ какъ отъ образа жизни, такъ и отъ наслед-
ственности. Славянскія, овальныя или шаровидныя объ-
емистыя груди у русскихъ женщинъ обязаны своимъ
происхожденіемъ тоже наследственности. Такъ называе-
мыя козлиныя, финно-татарскія бородки, съ рѣдкими
желтоватыми волосами держатся въ русскомъ народо-
населеніи въ такомъ огромномъ количествѣ, благодаря
наследственности. Однимъ словомъ, волоса съ ихъ цвѣ-
томъ, распредѣленіемъ, густотой и рѣдкостью и пр.
передаются по наследству очень легко, точно также,
какъ форма и цвѣтъ глазъ, качество кожи и мышечной
системы.

Потомству передаются не только природныя, но и
искусственно развитыя свойства. Такъ, напримѣръ, когда
при разведеніи рогатаго скота старались обращать пре-
имущественное вниманіе на его молочность, старательно
выдавая коровъ, то эта молочность сдѣлалась достоя-
ніемъ цѣлыхъ поколѣній. Напротивъ, молочность совер-
шенно пропадаетъ, если животныя нѣсколькихъ гене-
рацій совершенно не доятся. Такъ венгерскій скоть,
воспитываемый, обыкновенно, на убой, вовсе не даетъ
молока, но если его отдавать, то чрезъ нѣсколько ге-
нерацій молочность снова восстанавливается. Европейская
корова, завезенная въ Колумбію, гдѣ ее перестали
доить, перестала давать молоко, за исключеніемъ того,
которое высасываетъ теленокъ. Повтореніе этого факта
мы видимъ и у женщинъ. У аристократокъ, напримѣръ,

и вообще у женщинъ, которыя не кормятъ своихъ дѣтей, груди почти совершенно исчезаютъ, такъ что въ цѣломъ потомствѣ, путемъ наслѣдственности, этотъ органъ представляется весьма мало развитымъ и плоскогрудыя женщины по необходимости дѣлаютъ искусственныя груди. Въ Германіи и отчасти во Франціи груди у женщинъ вообще развиты гораздо меньше, чѣмъ у женщинъ русскихъ, и это зависитъ не отъ однихъ корсетовъ, а главнымъ образомъ отъ недостатка упражненія этого органа. Многія птицы, добывающія себѣ пищу изъ почвы, рѣдко летаютъ, и у нихъ почти нѣтъ крыльевъ. У домашней утки кости крыла развиты менѣе, чѣмъ у ея дикаго родича, тоже вслѣдствіе недостатка упражненія. Отъ этого же такъ мало развиты глаза у кролика и другихъ роющихъ грызуновъ. Съ другой стороны точно также передаются наслѣдственно и тѣ особенности, которыя вырабатываются постояннымъ упражненіемъ. Такъ напр. у рысистыхъ лошадей, чрезъ постоянное упражненіе, способность къ бѣгу все болѣе и болѣе увеличивается и сообразно съ этимъ слагаются и формы тѣла. Рысистый бѣгъ, какъ всѣмъ извѣстно, передается наслѣдственно. Тѣ породы животныхъ, которыя ходятъ по горамъ и на нихъ отыскиваютъ себѣ пищу, отличаются особенною силою и ловкостію. Эта сила и ловкость, выработанная упражненіемъ, передается по наслѣдству и составляетъ потомъ характеристическую черту извѣстной породы. Изощреніе чувствъ представляетъ также наслѣдственный признакъ. Это яснѣе всего видно на животныхъ, которыя по образу жизни, или вслѣдствіе искусственнаго упражненія, развиваютъ въ себѣ то или другое чувство преимущественно и потому это изощреніе передаютъ цѣлому поколѣнію. Рѣзкій примѣръ этому могутъ представить намъ охотничьи собаки. Из-

вѣстныхъ породы собакъ выработали въ себѣ наслѣдственную способность къ извѣстнаго рода охотѣ (сетерь, гончая собака и проч.), и потому порода такихъ собакъ охотниками особенно цѣнятся. Приморскіе жители и жители степей приобрѣтають, вслѣдствіе постояннаго упражненія, способность дальнорзости, которую потомъ передають потомству.

Кромѣ анатомическихъ свойствъ и признаковъ, путемъ наслѣдственности, передаются и *физиологическія особенности*. Сюда можно причислить: *необыкновенное плодородіе*. Такимъ плодородіемъ, на примѣръ, отличается извѣстная романовская порода овецъ, разводимая преимущественно въ Романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Она плодится два раза въ годъ и это составляетъ наслѣдственный признакъ. Такіе примѣры фамильнаго плодородія не рѣдки и въ человѣческомъ родѣ. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ. Въ запискахъ *В. А. Нащокина* ¹⁾ подъ 1755 годомъ разсказывается слѣдующій фактъ: «февраля 2-го въ Петербургѣ извѣстіе получено, въ которомъ хотя нужда не обстоитъ, но для примѣчанія къ достоинству такой рѣдко бываемой рода человѣческаго природы случай происходитъ, и для того ниже слѣдующее слученіе внести подобаешь въ журналъ. Въ Московскую губернскую канцелярію рапортомъ 1754 году написано: «Шуйскаго уѣзду, вотчины Николаевскаго монастыря (села) Введенскаго у крестьянина Якова Кирилова съ первою женою 21 брюхо, въ томъ числѣ 4 четверни, 7 тройни, 10 двойни, всего 57 человѣкъ; съ другою женою 7 брюхъ всѣ по двойни, въ томъ числѣ одни тройни, и того 15 человѣкъ.

1) Записки Василя Александровича Нащокина, С.-Петербургъ. 1842. стр. 148. (Изданіе Д. Языкова).

Всѣхъ было 72 человекъ, а выше описанный крестьянинъ Кириловъ, по извѣстію, и нынѣ живъ, лѣтъ ему 70.» Другой фактъ напечатанъ былъ въ *Панорамъ С.-Петербурга* ¹⁾: «1782 г. 27 февраля прислана въ Москву вѣдомость отъ Никольскаго монастыря, что Шуйскаго уѣзда крестьянинъ Федоръ Васильевъ, женатый два раза, имѣлъ отъ обоихъ браковъ 87 дѣтей. Первая жена въ 27 родахъ имѣла: четыре раза по 4 (16), семь разъ по 3 (21), шестнадцать разъ по 2 (32), всего 69. Вторая жена два раза родила тройни (6), шесть разъ двойни (12), а всего 18. Васильеву было тогда 75 л., а изъ дѣтей были живы 83. Случай эти замѣчательны между прочимъ потому, что были въ одной и той же мѣстности (Шуйскомъ уѣздѣ). Въ 1862 г. докт. Lewis Brittain ²⁾ сообщилъ объ одной англичанкѣ, забеременѣвшей въ первый разъ на 25 году и съ 1839 по 1857 годъ, въ 14 беременностей родившей 25 дѣтей, при чемъ 11 разъ были двойни. Изложенные факты, какихъ мы могли бы набрать еще нѣсколько, представляютъ исключительную плодовитость, но въ меньшей степени это свойство не составляетъ рѣдкости и большею частію обнаруживается, какъ свойство фамиліное, наслѣдственное. Съ другой стороны, намъ нерѣдко случалось наблюдать, что легкіе или очень быстрые роды составляютъ также наслѣдственное качество. Акушеры и акушерки могутъ указать на многихъ женщинъ, у которыхъ это замѣчается въ родствѣ, какъ фамиліальный признакъ. Тоже самое можно сказать относительно срока созрѣванія женщины, наклонности къ послѣродовымъ кровотеченіямъ и пр., что,

¹⁾ Панорама С.-Петербурга, С.-Петербургъ 1834. ч. II кн. 2 стр. 75.

²⁾ Edinburgh med. Journal, N 89. 1:62.

по всей вѣроятности, обусловливается наследственной передачей известнаго анатомическаго строенія матки. Большая или меньшая продолжительность жизни оказывается тоже наследственною. Есть цѣлыя фамиліи, славящіяся долголѣтіемъ. Это можно объяснить наследственностію того организма, или тѣхъ качествъ его, отъ которыхъ зависитъ долголѣтіе. Изнѣженность или крѣпость организма, склонность и способность его къ той или другой дѣятельности, также нерѣдко составляютъ качества наследственныя. Кромѣ упомянутыхъ фізіологическихъ свойствъ, передаваемыхъ наследственно, можно указать и на множество другихъ, но перечислять ихъ мы не считаемъ особенно нужнымъ. Достаточно помнить тотъ фактъ, что фізіологическія свойства и особенности точно также передаются въ потомство, какъ и анатомическіе признаки.

Характеръ и привычки также передаются наследственно. На большую часть инстинктовъ животныхъ можно смотрѣть не иначе, какъ на выработанную упражненіемъ и упроченную наследственностію привычку. Такіе инстинкты находятся въ связи съ образомъ жизни и могутъ утрачиваться или замѣняться другими, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ часто охотятся на дичь, молодые дѣтеныши птицъ выказываютъ вскорѣ послѣ рожденія такую осторожность, какой не замѣчается даже у старыхъ утокъ въ мѣстахъ, менѣе посѣщаемыхъ охотниками. Турманъ (голубь) приобрѣлъ себѣ странную привычку, передающуюся наследственно, летать стаею на значительной высотѣ и кувыраться въ воздухѣ. Нѣкоторыя кошки привыкли охотиться за мышами, другія за крысами, однѣ ловятъ птицъ, другія кроликовъ, третьи охотятся по болотамъ за куликами

и тетеревамъ, и эти привычки передаются изъ рода въ родъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно приручить и выдресировать дикую лошадь, собаку и вообще дикое животное; но животное той же породы, рожденное отъ прирученнаго и выдресированнаго, обыкновенно, уже рождается съ этими качествами, или съ склонностію къ нимъ, такъ что воспитать его для извѣстныхъ цѣлей бываетъ уже очень легко. Поэтому охотниками и цѣнятся порода лошади или собаки. Пословица — «какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ» — справедлива только относительно. Естественно, что у волка въ первой генераціи, не смотря на всю дрессировку, будутъ проявляться врожденные волчьи склонности и привычки, но при послѣдующихъ генераціяхъ, происходящихъ отъ прирученнаго волка, эти привычки мало по малу исчезнутъ и замѣнятся другими, искусственно выработанными. Извѣстное благонравіе и кротость арабскихъ лошадей есть унаслѣдованный плодъ послѣдовательнаго воспитанія. Тоже самое можно сказать относительно характера и привычекъ и всѣхъ другихъ животныхъ, равно какъ и человѣка. Кто не замѣчалъ, что на дѣтяхъ иногда отражаются не только черты родителей, но и походка, привычныя позы, складъ рѣчи и вообще тѣ мелкія особенности, которыми отличались родители. Правда, во многихъ случаяхъ это есть результатъ подражанія при первоначальномъ воспитаніи, но очень можетъ быть, что и наследственность имѣетъ здѣсь нѣкоторое вліяніе.

Относительно наследственности *нравственныхъ качествъ и умственныхъ способностей* — вопросъ представляется еще не рѣшеннымъ. Одни говорятъ, что эти качества развиваются только вслѣдствіе воспитанія и постепеннаго упражненія органовъ, что изъ человѣка воспитаніемъ можно сдѣлать все; но постоянные факты

убѣждаютъ насъ въ противномъ. Кто не знаетъ, что сплошь и рядомъ цѣлыя семейства и цѣлыя поколѣнія семействъ отличаются умомъ, другія, наоборотъ, посредственными умственными способностями, даже глупостію. Отъ этого различаютъ умныя и ограниченныя породы. Отъ умнаго отца обыкновенно рождаются умныя дѣти, и наоборотъ. Кромѣ того, нельзя не признать врожденныхъ способностей напр. къ математическимъ наукамъ, къ живописи, стихотворству и пр. Одному человѣку это съ малолѣтства дается легко, напр. онъ, не учась начинаетъ писать стихи, сохраняя правильность стихосложенія, между тѣмъ какъ другой не можетъ съ этимъ справиться въ теченіи цѣлой жизни. Противники наследственности объясняютъ все это тѣмъ, что въ умныхъ семействахъ дается болѣе разумное воспитаніе; поэтому не мудрено, что дѣти выходятъ умнѣе, а преимущественныя наклонности и способности къ тѣмъ или другимъ наукамъ или искусствамъ происходятъ вслѣдствіе случайности, преимущественнаго упражненія этихъ способностей и стало быть большаго ихъ развитія. Но противъ этого можно указать на тѣ факты, гдѣ выходили самоучки художники, ученые, техники, стихотворцы, музыканты и пр., — люди, рожденные въ неразвитой средѣ, которая скорѣе задерживала ихъ развитіе, чѣмъ поощряла. Между тѣмъ, не смотря на все это, мальчикъ съ юныхъ лѣтъ горитъ или необыкновенной любознательностію и способностію обобщенія фактовъ, или рисуетъ углемъ правильныя, даже художественныя фигуры или устраиваетъ какіе либо механизмы и пр. и затѣмъ, при благоприятствующихъ обстоятельствахъ, оказываетъ необыкновенно быстрые успѣхи развитія въ этомъ направленіи. Какъ есть люди совершенно обиженные музыкальными способностями,

или способностями къ живописи и стихотворству, точно также есть люди воспримчивые для умственного развитія и невоспримчивые. Это составляет *врожденную способность*, какъ рысистый бѣгъ или благонаравіе у кровной лошади, какъ способность дѣлать хорошую стойку или вытравить звѣря у собаки. Безъ этой врожденной способности всѣ воспитанники учебныхъ заведеній, находящіеся подъ одинаковыми условіями, развивались бы почти одинаково, не было бы категоріи глухихъ и умныхъ, посредственныхъ и гениальныхъ. Такъ какъ нравственныя и умственныя способности должны быть разсматриваемы не иначе, какъ результатъ того или другого сложенія и развитія мозга, то отсюда понятно, что матеріальныя особенности строенія мозга, а стало быть и задатки для такихъ или другихъ умственныхъ качествъ, могутъ, даже должны быть наследственны, точно также, какъ наследственны и всѣ другія анатомическія и физиологическія особенности человѣка. Если черезъ отцовское сѣмя или яичко матери передается ребенку наследственный ростъ (высокій или низкій), долговѣчность и плодородіе, — признаки, которые обнаруживаются спустя много лѣтъ послѣ рожденія, то нѣтъ никакого основанія не допустить, что и задатки умственного роста также передаются потомству и обнаруживаются въ немъ въ той или другой быстротѣ и крѣпости умственного возрастанія.

Тѣ случаи, гдѣ отъ умныхъ отцовъ и матерей родились глухие или ограниченныя дѣти, должны быть разсматриваемы, какъ случаи ненормальные. Все ровно какъ отъ крѣпкихъ и рослыхъ родителей можетъ уродиться карликъ или уродъ, вслѣдствіе воспрепятствованнаго утробнаго развитія или вслѣдствіе аглицкой и другихъ болѣзней дѣтства, точно также и отъ умныхъ ро-

дителей может иногда родиться идіотъ, напр. вслѣдствіе кровнаго родства, или зачатія въ пьяномъ видѣ, какъ это мы покажемъ ниже. Во всякомъ случаѣ такіе примѣры, повидимому, противорѣчащіе наслѣдственности умственныхъ качествъ, должны быть объясняемы или соврожденными болѣзнями мозга, или физическими и нравственными болѣзнями дѣтства, а общій законъ наслѣдственности остается неприкосновененъ. Съ другой стороны, разсматривая такіе примѣры, не нужно упускать изъ вниманія и того обстоятельства, что умственные качества супруговъ нерѣдко бываютъ далеко неодинаковы. Умный мужъ и отъ природы ограниченная жена могутъ производить дѣтей и умныхъ и ограниченныхъ, смотря потому, въ чьей породѣ было больше устойчивости, стало быть, кто больше передастъ потомству своихъ наслѣдственныхъ качествъ. При скрещеніи благороднаго и обыкновеннаго животнаго видимъ же мы нерѣдко, что структура послѣдняго, ровно какъ и нравственныя качества, долго не подчиняются облагораживанію. Это тѣмъ болѣе можетъ имѣть мѣсто у человѣка, потому что умные отцы сплошь и рядомъ представляютъ поколѣніе новое, молодое, неупроченное, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, если наслѣдственно передаваемые задатки ихъ ума такъ часто парализуются вліяніемъ прочно-установившейся, но умственно неразвитой породы.

Само собою разумѣется, что наслѣдственно передаются не умственные качества въ полномъ ихъ развитіи, а только *задатки этихъ качествъ*, т. е. способность при извѣстномъ упражненіи скорѣе достигать лучшаго развитія. Жеребенокъ отъ рысистой лошади не имѣетъ еще рысстаго бѣга, но его легко можно развить упражненіемъ, тогда какъ у жеребенка отъ водовозной лошади

всѣ усилія къ этому были бы напрасны. Поэтому, кромѣ наслѣдственности, врожденности, для развитія умственныхъ качествъ необходимо еще правильное упражненіе.

Принимая наслѣдственность умственныхъ качествъ, мы вовсе не хотѣли сказать того, что умные дѣти могутъ родиться исключительно отъ развитыхъ родителей. Мы видимъ очень часто, что лучшіе дѣятели нашего общества происходятъ изъ неразвитой или мало развитой среды, напр. изъ крестьянъ, мѣщанъ и провинціального духовенства, но это нисколько не противорѣчитъ высказаннымъ нами положеніямъ о наслѣдственности умственныхъ качествъ вообще; потому что, само собою разумѣется, что въ этой средѣ точно также, если еще не въ большемъ количествѣ, встрѣчаются отъ природы даровитыя личности, съ здоровымъ и прочнымъ, хотя и мало развитымъ умомъ. Врожденный, такъ сказать, натуральный умъ нужно отличать отъ ума, выработаннаго воспитаніемъ, точно также, какъ мы отличаемъ природную красоту сложенія отъ красоты искусственной, достигаемой культурой тѣла, манерами и поддерживаемой косметическими средствами и различными приправами утонченнаго туалета. Какъ мы нерѣдко обманываемся искусственной физической красотой кокетокъ, такъ и при разборѣ умственныхъ качествъ человѣка иногда по ошибкѣ принимаемъ за природный умъ начитанность, умъ заимствованный, или пріобрѣтенный труженничествомъ, умственной дресировкой. Такихъ личностей въ развитомъ классѣ общества встрѣчается очень много и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣти ихъ, не употребившіе надъ собою такихъ усилій для умственнаго развитія, какія употреблены были родителями, выходятъ личностями ограниченными. Личности неразвитыя, но богатой природы, въ этомъ отношеніи мо-

гутъ быть гораздо производительнѣе; отъ мужика можетъ родиться гений и отъ образованнаго дворянина—дуракъ; такихъ фактовъ можно указать много и въ исторіи, и въ обыденной жизни. При видѣ такихъ фактовъ остается только жалѣть, что не всѣ слои общества имѣютъ одинаковую возможность для развитія своего природнаго ума, что много прекрасныхъ, талантливыхъ натуръ скрываются въ массѣ народа, какъ бесплодный, непродуцибельный капиталъ, которому нѣтъ ни выхода, ни примѣненія.

Разсматривая общее движеніе умственнаго развитія *цвѣлой націи*, мы должны придти къ тому же заключенію, какое мы вывели при разсмотрѣніи анатомическихъ національныхъ типовъ, т. е. что умственный складъ націи вырабатывается, совершенствуется и укрѣпляется постепенно, путемъ собственнаго упражненія и благопріятствующей помѣси. Вліяніе цивилизованныхъ народовъ на цивилизуемую страну точно такое же, какъ вліяніе относительно совершеннаго анатомическаго типа на типъ менѣе совершенный. Анатомическій шагъ къ развитію, сдѣланный мозгомъ, путемъ ли личнаго упражненія этого органа, или подъ вліяніемъ наслѣдственной передачи, сообщается потомству, для котораго достиженіе извѣстнаго уровня умственнаго развитія вслѣдствіе этого становится легче. Такимъ образомъ нравственный и умственный уровень типа мало по малу повышается. Отъ этого происходитъ, что одна нація воспринимаетъ и удерживаетъ современную цивилизацію легче, другая медленнѣе, развивается ту же, смотря потому чей мозгъ болѣе подготовленъ, болѣе прогрессивно развитъ. Въ сѣверо-американскихъ штатахъ цивилизація принялась быстро, можетъ быть, между прочимъ, именно вслѣдствіе того, что туда были перенесены изъ Европы

не одні книги и науки, но и европейскій мозгъ, размноженный и распространенный по странѣ лучшими производителями — талантливыми, умными и энергическими выходцами изъ Европы. Подъ вліяніемъ такого обновленія, такой благодѣтельной помѣси умъ американцевъ не долженъ былъ проходить въ своемъ развитіи всѣ степени *догоняющаго движенія*, какъ умъ другой націи, предоставленной самой себѣ, а прямо началъ съ прогрессивнаго движенія впередъ. Такимъ образомъ, назначеніе цивилизующей націи состоитъ не въ томъ только, что оно играетъ роль учителя цивилизуемой страны, но, при помѣси крови, и роль разсадника того мозгового прогресса, который для первой составляетъ нормальный анатомическій уровень.

Русская цивилизація до Петра шла такъ плохо между прочимъ потому, что славянскій умъ, положимъ, отъ природы и довольно богатый, не только былъ предоставленъ самому себѣ, стало быть долженъ былъ проходить постепенно всѣ фазы своего прогрессивнаго развитія, но кромѣ того это развитіе парализовалось невыгодной помѣсью съ націями менѣе цивилизованными. По мѣрѣ заводимыхъ сношеній съ Европою, славянорусскій мозгъ не только сталъ получать больше инци для своего развитія и сталъ быстрѣе совершенствоваться, но сверхъ того, путемъ фізіологической помѣси съ европейцами, наслѣдственно сталъ получать отъ нихъ уже выработанные плоды современной цивилизаціи.

Въ подтвержденіе нашей мысли о наслѣдственности умственныхъ качествъ и о постепенномъ фізіологическомъ усовершенствованіи мозга цѣлой націи, мы можемъ указать еще на евреевъ. Они представляютъ такую націю, которая воплотила въ себѣ плоды самой древней цивилизаціи. Мозгъ ихъ въ теченіи тысячелѣтій развился

и окрѣпъ, раса получила устойчивость въ передачѣ наслѣдственныхъ качествъ. Естественно послѣ этого, что и до сихъ поръ, не смотря на всѣ превратности судьбы, на всѣ гоненія и невыгоды соціального положенія, евреи не только сохраняютъ свой національный типъ, но и поддерживаютъ сравнительно высокій интеллектуальный уровень. Разсѣянные, можно сказать, отдѣльными единицами, по всему земному шару, они не только не поглощаются окружающими племенами, какъ это обыкновенно случается съ другими не настолько фізіологически-устойчивыми инородцами, но сверхъ того вездѣ имѣютъ своихъ славныхъ представителей въ рядахъ ученыхъ, дипломатовъ, художниковъ, капиталистовъ и пр. Если бы можно было представить процентъ замѣчательныхъ личностей изъ евреевъ, относительно общаго ихъ народонаселенія, и сравнить его съ процентомъ подобныхъ личностей изъ другихъ болѣе юныхъ націй, то по всей вѣроятности громадная разница оказалась бы въ пользу евреевъ. Это показываетъ, что умъ каждой націи вырабатывается временемъ и что каждый шагъ къ развитію, сдѣланный мозгомъ, напечатлѣвается неизгладимымъ слѣдомъ, вступающимъ въ число національныхъ, наслѣдственныхъ признаковъ. Въ этомъ смыслѣ взятое выраженіе: «*мы созрѣли, или не созрѣли*», относимое къ той или другой націи для обозначенія готовности или неготовности ея къ тому или другому образу дѣйствій, имѣетъ анатомическій смыслъ. Зрѣлость въ этомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, что мы имѣемъ или не имѣемъ тотъ или другой запасъ свѣденій и практической мудрости—это богатство индивидуальное, а въ томъ, насколько нація вообще способна воспринимать, перерабатывать и развивать впередъ вопросы разума и цивилизаціи. Эта способность относительно цѣлаго народа не есть резуль-

татъ массы индивидуальнаго образованія, а плодъ вѣками создаемаго умственнаго прогресса — наслѣдство прадѣдовъ, приобщаемое и обогащаемое новыми приобрѣтеніями потомковъ.

Наконецъ, говоря о наслѣдственности умственныхъ и нравственныхъ качествъ, мы коснемся еще одного вопроса. Въ силу высказаннаго выше положенія, т. е. что умъ націи или извѣстнаго слоя общества вырабатывается и совершенствуется временемъ, путемъ постояннаго упражненія и наслѣдственности, мы должны были бы признать, что верхніе слои нашего общества болѣе способны къ развитію, чѣмъ нижніе, стало быть первыя не безъ основанія отличаютъ себя отъ послѣднихъ «голубою, болѣе благородною кровью». Признать такое мнѣніе — значитъ поставить себя въ противорѣчіе съ повсюдными и ежедневными фактами. Достаточно сравнить уровень образованія различныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ воспитываются люди изъ верхнихъ, среднихъ и нижнихъ слоевъ общества, достаточно обратить здѣсь вниманіе на сравнительный процентъ способныхъ, талантливыхъ и ограниченныхъ воспитанниковъ, чтобы убѣдиться, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. И дѣйствительно, предполагаемая разница подмѣчена давно: не даромъ въ обществѣ сложилось мнѣніе, что нравственную и умственную силу націи нужно ожидать не отъ привилегированныхъ слоевъ, а отъ народа, и не потому, чтобы послѣдній былъ численно больше, а потому что онъ умственно и нравственно крѣпче. Почему же, спрашивается, болѣе цивилизованные слои общества, упрочившіе за собою цивилизацію съ давняго времени, не могли выработать себѣ, въ силу вышеприведеннаго закона, большихъ задатковъ для прогрессивнаго развитія, для умственной и гражданской дѣятельности, чѣмъ слои менѣе цивилизо-

ванные? Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса нужно было бы зайти намъ слишкомъ далеко, именно въ предѣлы статьи о вырожденіи расъ и фамилій. Объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь замѣтимъ только, что такъ называемая цивилизація верхнихъ слоевъ не всегда была и есть истинная цивилизація, а сплошь и рядомъ мишурный блескъ. Процессъ умственнаго развитія и роста состоитъ не въ томъ, что человѣкъ воспринялъ въ себя кое-какія свѣдѣнія, усвоилъ приемы приличія и иностранную рѣчь. При такомъ образованіи мозгъ играетъ, можно сказать, пассивную роль. Во многихъ случаяхъ смѣтливому крестьянину, ремесленнику, купцу приходится чаще *раскидывать мозгами*, думать и придумывать, чѣмъ богатому образованному дворянину, незнающему, куда приложить свое образованіе и въ теченіи жизни не встрѣчающему ни предмета, ни вопроса, надъ которымъ бы онъ могъ задуматься. Вполнѣ обезпеченный и довольный, онъ большею частію живетъ чужимъ умомъ, дѣлаетъ чужими руками и ни одна невзгода жизни не заставитъ его слѣлать усиленнаго напряженія мозга, чтобы выдти изъ стѣснительнаго положенія. Отъ этого баричъ такъ мало способенъ къ серьезной умственной работѣ, отъ этого маменькины сынки и вообще люди, веденные на помочахъ, теряются и падаютъ духомъ при первомъ столкновеніи съ суровою жизнію, при первой трудности, которую могъ бы преодолѣть простой деревенскій мальчикъ. Другое дѣло человѣкъ необезпеченный и угнетаемый: со дня рожденія онъ принужденъ вступать въ борьбу со всѣмъ окружающимъ, и людьми, и природой; каждый кусокъ хлѣба, каждое удобство жизни онъ долженъ пріобрѣсти своимъ трудомъ, умѣньемъ, расторопностію, да сверхъ того долженъ придумывать мѣры, какъ бы не похитили у

него этого куска и этого удобства. Оттого и происходит, что деревенскій мальчикъ гораздо болѣе находчивъ, предприимчивъ и смѣль, чѣмъ мальчикъ тако-го же возраста, воспитанный въ нѣгѣ и холѣ, въ родѣ Обломова. Простой крестьянинъ иногда лучше выпутается изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, лучше и отчетливѣе сдѣлаетъ всякое дѣло по его силамъ, чѣмъ благовоспитанный джентльменъ, находящійся сравнительно съ своимъ образованіемъ и положеніемъ въ такихъ же обстоятельствахъ. Понятно послѣ этого, кто умственно работаетъ больше и гдѣ мы вправѣ ожидать большаго потомственного развитія мозга. Теперь не покажется страннымъ, если мы скажемъ, что вѣковая работа умственного возрастанія совершается не въ одномъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ, а еще съ большей энергіей, съ большимъ напряженіемъ она идетъ и копится незамѣтно, обогащая національный умъ, въ тѣхъ классахъ, которые еще такъ недавно считались если не полулюдьми, то, по крайней мѣрѣ, существами низшими, обиженными природой. Изъ этого слѣдуетъ, что богатство, образованіе и довольство нельзя еще считать абсолютнымъ условіемъ для прогрессивнаго умственного развитія; оно дѣлается этимъ только тогда, когда служитъ средствомъ для болѣе обширнаго примѣненія умственной работы. И съ другой стороны бѣдность иногда подавляетъ человѣка, убиваетъ умственный трудъ, иногда же напротивъ служитъ стимуломъ для умственного труда.

Изъ сказаннаго отчасти уже понятно, почему уровень умственного прогресса у привилегированныхъ классовъ, несмотря на давность ихъ цивилизаціи, ниже такого же уровня другихъ слоевъ общества, что у первыхъ, по складу жизни и отсутствію умственной работы, мозгъ,

естественно, долженъ не усовершенствоваться, а напротивъ атрофироваться. Это обстоятельство служить одной изъ причинъ вырожденія аристократическихъ фамилій, даже вырожденія цѣлыхъ націй, если онѣ, подчинивши себѣ покоренные народы, начинаютъ жить на счетъ ихъ умственного и физическаго труда и превращаются въ паразитовъ.

Чувствую, что этой главой я утомилъ своихъ читателей, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ бы коснуться еще одного вопроса, имѣющаго нѣкоторую аналогію съ только-что изложеннымъ, именно вопроса *объ умственномъ развитіи женщинъ*.

Если мы вспомнимъ, сколько было писано объ этомъ предметѣ, сколько дѣятельныхъ защитниковъ женскаго прогресса старались доказать умственное тождество женщины и мужчины, если, говорю, вспомнимъ все это, то всякое разсужденіе о женскомъ умѣ можетъ показаться излишнимъ. Но вооружусь терпѣніемъ и храбростію, и скажу отъ себя нѣсколько словъ. Не знаю, будутъ ли они по сердцу моимъ читательницамъ. На всякій случай я защищаю себя отъ ихъ неблагосклонныхъ взглядовъ стариннымъ изрѣченіемъ: *amicus Plato, sed magis amica veritas!*

Что женщина, за исключеніемъ сферы половыхъ органовъ, имѣетъ совершенно такую же организацію, какъ и мужчина, что она стало бытъ способна къ тѣмъ же фізіологическимъ отправлениямъ какъ и онъ, это вопросъ давно рѣшенный, даже избитый. Но сущность нашего вопроса заключается не въ этомъ, а въ томъ: на какомъ уровнѣ прогрессивнаго умственного развитія стоитъ наша женщина, или лучше сказать, въ какой степени ея мозгъ выработанъ интеллектуальнымъ упражненіемъ и упроченъ наслѣдственностію для того, чтобы

быть способнымъ къ самобытному и плодовитому умственному труду? Выше мы видѣли, что не у всѣхъ націй, не во всѣхъ классахъ общества этотъ уровень стоитъ одинаково. У однихъ предшествовавшего, историческаго умственнаго труда было больше и оттого наследственный умъ, или правильнѣе сказать мозгъ, развился лучше, у другихъ, наоборотъ, отъ недостатка въ упражненіи, мозгъ атрофировался, или, по крайней мѣрѣ, остался на болѣе низкой степени развитія. Отъ этого одна нація или одинъ классъ общества даетъ большую сумму умственныхъ силъ и лучший результатъ ихъ примѣненія, чѣмъ другія.

Если мы посмотримъ на историческую судьбу женщины, то увидимъ, что въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, даже тысячелѣтій, положеніе ея относительно умственнаго развитія было самое невыгодное. Отстраненная мужчиной отъ всѣхъ важныхъ, такъ сказать головоломныхъ занятій, она по необходимости сосредоточила свое вниманіе на домашнемъ очагѣ и дѣтяхъ. Кругъ ея дѣятельности былъ слишкомъ узокъ, заботы слишкомъ ограничены, положеніе слишкомъ зависимое, чтобы не сказать поработченное. Даже при теперешнемъ положеніи, повидимому улучшенномъ, женщина въ такъ называемомъ образованномъ классѣ большею частію или кукла, предназначенная для утѣшенія мужчины, или нянька и экономка, или же, въ рабочемъ классѣ общества—работница т. е. механическая рабочая сила. Заботы о пріисканіи средствъ къ жизни, дающія наибольшую пищу для ума, заботы о прославленіи своего имени (котораго у женщины нѣтъ), заботы о своемъ отечествѣ какъ всегда, такъ и теперь отстранены отъ женщины. Поэтому естественно, что инициативы для умственнаго труда у женщины было меньше, чѣмъ у мужчины. Вслѣдствіе

этого она наполняла свое бездѣлье или вязаніемъ чулковъ, или мелочной механической работой по хозяйству, или даже чтеніемъ, но это послѣднее большею частию не составляетъ у женщины цѣлесообразнаго опредѣленнаго труда, а тоже препровожденіе времени. Въ этомъ отношеніи образованную женщину нашего вѣка можно поставить въ параллель съ тѣми обеспеченными и праздными личностями, о которыхъ мы говорили выше. Взявши это во вниманіе, не трудно придти къ тому заключенію, что женскій мозгъ, вслѣдствіе историческихъ судьбъ, отъ недостатка упражненія, не выработанъ такъ, какъ онъ выработанъ у мужчины. Вслѣдствіе этого женщина и менѣе воспріимчива къ умственному труду, и менѣе производительна въ этомъ трудѣ.

Противъ такого состоянія женскаго мозга можно сдѣлать одно и очень серьезное возраженіе, именно то, что женщина получаетъ наслѣдственные качества не отъ одной матери, но и отъ отца, слѣдовательно, все то, что мужчина выработалъ себѣ въ этомъ отношеніи, должно было дѣлиться по ровну на оба пола. Но степень примѣненія этого основнаго закона наслѣдственности къ данному вопросу можетъ подлежать еще нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ этомъ отношеніи мы знаемъ, что помимо передачи основныхъ фамиліальныхъ признаковъ, есть признаки, которые преимущественно передаются по женской или мужской линіи. Такъ, напри- мѣръ, въ анатомическомъ отношеніи женщина наслѣдственно выработала себѣ болѣе граціозныя формы, большую тонкость костей скелета, меньшее развитіе мышцъ и проч. и эти признаки, не смотря на помѣсь съ мужскимъ элементомъ, передаются только по одной женской линіи. Тоже самое относительно привычекъ и характера. Дѣвочка съ самаго начала обнаруживаетъ

кокетливость, скромность наклонность къ извѣстнымъ играмъ, тогда какъ мальчикъ, воспитывающійся совершенно подъ одними и тѣми же условіями, проявляетъ другія наклонности. Этого нельзя объяснить подраженіемъ, потому что характеръ мальчика и дѣвочки обнаруживается одинаково и при тѣхъ условіяхъ, когда дѣти развиваются исключительно подъ материнскимъ вліяніемъ. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на половой характеръ животныхъ, то увидимъ разность между самцами и самками, разность наслѣдственную, повторяющуюся постоянно, при всѣхъ условіяхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда молодое животное удалено отъ родителей и стало быть не могло развить своихъ инстинктовъ и привычекъ путемъ подражанія. Наконецъ, мы могли бы указать здѣсь на нѣсколько фактовъ патологической наслѣдственности, гдѣ извѣстныя болѣзни, напримѣръ, ракъ, истерика, передаются по одной женской линіи, тогда какъ другія, напримѣръ, запой, помѣшательство и проч. по одной мужской. Отъ чего бы не зависѣло такое явленіе, но оно показываетъ, что при распределеніи на сыновьяхъ и дочеряхъ наслѣдственныхъ признаковъ родителей, особенно умственныхъ и нравственныхъ, они группируются на потомствѣ большею частію сообразно половой упроченности этихъ признаковъ. Слѣдовательно, если женщина, несмотря на помѣсь въ ея организмѣ съ мужскимъ элементомъ, наслѣдуетъ отъ матери особенность женскаго организма, если наслѣдственно передаются половой характеръ и привычки, то почему бы не допустить, что и женскій складъ мозга тоже большею частію передается по женской линіи.

Этимъ только и можно объяснить тотъ поразительно ничтожный процентъ женскаго умственнаго капитала, который мы видѣли до сихъ поръ въ литературѣ, на-

укахъ и искусствахъ. Такого умственного застоя, такой непроизводительности женщинъ нельзя приписывать исключительно соціальному положенію ихъ. Оно виновато только въ историческомъ отношеніи, т. е. въ томъ смыслѣ, что парализовало развитіе женскаго мозга, но при нормальной воспримчивости его не служило бы абсолютнымъ препятствіемъ для умственного труда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вообразимъ, что, положимъ, съ завтрашняго дня роли наши помѣняются, мужчины примутъ на себя обязанности женщинъ, а женщины труды мужчинъ, то мы можемъ, быть увѣрены, что масса освободившихся мужскихъ умственныхъ силъ не останется въ бездѣйствіи. Образчики этого воображаемаго положенія можно видѣть и въ дѣйствительности, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда развитой мужчина, вслѣдствіе чего либо удаляется отъ общества, отъ всѣхъ обязанностей гражданина, положимъ даже что куда нибудь заключается, не смотря на это онъ и здѣсь находитъ какое нибудь средство для примѣненія своей умственной силы. Дѣятельность составляетъ непреодолимую потребность человѣка — это физиологическій законъ, но она можетъ выражаться такъ или иначе, смотря потому, къ какой дѣятельности человѣкъ болѣе склоненъ и наслѣдственно подготовленъ. Поэтому крестьянинъ, унаслѣдовавшій крѣпкія кости и мускулы, предпочтетъ рубить дрова или копошиться около своего дому, чѣмъ составлять проекты или записывать правила своей житейской мудрости. Отъ этого же женщина предпочтетъ вязать чулки или говорить сплетни, чѣмъ вдуматься въ какую нибудь мысль, прослѣдить какой нибудь вопросъ, написать сочиненіе или даже картину. Повторяемъ, что привычки къ такому или другому образу жизни, къ тому или другому роду занятій укрѣпляются наслѣд-

ственности, если они повторялись непрерывно въ теченіи многихъ и многихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, съ одной стороны унаслѣдованная и весьма укрѣпленная привычка къ праздному роду жизни, съ другой стороны историческій недостатокъ упражненія мозга и наконецъ продолжающееся социальное положеніе женщины служатъ причиною тому, что женская умственная дѣятельность проявлялась и проявляется въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Говоря о меньшей подготовкѣ женщинъ къ умственному труду, мы вовсе не хотимъ этимъ выразить намека о неспособности ихъ къ этому труду. Напротивъ, мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто либо желали бы видѣть его, желали бы полного простора женскому развитію и увѣрены, что при измѣнившихся обстоятельствахъ, женскій мозгъ сдѣлаетъ быстрое движеніе впередъ и сдѣлается со временемъ настолько же воспріимчивымъ и производительнымъ, какъ мозгъ мужчины. Шагъ къ такому развитію мы замѣчаемъ уже и теперь. Современное поколѣніе женщинъ имѣетъ въ своихъ рядахъ много представительницъ этого отраднaго движенія, остается только желать, чтобы обстоятельства жизни не тормозили его, не мѣшали женщинамъ стремиться къ той благородной цѣли, которая дѣлаетъ человека царемъ всего существующаго. Знаніе, какъ говорить *Бэконъ*, и притомъ правильно организованное, прибавимъ мы отъ себя, становится могуществомъ!

III.

УСЛОВІЯ, СОДѢЙСТВУЮЩІЯ ИЗМѢНЕНІЮ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПОРОДЫ.

При заботахъ объ улучшеніи породы человекъ имѣетъ

въ виду: 1) потребность усовершенствованія здоровья; 2) потребность усовершенствованія красоты и 3) потребность усовершенствованія умственныхъ и нравственныхъ качествъ.

Всѣ эти потребности такъ неотразимы, что каждый изъ родителей, сознательно или безсознательно, заботится объ ихъ осуществленіи на своемъ потомствѣ. Эта забота, однакожь, далеко не всегда бываетъ успѣшна, именно потому, что съ одной стороны понятіе объ этихъ требованіяхъ не всегда бываетъ правильно, и часто превратно, съ другой стороны средства къ выполненію ихъ остаются мало или вовсе неизвѣстными. Всякій человѣкъ естественно желаетъ здоровья и себѣ и своему потомству, но далеко не всякій хочетъ и умѣетъ пользоваться тѣми правилами науки, при которыхъ сохраненіе здоровья наиболѣе возможно. Сплошь и рядомъ какъ личнымъ здоровьемъ жертвуютъ житейскимъ удовольствіямъ, точно также при женитбѣ чаще имѣютъ въ виду другія побочныя выгоды и удобства, брака, нежели здоровое сложеніе будущей матери. Относительно красоты можно сказать, что объ ней заботятся больше, чѣмъ о здоровьи, но и здѣсь цѣль не всегда достигается. Понятіе о красотѣ до такой степени индивидуально, что нерѣдко красота, признаваемая однимъ, считается другимъ за безобразіе. Возьмите, наприм., калмычку или татарку: въ своей средѣ онѣ могутъ считаться красавицами, а въ нашемъ обществѣ признаются чуть не уродами. Точно также пикантная красота нашей свѣтской барыни, съ ея блѣднымъ личкомъ и сухощавымъ сложеніемъ, для купческаго вкуса будетъ ниже всякой посредственности. О вкусахъ не спорять, говорить пословица. У каждаго народа и даже у каждаго сословія идеаль красоты не только бываетъ раз-

личень, но и измѣнивъ, смотря по времени и по степени развитія націи или сословія. При всемъ томъ, какъ вообще въ понятіи объ изящномъ должно существовать нѣчто общее, опредѣленное, на чемъ должна сходиться большая часть индивидуальныхъ вкусовъ, такъ точно должна существовать извѣстная доля опредѣленности и въ понятіяхъ о человѣческой красотѣ. Здоровье есть тоже понятіе относительное; не смотря на то, мы различаемъ человѣка большаго отъ здороваго, крѣпкаго отъ слабаго: точно также, при всѣхъ варіаціяхъ и уклоненіяхъ личнаго вкуса, нельзя не отличить существо красивое и некрасивое. Во всякомъ случаѣ истинная красота, при симметріи и изяществѣ, сложенія, должна быть неразрывна съ здоровьемъ. Красота, идущая въ ущербъ физиологическому отправленію членовъ или органовъ, не должна считаться истинной красотой, точно также, какъ напр. понятіе о красотѣ костюма должно быть сообразно съ понятіемъ о его пригодности. Мы не будемъ несправедливы, если непомѣрную шнуровку или необъятные кринолины и шлейфы сочтемъ за безобразіе. Точно также не будемъ несправедливы, если современный вкусъ въ женской красотѣ, основывающійся на неестественной блѣдности (малокровіи) и тонкости членовъ въ ущербъ ихъ развитію, назовемъ вкусомъ извращеннымъ, какъ вкусъ китайцевъ относительно дамскихъ ногъ. Слишкомъ малая и узкая головка, не смотря на всю грацію, которую желали бы въ ней отыскать, не будетъ хороша, потому что въ ней помѣщается мало мозгу. Чахоточная женщина, не смотря на всю прелесть ея блестящихъ глазъ, выраженія и нѣжнаго румянца, не можетъ служить представительницей женской красоты, точно также какъ разлагающійся рябчикъ не можетъ служить образцомъ

вкуса этой птицы, хотя до тѣхъ и другихъ есть много охотниковъ.

Какъ образецъ болѣе выработаннаго вкуса касательно человѣческой красоты, мы можемъ взять красоту греческую и римскую. При взглядѣ на древнія статуи каждый увидитъ въ нихъ не только полную гармонію сложенія, но и совершенное развитіе cadaго органа въ отдѣльности. Греческая и римская головка правится намъ не только по своей пропорціональности, но и по развитію черепа, свидѣтельствующему о развитіи мозга. Широкій черепъ съ выпуклыми висками и открытымъ лбомъ всегда будетъ красивѣе плоскаго, узкаго или длиннаго черепа, если бы даже послѣдній относительно лица и туловища былъ сложенъ и пропорціо-нально. Точно также, почему мы восхищаемся красивымъ торсомъ напр. Венеры милосской, медицейской, Юпитера или Аполлона бельведерскаго и пр? Потому что этотъ торсъ служитъ выраженіемъ полной гармоніи фізіологической жизни. Взглянемъ-ли мы на мускулы, на устройство грудной клѣтки, таза, на груди и пр., и мы видимъ, что здѣсь каждая часть и каждый органъ какъ бы просятся исполнить свою функцію и обнаруживаютъ скрывающуюся въ нихъ полную и гармоническую жизнь. Отнимите у Венеры одно какое нибудь качество, напр. представьте, что грудная клѣтка ея плоска, или что тазъ уже, тогда впечатлѣніе совершенно измѣнится. Такая Венера, не смотря на ея прекрасную головку, будетъ внушать не восхищеніе, а грустное, тяжелое чувство, какое внушаютъ намъ вообще болѣзни и недостатки человѣческіе. Если бы мы привыкли почаще отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, то во многихъ случаяхъ поняли бы, почему внѣшность одного человѣка производитъ на насъ пріятное впечатлѣніе, а

другого — отталкивающее. Симпатіи и антипатіи наши не безотчетны и кажутся намъ такими только потому, что процессъ умозаключенія, основывающійся на тѣхъ или другихъ признакахъ человѣка, происходитъ слишкомъ быстро, неуловимо. Относительно физической красоты слово—правится и не правится, произносимое нами часто безотчетно, всегда имѣетъ свое основаніе. Полнота и правильность жизни, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась, всегда производитъ пріятное впечатлѣніе, и наоборотъ, болѣзненность, угнетеніе, страданіе вызываютъ впечатлѣніе грустное. Вслѣдствіе этого человѣкъ безотчетно стремится къ тому, чтобы дышать большею и лучшею жизнію. Вслѣдствіе этого мы чувствуемъ симпатію преимущественно къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ какъ физическая, такъ и нравственная жизнь выражается полнѣе и гармоничнѣе, точно также какъ мы больше склонны наслаждаться цвѣтущей природою (весной), а не заглохшей и скованной зимними морозами. При половыхъ вкусахъ это безотчетное влеченіе къ цвѣтущей жизни проявляется еще сильнѣе. Пластическая красота, съ пробивающеюся наружу кипучею жизнію, во всякомъ гораздо легче вызоветъ чувство любви, чѣмъ красота на увядающемъ или сраженномъ болѣзнію тѣлѣ. Въ этомъ отношеніи половой вкусъ руководится болѣе или менѣе замаскированнымъ, даже не сознаваемымъ, но совершенно естественнымъ чувствомъ (чутьемъ), указывающихъ на большую соотвѣтственность избираемаго лица для половыхъ цѣлей. Въ каждомъ человѣкѣ, какъ и въ животномъ, существуетъ половой инстинктъ, замаскированный розовыми красками въ видѣ сердечныхъ отношеній, и поэтому самому инстинктъ весьма дѣятельный и въ высшей степени важный, потому что онъ служитъ рычагомъ для продолженія

рода всего живущаго. Помощію его природа указываетъ человѣку на одну изъ главныхъ физиологическихъ цѣлей, и, не оскорбляя щекотливаго чувства стыдливости, незамѣтно подводитъ его къ этой цѣли, окружая ее ореоломъ любви и нравственныхъ отношеній.

Но однимъ инстинктомъ полового влеченія природа достигла бы только цѣли размноженія, безъ дальнѣйшей гарантіи качества размножаемыхъ продуктовъ. Нужно было вложить человѣку такое чувство или такое стремленіе, которое бы отыскивало факторовъ для произведенія болѣе совершенныхъ индивидуумовъ, стало бытъ болѣе удовлетворяющихъ цѣли размноженія. Поэтому вмѣстѣ съ инстинктомъ полового влеченія у человѣка существуетъ стремленіе къ обладанію существомъ болѣе совершеннымъ, т. е. болѣе здоровымъ, правильно сложеннымъ и развитымъ и, стало бытъ, красивымъ. Такимъ образомъ, понятіе о человѣческой красотѣ, тѣсно связанное съ инстинктомъ половой любви, при половыхъ влеченіяхъ основывается на пригодности или непригодности человѣка къ размноженію рода. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія чувство человѣческой красоты должно вытекать изъ понятія о степени здоровья разсматриваемаго индивидуума, о полнотѣ и совершенствѣ его физиологической и моральной жизни, и слѣдовательно вкусъ, отыскивающій красоту внѣ здоровья, долженъ считаться вкусомъ неестественнымъ.

Древніе эстетяки очень хорошо поняли условія идеальной красоты; поэтому каждое ихъ изображеніе представляетъ не только пропорціональное развитіе всѣхъ частей человѣческаго тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на болѣе совершенное и вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціональное физиологическое отправленіе этихъ

частей. Эта олицетворенная въ мраморѣ нормальная физиологическая жизнь, дышащая силой и здоровьемъ,— жизнь, при которой ни одинъ органъ не развился и не дѣйствуетъ въ ущербъ другому—и служить душой художественнаго произведенія.

Мы не хотимъ сказать, чтобы понятіе о красотѣ было совершенно тождественно съ понятіемъ о здоровьѣ. Много людей могутъ считаться совершенно здоровыми, но не красивыми, потому что тонкая пропорціональность и гармонія частей не составляютъ еще необходимаго условія здоровья. Но съ другой стороны, истинная красота безъ здоровья, т. е. безъ нормальнаго устройства и отправления всѣхъ органовъ тѣла, существовать не можетъ. Выходя съ этой точки зрѣнія, можно установить общій идеаль человѣческой красоты, къ которому слѣдуетъ подводить всѣ личные вкусы.

Потребность усовершенствованія умственныхъ и нравственныхъ качествъ такъ же свойственна человѣку, какъ и потребность усовершенствованія здоровья и красоты. Но и здѣсь точно такъ же какъ и во вкусахъ, нравственное чутье у различныхъ націй и сословій, смотря по степени ихъ развитія, бываетъ различно. Въ общемъ итогѣ, однако же, массы неизбѣжно стремятся къ тому, чтобы поднять уровень своего умственнаго и нравственнаго развитія. Эта цѣль достигается какъ индивидуальнымъ умственнымъ трудомъ, такъ и наслѣдственной передачей выработанной такимъ образомъ способности къ этому труду, при благопріятствующихъ половыхъ сочетаніяхъ. Въ силу этого требованія, при устройствѣ брачныхъ союзовъ, большею частію имѣется въ виду степень нравственныхъ и умственныхъ качествъ выбираемаго лица, благородство и развитость породы. Насколько эта потребность можетъ

выполняться путемъ наследственности, мы показали въ предыдущей главѣ. При частномъ разборѣ условій, содѣйствующихъ измѣненію породы, мы прежде всего поставимъ:

а) ВКУСЪ И ЗАПРОСЪ НА ИЗВѢСТНЫЯ КАЧЕСТВА.

Каждый человѣкъ сознательно или безсознательно стремится къ тому, чтобы видѣть въ себѣ и своемъ потомствѣ лучшія качества, касается-ли это внѣшнихъ признаковъ или моральныхъ свойствъ. Руководимый этимъ побужденіемъ, онъ заботится о своей внѣшности—фізіономіи, костюмѣ, обстановкѣ; поэтому же самому инстинктъ полового влеченія указываетъ ему на личности, по его субъективнымъ понятіямъ болѣе совершенныя, болѣе удовлетворяющія его вкусу. *Любовь* въ фізіологическомъ смыслѣ, какъ мы сказали выше, есть проявленіе не просто полового стремленія, а полового эстетическаго, т. е. не просто потребность воспроизведенія, а смутно сознаваемая или вовсе безсознательная потребность воспроизведенія потомства болѣе совершеннаго. Это мы видимъ не только на человѣкѣ, но и на животныхъ. Крѣпкіе и болѣе красивые самцы и самки стараются, такъ сказать, щеголять своими качествами другъ передъ другомъ: птицы соперничаютъ одна съ другой въ голосѣ, домашнія животныя и звѣри — въ своей ловкости, силѣ, храбрости. Дарвинъ говоритъ, что «гвіанскій каменный пѣтушокъ, райскія птицы и т. д., въ періодъ половыхъ стремленій, собираются кучами, и самцы, одинъ за другимъ, распускаютъ свои сверкающія

перья и выдѣлываютъ странныя эволюціи передъ самками, которыя наконецъ выбираютъ самого привлекательнаго изъ нихъ. Тотъ, кто наблюдалъ за домашними птицами, очень хорошо знаетъ, что онѣ подвержены личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ». Такимъ образомъ и у животныхъ есть періоды любви, періоды весны соперничества, выборъ невѣсты и жениховъ, основанный на предпочтеніи лучшаго худшему. Это — естественный подборъ, въ силу котораго лучшія породы размножаются, а худшія и слабыя рѣдѣютъ и исчезаютъ. То же самое и у человѣка. Какъ только начинаютъ проявляться въ немъ половые инстинкты, вмѣстѣ съ этимъ развивается чувство любви, т. е. предпочтеніе лучшаго (по личнымъ понятіямъ) индивидуума худшему и стремленіе вступить въ брачныя половыя сношенія именно съ этимъ индивидуумомъ.

Періодъ лучшей красоты и силы, обыкновенно, совпадаетъ съ періодомъ этого выбора. Какъ только эта половая задача кончена, воспроизведеніе потомства произошло, мужчина и женщина большею частію перестаютъ заботиться о своей болѣе выгодной внѣшности и сосредоточиваютъ свою заботу на потомствѣ и опять-таки на томъ, чтобы это потомство было по возможности лучше. Поэтому и говорятъ, что любить можно одинъ разъ въ жизни, такъ какъ цѣль или побужденіе къ любви только одно—воспроизведеніе рода въ болѣе удовлетворительной формѣ. Если мы видимъ факты повторяющейся любви, то должны объяснить ихъ не иначе, какъ неудовлетворительною прежнихъ попытокъ, незаконченностію цѣли, вслѣдствіе чего являються новыя стремленія къ ея достиженію. Если любовь не увѣнчалась бракомъ, или бракъ плодородіемъ, то вслѣдъ за разочарованіемъ является новая инстинктив-

ная потребность къ выполнению закона природы, новыя поиски за женщиной по своему вкусу, новыя попытки любви, и продолжается это до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не удовлетворитъ своей цѣли. Оттого самая прочная и счастливая любовь — это любовь, имѣющая послѣдствіемъ воспитаніе дѣтей, и оттого бездѣтное супружество не такъ прочно и не такъ удовлетворительно.

Мы сказали, что любовь есть половой эстетическій выборъ съ цѣлію воспроизведенія болѣе совершеннаго потомства; но требованія при этомъ выборѣ у разныхъ личностей, разныхъ сословій и націй бываютъ различны. Здѣсь играютъ роль *запросъ на тѣ или другія качества и личный вкусъ*. Въ силу преобладанія этихъ требованій и развиваются въ послѣдующихъ поколѣніяхъ тѣ или другія характеристическія особенности; стало быть вкусъ и запросъ при выборѣ супруговъ играютъ не маловажную роль въ прочности или подвижности, совершенствѣ или ухудшеніи физическихъ и даже моральныхъ качествъ послѣдующихъ поколѣній. Доказательство этого можно видѣть въ сохранившихся до сихъ поръ особенностяхъ сложенія у различныхъ сословій. Такъ, напримѣръ, русскій крестьянинъ, для котораго жена—работница, выработалъ потребность при выборѣ невѣсты искать преимущественно физической крѣпости, дородства, здоровья. Жена его должна быть и работница и кормилица, потому у крестьянина и развился вкусъ къ женщинамъ плотно-сложеннымъ, краснощекимъ, съ большими грудями. Этотъ вкусъ когда-то былъ и обще-русскимъ вкусомъ, когда на женщину смотрѣли не какъ на Сильфиду, а какъ на расторопную хозяйку и здоровую мать.

Если мы вспомнимъ идеаль русскоіи женщины, по оставшимся литературнымъ памятникамъ, то увидимъ, что прежде болѣе всего цѣнились: длинная русая коса,

лебединая грудь, щеки съ ямочкой, кровь съ молокомъ. Въ 1793 г. идеаль женской красоты рисовали такъ: «женское пригожество составляютъ: младость, средній ростъ и *дородство*; стройность всѣхъ частей, длинныя, бѣлокурыя волосы, тѣло нѣжное и чистое; здоровая и румяная бѣлизна, ровное чело и не мускулистые виски, глаза свѣтлосѣрыя, большіе, не на выкатѣ, но ровно съ лицомъ, имѣющіе пріятный взоръ; носъ долговатъ, *щеки не много выпуклы съ небольшими ямками*, губы румяныя, малый ротъ, бѣлыя и ровныя зубы, нѣсколько продолговатую бородку *съ ямкою*, небольшія уши, прилегшія къ головѣ; грудь бѣлая и крутоватая, кисти у рукъ бѣлыя, длинноватая и полныя; островатые пальцы, ногти жѣмчужныя и овальныя; тихое дыханіе, пріятный голосъ и добрый пріемъ, съ перехватомъ станъ, благородная и скромная походка» *).

Поэтому русская женщина напр. до-петровскаго періода была не то, что теперь въ высшихъ слояхъ общества. Щедушное сложеніе, блѣдно-матовый цвѣтъ лица, тонкія черты тогда были не въ модѣ; потому естественно, что потомство съ такими качествами медленно размножалось и наружный типъ русской женщины складывался по другимъ требованіямъ, чѣмъ онъ складывается теперь.

Прежній взглядъ на женщину и прежнія требованія отъ нея остались теперь почти исключительно въ низшемъ классѣ; оттого здѣсь преимущественно и сохранился прежній типъ русской женщины. При взглядѣ на деревенскихъ красавиць, мы до сихъ поръ очень часто можемъ встрѣтить и круглыя, красныя щеки съ ямочками, и длинную русую косу, и полныя груди.

*) Письмовникъ Курганова. 5-е изданіе 1793, ч. 1. стр. 283.

Деревенская женщина до сихъ поръ такъ же плотна и коренаста, какъ была и прежде.

Относительно мужчинъ запросъ былъ преимущественно на физическую силу, высокій ростъ, коренастое сложеніе. Такой идеаль мужского совершенства рельефнѣе всего выразился въ народной поэзіи о богатыряхъ, поднимающихъ палицу въ тридцать пудъ, вышивающихъ однимъ духомъ чару зелена вина въ полтора ведра, побивающихъ цѣлую рать и пр. Отъ мужчины изящныхъ формъ не требовали, развѣ за исключеніемъ русыхъ кудрей, а требовали силы и отваги. Подъ вліяніемъ такого идеала, русскій крестьянинъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ долженъ былъ развивать или, по крайней мѣрѣ, поддерживать помянутыя качества. И мы дѣйствительно видимъ, что масса русскаго народонаселенія сложена гораздо крѣпче, обладаетъ большей физической силой, чѣмъ другія націи.

У купцовъ средней руки или вообще у купцовъ, не измѣнившихъ дѣдовскимъ вкусамъ и обычаямъ, понятіе о красотѣ и запросъ на эту красоту совсѣмъ другіе, чѣмъ у привилегированныхъ сословій, даже чѣмъ у крестьянъ. Купецъ отдаетъ въ этомъ отношеніи преимущество пухлости и округлости формъ; ему нужна не сухая пикантность, а плоть и кровь съ достаточнымъ количествомъ жира, лебединая грудь, щеки съ сплошнымъ румянцемъ; поэтому, вслѣдствіе усиленнаго запроса на эти качества, личности, обладающія ими, скорѣе выходятъ замужъ и, стало быть, въ большемъ количествѣ плодятъ себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ размножается и складывается купеческій типъ, по которому, въ большинствѣ случаевъ, купчихъ легко отличить отъ женщинъ другого сословія.

Въ среднемъ и высшемъ классѣ нашего общества

понятіе о красотѣ, а стало быть и вкусъ, совершенно измѣнились. Не вдаваясь въ причины измѣненія этого вкуса, скажемъ только, что здѣсь не маловажное значеніе имѣла литература. Въ былое время дѣвочки и мальчики зачитывались Жуковскимъ и другими подобными поэтами, рисовавшими женскій идеаль въ полувоздушныхъ формахъ. Такой болѣзненный, искаженный идеаль естественно проникалъ въ жизнь. Дѣвушки и женщины морили себя голодомъ или, по крайней мѣрѣ, стыдились при людяхъ ѣсть, какъ слѣдуетъ здоровому человѣку, пили уксусъ, ѣли мѣлъ и глину, напускали на себя худобу и блѣдность, чтобы больше походить на неземное твореніе и поэтичнѣе вздыхать и смотрѣть на луну *). Мужчины въ свою очередь, зараженные тѣмъ же извращеннымъ вкусомъ, предпочитали подобныхъ женщинъ. Крѣпко сложенная и здоровая красавица имъ казалась Матреной. Кромѣ того, и сами мужчины любили поинтересничать своей фізіономіей въ томъ же родѣ, добываясь естественной или искусственной блѣдности, и по возможности утончая свое тѣло. Однимъ словомъ, страдальческій видъ былъ въ модѣ, и чѣмъ болѣзненнѣе, блѣднѣе человѣкъ, тѣмъ онъ казался лучше. Понятно послѣ этого, какого приклада можно было ожидать отъ сочетанія подобныхъ личностей. И вотъ въ нараждающихся поколѣніяхъ достигли наконецъ необыкновенной тонкости и нѣжности кожи, истончили кости скелета, по возможности уничтожили жир-

*) Въ настоящее время я знаю нѣсколько женщинъ, которыя отврѣнно признавались, что во время своей цвѣтущей молодости онѣ ненавидѣли свое здоровье, свой румянецъ, и различнымъ образомъ настаивали на томъ, чтобы ежегодно производить по нѣсколько кровопусканій единственно съ цѣлю уменьшить совѣзмъ не модную красноту щекъ.

ную подстилку, однимъ словомъ—сдѣлали изъ привилегированныхъ сословій нѣчто безплотное и бездушное, потому что сильная душа можетъ быть только въ крѣпкомъ тѣлѣ.

Англійская нація выработала себѣ вкусъ къ здоровью и крѣпости. Тамъ, даже въ высшихъ слояхъ общества между другими качествами жены требуютъ качествъ здоровой матери и кормилицы. Мужчины, съ своей стороны, также не щеголяютъ нѣжнымъ сложеніемъ, и чѣмъ крѣпче, рослѣе и мускулистѣе мужчина, тѣмъ онъ предпочтительнѣе. Отъ такихъ браковъ, естественно, рождается такой же приплодъ. Мы любуемся дѣтьми англичанъ, перенимаемъ отъ нихъ манеру воспитанія, но, не смотря на это, наши привилегированныя дѣтки, гуляющія съ голыми ножками, все-таки остаются тѣми же щедушными созданіями. И это понятно, потому что сложеніе ребенка есть результатъ наслѣдственности; воспитаніемъ оно можетъ только поддерживаться и сохраняться. Изъ чахлаго сѣмени не разовьется крѣпкое потомство, сколько бы мы ни положили заботъ на его воспитаніе.

Мы не разбираемъ здѣсь, который изъ приведенныхъ вкусовъ или идеаловъ красоты лучше и натуральнѣе,—это легко могутъ рѣшить сами читатели,—а приводимъ только факты, что вкусъ и запросъ отражаются на человѣческомъ поколѣніи точно также, какъ они отражаются, путемъ искусственного подбора, на усовершенствованныхъ съ извѣстною цѣлію животныхъ (тонкорунныя овцы, рысистыя лошади и проч.). Но мы, конечно, далеки отъ той мысли, чтобы измѣненіе или характеристику физическихъ свойствъ извѣстной націи или сословія выводить исключительно изъ этого источника. На противъ, на развитіе тѣхъ или другихъ физическихъ

качествъ имѣють вліяніе и много другихъ условій, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Кромѣ запроса на физическую красоту, естественно въ обществѣ долженъ существовать и запросъ на нравственную и умственную силу. Относительно послѣдняго слѣдуетъ однакоже замѣтить, что онъ до сихъ поръ преимущественно направленъ былъ къ однимъ мужчинамъ, а не къ женщинамъ. Отъ первыхъ требовали по преимуществу ума и силы, отъ вторыхъ красоты и сердца. Правда, относительно выбора невѣстъ еще давнымъ давно ставили условіемъ, чтобы она была *«лицомъ красна и умомъ сверина»*, но послѣднее условіе большею частию пренебрегалось. Народъ привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на созданіе въ умственномъ отношеніи слабое, поэтому и не былъ къ ней взыскателенъ, удовлетворяясь одними физическими ея качествами. «У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ», говоритъ народъ. «Умъ женскій не твердъ, говорили старыя книжники, аки храмъ не покровенъ; мудрость женская, аки оплотъ неокопанъ, до вѣтру стоитъ: вѣтръ повѣетъ—и оплотъ порушится; такъ и мудрость женская, аки оплотъ, до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немоцнѣйшіи суть разумы женскіи, въ нечувственныхъ ничто же могущи умное постигнуть». «Московского государства женскій полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а *природнымъ разумомъ простоваты*, и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно дознаться, отчего бѣ быти гораздо разумными и смѣлыми; также

какъ и замужъ выдутъ и ихъ потому жъ люди видятъ мало».

Такимъ образомъ, отъ женщины требовали не ума, а только красоты и доброты, рабской покорности и стыдливости. При общемъ убѣжденіи объ умственномъ и нравственномъ безсиліи женщины, она сама наконецъ признала такое мнѣніе вѣка, нравственно и физически поработивъ себя мужу. Выраженіе, что мужъ есть «глава жены», принято было въ самомъ обширномъ смыслѣ. Мужъ, не повелѣвающій своей женой, считался унижающимъ свое мужское достоинство.

«Ни въ скотѣхъ скоть коза, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица сытъ, ни въ звѣряхъ звѣрь ежъ, ни въ человѣцѣхъ человѣкъ, которымъ мужемъ жена владѣтъ».

Въ такомъ положеніи былъ запросъ на умственныя качества женщинъ до-петровскаго періода. Съ этого времени женщина стала принимать большее участіе въ общественной жизни, начала больше сталкиваться съ людьми и поэтому, естественно, запросъ на ея умственныя качества увеличился. Мужу стыдно было, если его жена въ обществѣ, въ разговорахъ оказывалась *простовата* и *несмышлена*. Но этотъ запросъ на развитіе, пронстекающій изъ эгоистическихъ видовъ мужчины, былъ слишкомъ ограниченъ. Онъ не подкрѣплялся потребностію женскаго развитія, вытекавшею изъ самой жизни, изъ соціального положенія женщины. Женское развитіе имѣло примѣненіе только въ гостинныхъ, а не на общественныхъ аренахъ; поэтому оно имѣло одностороннее, такъ сказать, поверхностное направленіе. Такой ограниченный запросъ на умственное развитіе женщинъ въ массѣ остается и до сихъ поръ. Отъ женщины боль-

шею частію не требуютъ ни большого ума, ни основательнаго образованія, — это считается излишней, непримѣнимой къ дѣлу роскошью, — а ограничиваются тѣмъ, если она усвоитъ вышнія манеры, иностранную рѣчь, съумѣетъ прилично и со вкусомъ одѣться и бросить въ обществѣ нѣсколько вычтанныхъ изъ новѣйшихъ журналовъ фразъ. При такомъ ограниченномъ запросѣ, при такомъ недостаточномъ примѣненіи умственнаго развитія къ жизни, естественно, это развитіе подвигалось очень туго. Только въ самое послѣднее время, когда на женщину стали смотрѣть, какъ на существо въ умственномъ отношеніи равносильное мужчинѣ, когда стали ждать отъ нея и требовать болѣе серьезнаго образованія и болѣе серьезной умственной дѣятельности, въ рядахъ женщинъ стали появляться личности, болѣе или менѣе удовлетворяющія этому требованію. Если бы теперь для женщины открылось большее, или даже какое бы то ни было примѣненіе умственныхъ силъ въ гражданской жизни, положимъ напр., если бы она могла быть медикомъ, учителемъ и пр., то, само собою разумѣется, рядомъ съ запросомъ, развились бы и эти силы. Все это показываетъ только, что запросъ играетъ большую роль въ развитіи тѣхъ или другихъ качествъ массы народонаселенія и подтверждаетъ общее положеніе, что производительность идетъ рука объ руку съ потребленіемъ. Отъ женщины до сихъ поръ требовали любви, сердца, граціи, кокетства, и она развила въ себѣ это до тонкости. Будетъ время, когда эти качества выйдутъ изъ моды, и они удалятся на второй планъ предъ выступающими новыми требованіями, точно также, какъ ступевались въ современномъ женскомъ обществѣ нѣкоторыя, бывшія нѣкогда въ модѣ, физическія ка-

чества, напр. пухлыя щеки съ ямочками и полныя груди.

Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о вліяніи запроса на умственное развитіе мужчинъ, — это очевидно само собой. На мужчинѣ всегда лежала прямая обязанность всѣхъ заботъ и распоряженій какъ относительно своего семейства, такъ и дѣлъ гражданскихъ, государственныхъ. Мужчину точно такъ же сравнивали съ головой, или женщину съ сердцемъ; поэтому естественно, что умственные качества въ немъ цѣнились и требовались болѣе всѣхъ другихъ. Въ силу этого, умъ мужчины, при постоянномъ упражненіи и изощреніи, развивался болѣе быстрыми шагами, тогда какъ другія качества, напр. физическая красота, сердечность, были отодвинуты на второй планъ.

Разсматривая въ частности проявленіе умственного развитія въ различныхъ профессіяхъ, мы еще нагляднѣе убѣдимся въ прямой зависимости его отъ степени запроса. Было время, когда въ Россіи большую часть умственного труда, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ специальностей, возлагали на иностранцевъ, считая русскихъ неспособными къ этому труду, точно такъ же, какъ теперь считаютъ женщинъ, — и слѣдствіемъ этого выходило то, что мы по этимъ специальностямъ не имѣли никакого развитія. Такъ напр. еще не очень давно думали, что механикомъ, аптекаремъ, медикомъ, профессоромъ и пр. можетъ быть только нѣмецъ, что будто у русскаго человѣка не хватитъ для этого ни ума, ни терпѣнія. Такое мнѣніе поддерживалось долго не только вслѣдствіе извѣстныхъ распоряженій по внушенію иностранныхъ вліятельныхъ специалистовъ, но и по ложному убѣжденію публики. Съ перемѣною взгля-

довъ на русскія способности, съ увеличивающимся запросомъ на русскіе умы, они быстро начинаютъ развиваться въ требуемомъ направленіи. Теперь публика убѣдилась, что и русскій человѣкъ можетъ быть хорошимъ докторомъ или механикомъ, и это убѣждение служитъ уже залогомъ, что у насъ не перестанутъ развиваться эти специальности на домашней почвѣ. Но публика не убѣдилась до сихъ поръ, что женщина можетъ исполнять нѣкоторыя гражданскія профессіи точно такъ же, какъ и мужчина, или, что аптекаремъ можетъ быть и не нѣмецъ,—и у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни специалистовъ женщинъ, ни русскихъ аптекарей, потому что ни на тѣхъ, ни на другихъ до сихъ поръ нѣтъ запросу.

Было время, когда военные люди пользовались болѣе благосклоннымъ вниманіемъ публики, чѣмъ труженики на гражданскомъ или ученомъ поприщѣ,—и военная служба, доставлявшая больше чести и почету, привлекала къ себѣ громадныя массы молодыхъ силъ, исчезавшихъ здѣсь безъ всякой производительности. Умственные силы мѣнялись на мелочи, и изъ даровитыхъ людей силошь и рядомъ выходили только салонные герои, Печорины или Онегины, потому что массой публики эти качества цѣнились гораздо болѣе. Съ перемѣною вкуса и запроса перемѣняются и личности. Когда на первый планъ требованій выступить не физическая сила и салонная ловкость, а умственный трудъ, тогда, естественно, всякій способный къ этому труду будетъ имѣть и охоту, и возможность проявлять свою жизненную дѣятельность въ этомъ направленіи.

(в) вліяніє внѣшнихъ жизненнихъ условій.

Вліяніє климата на структуру и наружные признаки человѣка и животныхъ не должно подлежать сомнѣнію. Въ болѣе рѣзкихъ формахъ это можно замѣтить при сравненіи животныхъ тропическихъ и полярныхъ странъ. Достаточно бросить одинъ бѣглый взглядъ на животныхъ, собранныхъ въ музеѣ, чтобы сказать, что такое-то животное живетъ около полюса, а такое-то около экватора. Подъ экваторомъ цвѣта животныхъ разнообразны— яркіе, металлическіе; подъ полюсами же однообразны, блѣдны, обыкновенно сѣрые, бѣлые. Вмѣстѣ съ разнообразіемъ цвѣтовъ, по мѣрѣ приближенія къ экватору, увеличивается разнообразіе и самыхъ животныхъ, т. е. ихъ видовъ. Ростъ животнаго тоже подчиняется вліянію климата. Такъ напр., медвѣдь африканскій (на атласѣ) имѣетъ болѣе высокія ноги, чѣмъ медвѣдь сардинскій или тирольскій. Нашъ бурый медвѣдь (стервятникъ) еще ниже послѣдняго, а бѣлый медвѣдь на ногахъ гораздо ниже всѣхъ остальныхъ. И человѣческій ростъ въ жаркихъ и сырыхъ климатахъ развивается легко и достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Доказательствомъ этому могутъ служить напр. караобы и патагонцы.

Сельскимъ хозяевамъ извѣстно, что лошади въ холодныхъ и сухихъ мѣстностяхъ становятся малорослыми, но сильными, въ мѣстностяхъ холодныхъ и сырыхъ онѣ малорослы и вялы.

О свиньяхъ говорятъ, что бѣлыя свиньи холодныхъ климатовъ, будучи водворены въ климатъ болѣе теп-

ломъ, становятся черными. По свидѣтельству Тремо, то же самое наблюдается и надъ человѣкомъ, т. е. что бѣлый типъ подъ вліяніемъ жаркаго климата можетъ переходить въ черный, и наоборотъ, въ умѣренныхъ и холодныхъ климатахъ черный типъ смягчается и даже черезъ нѣсколько генерацій совершенно пропадаетъ. Евреи въ сѣверныхъ странахъ Европы большею частію русые; у англійскихъ евреевъ—голубые глаза и свѣтлые волосы, у нѣмецкихъ и польскихъ очень часто встрѣчаются рыжія бороды. Въ Индіи можно видѣть совершенно черныхъ евреевъ. Смѣшанныя племена, населявшія древній Египетъ, судя по оставшимся памятникамъ, носили отпечатокъ климата. Кавказская порода, преобладавшая тамъ, измѣнила свой бѣлый цвѣтъ въ мѣдно-красный и темно-желтый.

Вліяніе климата на пигментъ кожи и волосъ будетъ ясно для всякаго, кто только сравнитъ сѣверныхъ жителей, напр. финновъ, съ жителями умѣренного и жаркаго поясовъ. Это можно рѣзко наблюдать, проѣзжая даже по одной Россіи отъ сѣвера къ югу, причемъ не можетъ не броситься въ глаза, какъ бѣлокурое и мелкое народонаселеніе постепенно смѣняется болѣе крупнымъ и болѣе пигментированнымъ народонаселеніемъ. Стало бытъ, здѣсь же можно видѣть и вліяніе климата на ростъ человѣческой овца, при водвореніи въ другомъ климатѣ и предоставленная самой себѣ измѣняетъ качество своего руна. Такъ, въ суровомъ и холодномъ, горномъ климатѣ овцы получаютъ густую, грубую шерсть, тогда какъ въ странахъ теплыхъ получается противоположное явленіе. То же самое можно видѣть и на другихъ животныхъ: на сѣверѣ шерсть становится гуще и пушистѣе, на югѣ напротивъ мень-

ше и рѣже. Вліяніе климата, отражаясь на ростѣ, цвѣтѣ кожи и волосѣ, не распространяется однако же на кости скелета, не измѣняетъ типическихъ племенныхъ особенностей, которыя, кажется, подчиняются только помѣси крови. Доказать это не трудно. Почти отъ каждаго европейскаго народа отдѣлились части, за нѣскольکو вѣговъ до насъ поселившіяся въ другихъ странахъ свѣта, не смотря на это они не потеряли существенныхъ измѣненій. Бѣлый человѣкъ давно живетъ у экватора, въ той крайней температурѣ, которая дѣйствуетъ на него сильнѣе всякой другой, но все-таки и теперь можно отличить тамъ сыновъ Англій, Франціи и Испаніи. Кожа ихъ загорѣла и стала смуглѣе, измѣнился характеръ, даже можетъ быть ростъ, а порода не выродилась. Англійскій, французскій и испанскій переселенецъ сохраняютъ отличительныя черты своихъ предковъ. Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить евреи. Этотъ народъ, разсѣянный по всему земному шару, подвергаясь вліянію всевозможныхъ климатовъ, самыхъ крайнихъ удобствъ и неудобствъ жизни, все-таки въ теченіи многихъ вѣговъ не утратилъ своихъ опредѣленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ признаковъ. Еврей русскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, испанскій, американскій и пр., вездѣ остается евреемъ, за исключеніемъ мелкихъ частныхъ оттѣнковъ. У него постоянно сохраняются тѣ же характеристическія формы и пропорціи, изъ которыхъ слагается національный типъ. Этотъ типъ, не смотря на вліяніе всевозможныхъ климатовъ, не измѣнился въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Доказательства этого можно видѣть въ египетскихъ гробницахъ и на памятникахъ, гдѣ фигуры евреевъ, сдѣланныя во весь ростъ, представляютъ почти

совершенные портреты нынѣшнихъ евреевъ. Можно ли найти лучшее доказательство въ пользу прочности національнаго типа, въ пользу того, что ни климатъ, ни образъ жизни, ни всевозможныя гоненія и лишенія не измѣняютъ національныхъ признаковъ. Помянутыя влїянія, какъ мы уже сказали, могутъ отразиться на мягкихъ частяхъ, на ростѣ, на здоровьѣ народа, но не на характерѣ скелета.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ кожи и волосъ, смотря по мѣстности, измѣняется и продолжительность жизни. Въ жаркихъ странахъ животное спѣшитъ жить и наслаждаться жизнью, спѣшитъ удовлетворять своимъ, доходящимъ до крайности, страстямъ; въ холодныхъ же странахъ оно тихо проводитъ жизнь, безъ крайностей и безъ особенныхъ удовольствій. Зимняя спячка встрѣчается только на сѣверѣ, и то же самое животное, перенесенное на югъ, не засыпаетъ на зиму. Женщина южныхъ странъ созрѣваетъ скорѣе (10—12 л.), но зато скорѣе и старится. Средняя продолжительность жизни на югѣ гораздо менѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Конечно, и въ жаркихъ странахъ можно найти нѣсколько столѣтнихъ стариковъ, но сравнительно они тамъ очень рѣдки; южное народонаселеніе умираетъ гораздо моложе и дряхлѣетъ скорѣе, чѣмъ сѣверное. Замѣчательные примѣры долголѣтія встрѣчаются преимущественно въ холодныхъ климатахъ. Такъ въ Шотландіи Джемсъ Лауренсъ умеръ 140 л.; въ Ирландіи графиня Десмондъ умерла тоже 140 лѣтъ, графиня Эклекторъ умерла 143 лѣтъ, Томасъ Винсловъ — на 146 году; въ Англіи Джонъ Эффингемъ дожилъ до 144 лѣтъ, Френсисъ Консистеръ до 150 лѣтъ, Томасъ Парръ до 152; въ Норвегіи Юсифъ Суррингтонъ умеръ 160 лѣтъ; въ Россіи, въ 1804 году, изъ 1,358,287

умершихъ, было 1504 человѣка, имѣвшихъ отъ 90 до 95 л., 1501—отъ 100 до 105 лѣтъ, 71 человѣкъ—отъ 105 до 110, 22 человѣка—отъ 110 до 115, 22 человека—отъ 115 до 120 лѣтъ, и 3—отъ 120 до 125 лѣтъ (Марать). Во Франціи, въ 1802 году, изъ 904,692 умершихъ, было 5,134 человѣка, достигшихъ отъ 90 до 100 лѣтъ, и только 39 человѣкъ—отъ 100 до 105, 14—отъ 105 до 110 лѣтъ, и 2—отъ 110 до 118 лѣтъ.

Въ замѣнъ уменьшенной продолжительности жизни *плодородіе* въ жаркихъ климатахъ гораздо значительнѣе. Въ древности, въ Персіи, Римѣ, Спартѣ, Финніи и Карфагенѣ дѣтоубійство, при избыткѣ дѣтей, было если не позволено, то, по крайней мѣрѣ, терпимо подъ видомъ особенныхъ жертвоприношеній богамъ. Въ Китаѣ, говорятъ, и теперь еще тысячами губятъ новорожденныхъ дѣтей. Физическая любовь доходитъ въ жаркихъ странахъ до высшей степени и приводитъ къ многобрачію.

Вліяніе пищи. Кормленіе въ стойлѣ производитъ нѣжныхъ животныхъ, съ болѣе тонкими и слабыми костями, съ тонкой шерстью и нѣжной кожей. Кормленіе на пастбищахъ, напротивъ, подкрѣпляетъ развитіе костей и сухожилій и вообще не изнѣживаетъ тѣла. Сочный и жидкій кормъ у животныхъ усиливаетъ дѣятельность лимфатической системы и развиваетъ рыхлую клетчатку и жиръ, тогда какъ сухой кормъ производитъ явленіе противоположное. То же самое мы постоянно видимъ и на людяхъ. Не говоря о скудной недостаточной пищѣ, влекущей за собою упадокъ питанія и недостатокъ развитія, родъ пищи отражается на наружномъ видѣ питомца. Взгляните на дѣтей, вскормленныхъ хлѣбомъ и картофелемъ, и на дѣтей, развившихся въ болѣе бла-

гопріятныхъ условіяхъ: между тѣми и другими вы увидите значительную разницу. Первыя представляются сырыми, золотушными, съ сильнымъ развитіемъ живота и лимфатической системы, тогда какъ вторыя имѣють умѣренную полноту, свѣжесть и цвѣтущій видъ. Хорошая хозяйка, при взглядѣ на телятину, поданную къ столу, по цвѣту ея отличить—кормили-ли теленка однимъ молокомъ, или другой пищей. Слѣдствія систематическаго кормленія всего поразительнѣе на свиньяхъ. Если мы сравнимъ напр., беркширскую и лейстерскую свинью съ большеухой германской или обыкновенной домашней, то увидимъ между ними страшную разницу. Первая имѣетъ низкія и тонкія ноги, маленькую голову, но колоссальное туловище, въ которомъ не видно ни позвонковъ, ни реберъ, а какъ бы все состоитъ изъ рыхлой клѣтчатки, проросшей жиромъ, тогда какъ во второй больше развиты кости, чѣмъ мускулы и жиръ.

Между крестьянами, ведущими трудовую, дѣятельную и подвижную жизнь, при умѣренно-питательной пищѣ, поразительной толщины никогда не встрѣчается; но тотъ же крестьянинъ, разбогатѣвъ, дѣлается напр. содержателемъ постоялаго двора, старостой, купцомъ, словомъ переходитъ въ выгодныя условія для питанія своего тѣла, и онъ начинаетъ жирѣть, иногда до безобразныхъ размѣровъ. Поразительная толщина встрѣчается преимущественно между зажиточными, мало подвижными крестьянами, купцами, духовенствомъ, однимъ словомъ—у здоровыхъ людей, пользующихся весьма питательнымъ и обильнымъ столомъ и весьма незначительною дѣятельностію. Стало быть, къ ожирѣнію располагають: здоровое сложеніе, обильная пища, сидячая жизнь и бездѣятельность. Литераторъ и мелкій небогатый чиновникъ, не

смотря на сидячую жизнь, не ожирѣваютъ, потому что они большею частію работаютъ сверхъ своихъ силъ и рѣдко пользуются блистательной матеріальной обстановкой. Но тотъ же литераторъ и тотъ же чиновникъ, дѣлающійся тузомъ, быстро начинаетъ прибывать въ фигурѣ и вѣсѣ. Свѣтскія барыни, не смотря на бездѣтельную жизнь, рѣдко полнѣютъ, потому что, съ одной стороны, рѣдко пользуются хорошимъ здоровьемъ, вслѣдствіе воспитанія и наслѣдственности, съ другой стороны—потому, что жизнь ихъ все-таки не такъ безпечна и сонна, какъ жизнь купчихи. Работы о нарядахъ и выѣздахъ, о положеніи въ свѣтѣ, интриги и соревнованіе, въ состояніи такъ же изнурить тѣло, какъ умственный и физическій трудъ. О вліяніи недостаточнаго питанья будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Удобства жизни, комфортъ, забота о своей внѣшности также отражаются на физическихъ свойствахъ человѣка и животныхъ. Деревенская рабочая лошадь, превращенная въ городскую выѣздную, скоро измѣняетъ свой внѣшній видъ. Овесъ, теплая и сухая конюшня, заботливая чистка и вытираніе производятъ то, что та же самая неуклюжая лошадь дѣлается гораздо круглѣе, нѣжнѣе, и красивѣе. Деревенскій мальчикъ, взятый на воспитаніе или усыновленный *господами*, въ скоромъ времени дѣлается по наружному виду настоящимъ барченкомъ. Плебей или бѣднякъ, вышедшій въ люди и разбогатѣвшій, съ теченіемъ времени получаетъ въ своей фигурѣ нѣчто, такъ называемое, благородное. Это нѣчто, смягчающее и округляющее черты человѣка, и есть результатъ комфорта и довольства. Такое улучшеніе фигуры, цвѣта и выраженія лица зависитъ какъ отъ рода пищи и удобства помѣщенія (чистый воздухъ), такъ и отъ куль-

туры своего тѣла, нравственнаго состоянія и образа жизни. Безспорно, что уходъ за своимъ тѣломъ (ванны, обмыванія извѣстными мылами и обтиранія извѣстными жидкостями и порошками, правильная забота о волосахъ, зубахъ и ногтяхъ) можетъ значительно измѣнить свойства его тканей, смягчить, усовершенствовать цвѣтъ, что называется—облагородить. На этой возможности держится вся косметическая торговля и, благодаря этой возможности и особенной заботливости, женскій полъ пріобрѣлъ себѣ право названія прекраснаго пола. Вслѣдствіе различныхъ умываній, притираній и пудръ, кожа дѣлается бѣлѣе и мягче, жиръ, выступающій изъ сальныхъ желѣзъ (лоснящееся лицо), уничтожается; съ другой стороны, не подвергаясь по возможности дѣйствию солнца, жаркаго или слишкомъ холоднаго воздуха и всякаго раздраженія, кожа дѣлается тоньше и нѣжнѣе. Тоже самое нужно сказать про уходъ за руками и ногами. Красивая рука и нога, которыми мы восхищаемся теперь, безъ сомнѣнія, выработывались постепенной культурой и наслѣдственностію, какъ результатами этой культуры. Красоту ногтей можно выработать даже въ довольно короткій срокъ.

Выраженіе лица главнымъ образомъ складывается вслѣдствіе преимущественнаго упражненія тѣхъ или другихъ лицевыхъ мускуловъ. Дѣятельность этихъ мускуловъ находится въ связи съ нравственнымъ состояніемъ человѣка. Страсти или извѣстное настроеніе духа отражаются на лицѣ, вслѣдствіе необходимаго сокращенія при этомъ извѣстной группы мышцъ. Потому и говорятъ, что лицо есть зеркало души. Когда извѣстное состояніе повторяется у человѣка довольно часто, то и дѣятельность мускуловъ, выражающихъ это состояніе, уси-

ливается и наконецъ дѣлается привычной. Такимъ образомъ складывается постоянное, свойственное извѣстному человѣку и характеризующее его, выраженіе лица. Мы различаемъ умное и глупое, веселое, задумчивое, или нечальное, величественное (начальническое), напыщенное, злое или хитрое и тому под. выраженіе, смотря потому, какое изъ этихъ качествъ у человѣка преобладаетъ. Говорятъ, что нѣкоторыя дамы и начальники нарочно пріучаютъ свою фізіономію передъ зеркаломъ къ извѣстному выраженію, и путемъ упражненія достигаютъ своей цѣли. Выраженіе лица впрочемъ составляетъ такой индивидуальный признакъ, который характеризуетъ только личность, а не породу, и наследственно не передается.

Если мы будемъ примѣнять теперь вліяніе внѣшнихъ жизненныхъ условій къ совершенствованію человѣческихъ породъ, то прежде всего должны замѣтить то общее положеніе, что чѣмъ благопріятнѣ сказанныя условія для каждаго человѣка или націи, тѣмъ совершенствованіе идетъ быстрѣе. Какъ несомнѣнно то, что климатъ и физическія условія страны имѣютъ неоспоримое вліяніе на успѣхи цивилизаціи, такъ же точно, съ своей стороны, плоды цивилизаціи, выражающіеся въ народномъ довольствѣ, возвышаютъ уровень физическаго и моральнаго развитія народа. Поэтому кавказское племя такъ опередило въ развитіи всѣ остальные племена; поэтому же болѣе цивилизованныя вѣтви этого племени представляются, даже въ анатомическомъ отношеніи, болѣе совершенными, чѣмъ другія, менѣе цивилизованныя. Подъ этимъ вліяніемъ греки и римляне выработали свой типъ до такой высокой степени, подъ этимъ вліяніемъ многіе современные народы Еяропы, происходившіе нѣкогда отъ дикихъ или полудикихъ племенъ, облагородили свой типъ

и примкнули къ народамъ болѣе совершеннымъ; отъ того же, съ другой стороны, многія не цивилизованныя племена, находящіяся въ невыгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, до сихъ поръ такъ мало развиты, что по первому взгляду едва отличаются отъ обезьянъ. Чтобы оцѣнить вліяніе матеріальнаго довольства на физическое развитіе человѣка, достаточно обратить вниманіе на факты, находящіеся у насъ передъ глазами. Сравните русскія деревни, населенныя свободными крестьянами и нѣкогда бывшими крѣпостными, деревни зажиточныя—съ разоренными и долго угнетавшимися, — и вы увидите въ типѣ жителей тѣхъ и другихъ большую разницу. Пришибенное, униженное и разоренное народонаселеніе съ перваго раза бросится въ глаза своей физической и нравственной неразвитостію. Поставьте этихъ же самыхъ людей въ болѣе благопріятныя условія матеріальнаго быта, и они не замедлятъ догнать въ развитіи своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей. Впрочемъ, о вліяніи бѣдности и рабства мы будемъ еще говорить въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, нужно признать несомнѣннымъ, что матеріальное довольство имѣетъ громадное вліяніе на совершенствованіе физическихъ и моральныхъ качествъ, какъ цѣлой націи, такъ и отдѣльныхъ и личностей, что это совершенствованіе идетъ рука объ руку съ успѣхомъ истинной цивилизаціи. Стало быть, та страна или тѣ учрежденія, которыя даютъ жителямъ болѣе свободы и богатства, этимъ самымъ могутъ болѣе рассчитывать на успѣхъ прогрессивнаго развитія человѣка. Жители, поработанные, коснѣющіе въ бѣдности и невѣжествѣ могутъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, не только не двинуться впередъ, но потерять и то что имѣли. Намъ должны казаться дикими претензіи тѣхъ цивилизаторовъ,

которые, подъ видомъ благодѣянiя, стараются распространить европейское просвѣщенiе огнемъ и мечомъ. Разоренiе и рабство служить первымъ шагомъ къ вырожденiю наци. Поэтому, цивилизациа, внесенная въ страну такимъ путемъ, естественно, не можетъ служить стимуломъ для развитiя туземныхъ силъ, а скорѣе рассадникомъ для распространенiя силъ внѣшнихъ, пришлыхъ, разрастающихся здѣсь въ прямой ущербъ національному, туземному развитiю.

с) РАЦИОНАЛЬНОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ.

Выборъ супруговъ при бракосочетанiи представляетъ одинъ изъ важныхъ гигиеническихъ вопросовъ, самое существенное условiе для улучшенiя породы. Отъ качества супруговъ непосредственно зависятъ и качества потомства. Это давно понято народнымъ смысломъ, выразившимъ свою мудрую наблюдательность въ пословицахъ: «яблоко отъ яблони не далеко падаетъ», «что посеешь, то и пожнешь». Поэтому вопросъ о рациональномъ бракосочетанiи по своей важности требуетъ серьезнаго вниманiя. Но прежде чѣмъ мы будемъ говорить объ этомъ важномъ предметѣ, необходимо объяснитьсь съ читательницами.

Я предчувствую, что вообще за эту статью, со стороны прекраснаго пола, градомъ польются на меня упреки и возраженiя. Можно ли, скажутъ мнѣ, такъ материально смотрѣть на бракъ—самое святое таинство жизни, можно ли такъ сурово и холодно смотрѣть на любовь, подчиняя ее — это прихотливое и капризное

дита — правиламъ науки и соображенія. Наконецъ можно ли смотрѣть на бракъ, какъ на скрещиваніе домашнихъ животныхъ съ цѣлю улучшенія породы! Это уже выходитъ изъ предѣловъ матеріализма,—это цинизмъ! Понимаю ваше негодованіе, читательница, оно происходитъ отъ того, что между нами есть недоразумѣнія, потому-то и хочу напередъ установить точку нашихъ взглядовъ на бракосочетаніе. Страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ.

Вы сейчасъ увидите, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни цинизма, ни матеріализма, что я также уважаю святость брака и любви и не отнимаю отъ послѣдней ея очарованія. Вы согласитесь со мной, что индивидуальная любовь есть родъ личнаго вкуса: одному нравится арбузь, другому свиной хрящикъ, одинъ любитъ осень, другой можетъ восхищаться только весной, одинъ любитъ тухлыя лица и подгнившыя рябчиковъ, другой этого терпѣть не можетъ. Точно также и относительно половой любви. Есть люди, которымъ нравятся худенькія, жиденькія, болѣзненные созданія, другія напротивъ находятъ вкусъ въ сочности, здоровьи и настоящей красотѣ. Отъ любви къ свиному хрящику и тухлымъ рябчикамъ вреда никому быть не можетъ, а отъ неестественно развившейся половой любви могутъ произойти весьма плачевныя послѣдствія на потомствѣ. Любовь точно также должна подчиняться ограниченіямъ, контролю разсудка, какъ и всякая другая потребность; потому что и это чувство можетъ проявляться также ненормально и нерационально, какъ и многія другія потребности. Представьте, что у больной женщины развивается ложный вкусъ къ потребленію такихъ предметовъ, которые не только не питательны, а даже положительно вредны (уголь,

глина, уксусъ и пр.), или напр. у пьяницы развивается вкусъ или любовь къ запоямъ: неужели вы вооружитесь противъ того, кто будетъ доказывать, что этотъ вкусъ существовать не долженъ, что это извращеніе вкуса. Вотъ точно также и относительно половой любви. Я ничуть не отвергаю ея необходимости при бракосочетаніи, а хочу только высказать, что не всякая любовь естественна, раціональна, и есть такія симпатіи, гдѣ супружество было бы положительно вредно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ браковъ, которые идутъ наперекоръ наукѣ и разсудку, въ бракахъ, повидимому, безупречныхъ сплошь и рядомъ мы видимъ, что группировка половъ дѣлается не вполне удовлетворительно. Блондинка лимфатическаго тѣлосложенія, сырая и вялая, сдѣлала бы гораздо лучше, если бы вышла замужъ за человѣка съ противоположными качествами, чѣмъ за такого же лимфатика. Два хорошихъ человѣка не всегда еще могутъ быть хорошими супругами. Говорятъ, что въ семейной жизни мужъ и жена иногда не сходятся характерами и убѣжденіями, точно также они могутъ не сходиться темпераментами и прочими физическими качествами. Какъ въ первомъ случаѣ выходитъ, что два, въ отдѣльности достойныхъ, человѣка, сведенные вмѣстѣ, принесутъ другъ другу несчастіе, точно также два въ отдѣльности порядочныхъ организма могутъ произвести неудовлетворительное потомство. Поэтому слѣдуетъ заботиться, чтобы въ брачныхъ сочетаніяхъ по возможности существовало не только моральное, но и физическое равновѣсіе. Въ знаніи тѣхъ условій, при которыхъ это можетъ быть легче достигнуто и заключается подборъ супруговъ (какой же я циникъ?).

Мнѣ скажутъ, что вопросъ о бракѣ не можетъ быть

разсматриваемъ чисто съ гигиенической точки зрѣнія, что здѣсь не менѣе важны нравственныя и гражданскія условія. Въ этомъ, конечно, сомнѣваться никто не будетъ. Но разбирая только фізіологическую и гигиеническую сторону брака, я ничуть не отвергаю этимъ другихъ сторонъ, все равно какъ фізіологъ, рассматривая функціи человѣческаго организма и, умалчивая о соціальныхъ или другихъ отношеніяхъ человѣка, этимъ самымъ не отвергаетъ существованія этихъ отношеній и не подрываетъ ихъ важности. Что касается до того, на сколько гигиеническія правила брака могутъ быть примѣнны къ жизни,—это другой вопросъ. Въ жизни случается не рѣдко, что сколько ни уговаривайте не ѣсть углей или сгнившаго сыру, не пить водки и пр., но болѣзненный вкусъ беретъ свое и насъ не слушаютъ: точно также возродившаяся нераціональная любовь сплошь и рядомъ, очертя голову, кончается женитьбой, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не стѣснять *свободного* чувства правилами науки. Имѣя уши слышати, да слышать. Кто захочетъ понять, что бракъ между старикомъ и молодой дѣвушкой, между чахоточнымъ или эпилептикомъ не только безразсудство, но преступленіе, тотъ не женится такимъ образомъ. Кромѣ того наши слова могутъ быть не безплодными и потому, что самый вкусъ при выборѣ предмета любви, какъ и вообще всякій вкусъ, подчиняется развитію; слѣдовательно, сознавая условія нормальнаго бракосочетанія можно болѣе или менѣе стремиться къ выработыванію настоящаго, раціональнаго вкуса. При всемъ этомъ нужно помнить, что на бракъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на личное удовольствіе, а какъ на важный актъ гражданской жизни, какъ на таинство воспроизведенія рода, въ которомъ должны быть

заинтересованы не два только лица, но и все общество, наука и законодательство. Послѣ этого, надѣюсь, читательница не ужаснется при мысли объ улучшеніи человѣческой породы, о рациональномъ подборѣ родичей и пр.

Слишкомъ взыскательныя читательницы могутъ обидѣться въ нашей статьѣ еще тѣмъ, что мы часто сопоставляемъ вопросъ о человѣческой половой производительности съ подобными явленіями у животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка, привыкшаго считать себя царемъ всего существующаго, для человѣка, всосавшаго чуть не съ молокомъ матери такое убѣжденіе, что между нимъ и животнымъ нѣтъ ничего общаго, естественно, такія сопоставленія съ непривычки могутъ показаться щекотливыми. Но мыслящая читательница должна отбросить ложное самолюбіе и смотрѣть на вещи не черезъ розовый флеръ, а такъ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Она должна сознать прежде всего, что органическая жизнь человѣка и животныхъ такъ близка между собой, что наибольшая часть фізіологическихъ процессовъ у нихъ почти тождественны. Потому при изученіи этихъ процессовъ необходимо и въ высшей степени важно пользоваться фактами, взятыми съ животныхъ, такъ какъ эти послѣдніе гораздо болѣе доступны экспериментальному изслѣдованію, такъ какъ у нихъ фізіологическую жизнь не только можно наблюдать, но и преднамѣренно выставлять на видъ, направлять по произволу сообразно той или другой цѣли. Зная, что результаты этихъ опытовъ съ полной основательностію могутъ быть перенесены на человѣка, естественно, что ими слѣдуетъ дорожить, а никакъ не обижаться. Послѣ всего сказаннаго, мы можемъ спокойно продолжать свою рѣчь.

При вопросѣ о выборѣ супруговъ, мы рассмотримъ возрастъ вступающихъ въ бракъ, нравственныя и физическія ихъ качества и помѣсь крови.

Вопросъ: въ какомъ возрастѣ должны быть заключаемы браки? на столько же важенъ, на сколько и труденъ для рѣшенія. Вообще можно сказать, что бракъ долженъ быть позволяемъ тогда, когда развитіе окончилось и тѣлосложеніе совершенно установилось или, какъ говорятъ, человѣкъ совершенно «сложился». Возрастъ; въ которомъ среднимъ числомъ происходитъ это—принимають 25 лѣтъ для мужчины и 20 лѣтъ для женщины. Но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы раньше такого срока ни мужчина, ни женщина не были способны къ половой жизни. Мѣсячное очищеніе у женщинъ, служащее наружнымъ признакомъ половой зрѣлости, въ южной Европѣ появляется среднимъ числомъ съ четырнадцатилѣтняго возраста, въ средней Европѣ съ пятнадцати лѣтъ, въ Россіи самый обыкновенный срокъ ихъ отъ 14 до 16 лѣтъ, въ Лапландіи и вообще на самомъ сѣверѣ они показываются не раньше 18 лѣтъ, а часто и позже того. Въ исключительныхъ случаяхъ мѣсячное очищеніе появляется гораздо раньше, напр. на 9—10 году. *Вильсонъ* наблюдалъ дѣвушку, которая на 12 году забеременѣла и потомъ легко родила зрѣлаго ребенка *). По Робертсону, одна дѣвушка 11 лѣтъ была уже беременна; а по Смиту, другая 10¹/₂ л. получила регулы и 12 л. родила. Въ случаѣ Ровле дѣвочка 9 лѣтъ имѣла регулы, а 10 л. и 13 дней родила живого ребенка. Въ южныхъ странахъ такихъ примѣровъ можно встрѣтить довольно много. Въ Россіи еще такъ недавно

*) Edinburgh medical, Journal, 1861, vol. II, p. 332.

женщины выходили замужъ 13—14 лѣтъ, а 15—16 иногда дѣлались уже матерями. Но слѣдуетъ ли однакожь изъ этого, чтобы такіе ранніе браки могли считаться рациональными, что появленіе менструацій у женщины и отдѣленіе сѣмени у мужчины дѣйствительно указываютъ на полную готовность ихъ къ размноженію рода? Этотъ вопросъ и долженъ занимать насъ въ настоящее время. При разсматриванія его представляются факты двухъ родовъ: одни могутъ оправдывать ранніе браки, другіе говорятъ противъ нихъ.

Если разсматривать женщину исключительно съ физиологической точки зрѣнія, то всякая возникающая физиологическая потребность должна считаться законною и своевременною, и стало бытъ удовлетвореніе этой потребности, по мѣрѣ ея возникновенія, не должно бытъ вредно. Человѣкъ хочетъ ѣсть — накормите его, чувствуетъ жажду — утолите ее; у человѣка въ извѣстномъ возрастѣ являются половыя побужденія—почему же не считать этихъ побужденій также естественными и своевременными? Если мы будемъ стѣснять эти побужденія, то они найдутъ другой, болѣе неестественный выходъ. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Почему знать, не приносимъ ли мы болѣе вреда, чѣмъ пользы, преслѣдуя ранніе браки, именно потому, что этимъ самымъ мы даемъ, можетъ бытъ, поводъ къ усиленному развитію въ обществѣ тѣхъ пороковъ неестественнаго полового удовлетворенія, которые раслѣвдаютъ молодое поколѣніе и такъ губельно дѣйствуютъ на здоровье народонаселенія. Стѣсняя ранніе браки, мы ничуть не стѣсняемъ этимъ проявленія половыхъ инстинктовъ; они все равно пробиваютъ себѣ путь, но путь косвенный, а потому болѣе вредный. Бракъ, разсматриваемый исклю-

чительно съ гигиенической точки зрѣнія, предохраняетъ отъ многихъ болѣзней и увеличиваетъ среднюю продолжительность человѣческой жизни. Это очевиднымъ образомъ доказали точные статистическіе выводы, напр. Каспера и др. Слѣдовательно, чѣмъ позже будутъ заключаться браки, тѣмъ больше на общественномъ здоровьѣ будутъ отражаться тѣ невыгодныя условія, которыя влечетъ за собою безбрачная жизнь.

Въ пользу раннихъ браковъ приводятъ также тотъ фактъ, что такіе браки во многихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, позволялись закономъ и существовали въ теченіе многихъ лѣтъ безъ замѣтнаго ослабленія народонаселенія Изъ читателей этой статьи, вѣроятно много найдется такихъ, матери которыхъ были выданы замужъ около 14 лѣтъ, но не смотря на это ни на матеряхъ, ни на потомствѣ не отразилось замѣтнаго ослабленія. Мнѣ самому удавалось наблюдать беременность и роды у дѣвушки 16—17 лѣтъ, и при этомъ я не замѣчалъ, чтобы такая беременность вредно дѣйствовала на организмъ молодой матери или чтобы плодъ ея былъ неполнѣ развитъ и упитанъ.

Что касается теперь до родовъ и послѣродовыхъ болѣзней, то съ перваго разу казалось бы, что юная мать, 15—16 лѣтъ, съ трудомъ должна выносить родовыя муки, что силы ея едва ли будутъ достаточны для продолжительнаго и вообще труднаго акта рожденія младенца. Но факты объ этомъ говорятъ противное. Всѣмъ акушерамъ извѣстно, что чѣмъ моложе женщина, рождающая въ первый разъ, тѣмъ роды ея легче. Продолжительность первыхъ родовъ у женщины 16—18 лѣтъ можно принять въ 14—15 часовъ, тогда какъ у женщины за 20 лѣтъ на это большею частію требуется около

или даже болѣе 20 часовъ. Женщина, рождающая въ первый разъ послѣ 25 лѣтъ, рѣдко обходится безъ оперативнаго акушерскаго пособія. Легкія роды у нашихъ крестьянокъ, кромѣ сложенія, можетъ быть, зависать и отъ того, что въ крестьянскомъ сословіи дѣвушка рано выходитъ замужъ. Такимъ образомъ, повидимому, чрезмѣрная болѣзненность родовъ, на которую такъ часто сѣтуютъ наши дамы, упрекая несправедливую къ нимъ природу, во многомъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Въ менѣе цивилизованныхъ классахъ общества, гдѣ жизнь идетъ болѣе сообразно съ природой, гдѣ цоловая сфера начинаетъ свою дѣятельность въ свой законный срокъ, гдѣ организмъ женщины не ослабленъ и не извращенъ несообразнымъ воспитаніемъ и образомъ жизни, тамъ процессъ рожденія младенца не представляется карой небесной. Я не хочу сказать, чтобы въ простомъ классѣ, или у полудикихъ народовъ родовой актъ былъ совсѣмъ не болѣзненъ: извѣстная доля родовыхъ болей необходима и съ телеологической точки зрѣнія. Боли при родахъ даютъ знать о началѣ этого процесса; безъ нихъ много бы дѣтей было потеряно на улицѣ, что и теперь даже случается нерѣдко. Поэтому роды и у животныхъ, и у человѣка сопровождаются болью, заставляющею во время принимать мѣры предосторожности для болѣе безопаснаго появленія на свѣтъ новаго индивидуума.

Обратимся однакожь къ главному вопросу. Изъ вышесказаннаго видно, что раннее замужество и рожденіе дѣтей не представляютъ, съ перваго раза, особенныхъ невыгодъ ни для матерей, ни для ихъ потомства. Мало того, оно облегчаетъ мученія первыхъ родовъ и, содѣйствуя съ самаго начала нормальному ходу половой жизни, предотвращаетъ неблагопріятныя послѣдствія какъ отъ излишняго полового воздержанія, такъ и отъ неесте-

ственнаго или чрезмѣрнаго удовлетворенія половыхъ стремленій. Но это только одна сторона медали. При всестороннемъ обсужденіи дѣла необходимо взять во вниманіе не одну физическую натуру человѣка, не одни фізіологическія побужденія, но и моральную сторону брака, соціальныя условія семейной и общественной жизни. Если мы будемъ смотрѣть на бракъ только съ фізіологической точки зрѣнія, т. е. какъ на освященное закономъ средство для размноженія потомства, стало бытъ, если будемъ имѣть въ виду только способность или неспособность человѣка къ размноженію, то намъ ничто не попрепятствуетъ допустить женитьбу для мужчинъ 17—18 лѣтъ, а для женщинъ 15—16 лѣтъ, такъ какъ это—періодъ половой зрѣлости тѣхъ и другихъ. Но бракъ въ тоже время составляетъ начало новой, самостоятельной гражданской жизни, стало бытъ, кромѣ воспроизведенія дѣтей, отъ супруговъ требуется извѣстная подготовка къ этой жизни. У народовъ нецивилизованныхъ эта подготовка не представляетъ особенной сложности, такъ какъ самая жизнь ихъ очень проста и незатѣйлива; но чѣмъ сложнѣе соціальныя условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ, тѣмъ больше требуется запаса силъ для обезпеченія семейнаго довольства и счастья. Поэтому, кромѣ половой способности, вступающіе въ бракъ должны имѣть способности и силы для гражданской жизни, извѣстную долю образованія, извѣстную зрѣлость разсудка. Хорошъ будетъ напр. 18 лѣтній мужъ съ 15 лѣтней женой, когда ни у того, ни у другаго еще не сформировался характеръ, не установился разсудокъ. Было бы безразсудно совѣтовать такимъ юношамъ, въ силу фізіологическихъ принциповъ, брать на себя важныя обязанности мужа и главы семейства. Увлеченія, свойственныя этому возрасту, шаткость убѣжденій,

недостаточность подготовки для того, чтобы обезпечить и руководить свое семейство, очень легко могут повести не только къ разнымъ несчастіямъ жизни, но и отразиться на здоровьѣ потомства. Стало быть, не только въ видахъ семейнаго счастья, но и въ видахъ улучшения рода такіе браки не должны считаться рациональными. Поэтому для большинства въ цивилизованномъ классѣ можно постановить гигиеническимъ правиломъ для мужчинъ вступленіе въ бракъ не раньше 25-лѣтняго возраста, а для женщинъ не раньше 17 — 18 лѣтъ. Въ это время какъ у женщины, какъ и у мужчины разсудокъ болѣе зрѣлъ, сужденіе болѣе здраво, знанія болѣе положительны и характеръ болѣе опредѣлительнъ, что вполне необходимо для отца и матери семейства, для хозяйина и хозяйки дома. Срокъ для вступленія въ бракъ, положенный нашимъ закономъ, именно для женщинъ въ 16, а для мужчинъ въ 18 л., не противорѣчитъ физиологическимъ основаніямъ, но не вполне соответствуетъ социальнымъ требованіямъ. Онъ можетъ быть оставленъ для большинства простаго класса, гдѣ для семейной жизни не нужно особенной подготовки, но для массы просвѣщенной, имѣющей совсѣмъ другія требованія, срокъ брака долженъ быть, по возможности, отдаленъ.

Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы руководствоваться для опредѣленія перваго срока половой жизни однимъ физиологическимъ побужденіемъ, слѣдуетъ замѣтить, что это побужденіе въ цивилизованныхъ классахъ большею частію развивается преждевременно, до наступленія періода возмужалости, вслѣдствіе ненормальнаго физическаго и нравственнаго возбужденія. Съ равней юности общество, чтеніе, примѣры, возбуждаютъ желанія молодыхъ людей обоихъ половъ, разжигаютъ огонь страсти и ускоряютъ

преждевременное наступленіе половой зрѣлости. Слѣдовательно какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, однимъ побужденіемъ руководиться нельзя. Для этого и существуютъ правила гигиены, отличающія дѣйствительную потребность организма отъ ложной и извращенной. Преждевременно начавшаяся половая жизнь безъ сомнѣнія послужитъ въ ущербъ развитію тѣла, будетъ дѣйствовать ослабляющимъ образомъ какъ на самихъ производителей, такъ и на потомство. Поэтому всѣ древніе законодатели совершенно справедливо старались отдалить эпоху брака, потому что, въ самомъ дѣлѣ, преждевременное воспроизведеніе рода, до наступленія полной зрѣлости мужчины и женщины, неизбежно отразится на потомствѣ гибельнымъ образомъ. Наблюдателями замѣчено, что дѣти слишкомъ молодыхъ родителей (неокончательно сложившихся и окрѣпшихъ) отличаются малымъ ростомъ, слабостію и сильнымъ расположеніемъ къ болѣзнямъ. Яйца молодыхъ курицъ вдвое меньше, чѣмъ курицъ взрослыхъ; щенята, родившіеся послѣ перваго оплодотворенія суки, никогда не достигаютъ большаго роста (Бурдахъ). Скотоводы замѣчаютъ, что «если животное при неполнѣ соответственномъ питательномъ кормѣ допускается къ случкѣ въ раннемъ возрастѣ, то оно становится малорослымъ и слабымъ. Если оно въ послѣдствіи и получаетъ болѣе обильную пищу, то и тогда въ немъ развивается болѣе жиръ, чѣмъ мышцы и относительно полезности оно не будетъ имѣть большаго значенія *).

Что касается до тѣхъ невыгодъ, которыя вле-

*) Др. Вейденгаммера. Сельско-хозяйств. скотоводства, какъ аргументъ дарвиновой теоріи, Зап. Импер. Рус. Общ. акклимат. Москва, 1865.

четь за собою безбрачная жизнь, до извращенія и неправильнаго проявленія половых инстинктовъ, то, отвергая важности этого вліянія на ослабленіе народоселенія, мы думаемъ, что это вліяніе слѣдуетъ парализовать не раннимъ вступленіемъ въ бракъ (это значило бы одно зло замѣнить другимъ), а другими путями, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Если бы условія нашей соціальной жизни были не тѣ, что теперь, то и вопросъ о срокахъ вступленія въ бракъ могъ бы быть разрѣшаемъ болѣе на фізіологическихъ основаніяхъ, стало быть и борьба съ неестественнымъ проявленіемъ половых инстинктовъ могла бы быть устранена сама собою. Но намъ поневолѣ нужно примѣнять гигиеническія правила къ той жизни, которою мы живемъ, а не къ жизни идеальной, ожидаемой въ будущемъ. Поэтому упомянутое зло, естественно вытекающее изъ сложившейся жизни, можетъ быть пока устраняемо не радикально, т. е. не измѣненіемъ самой жизни, а палліативнымъ образомъ, дѣйствуя не на корень зла, а только на его проявленія *).

*) Древнимъ римлянамъ и грекамъ, говорятъ, рукоблудіе было неизвѣстно, потому что развитіе ихъ молодости болѣе соответствовало законамъ природы, а свободѣ половыхъ сношеній не препятствовали ни религіозныя, ни моральныя взгляды, ни законъ, ни государственныя учрежденія. Новѣйшимъ вѣкамъ суждено было замѣнить многіе открытыя, часто менѣе вредныя проступки, болѣе гибельными, тайными злоупотребленіями. Сдерживаемый и потомъ неправильно прорывающійся половой инстинктъ въ современномъ обществѣ служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ золь, подрывающихъ народное здоровье. Это зло проявляется тѣмъ въ большихъ разиѣрахъ, чѣмъ больше въ извѣстномъ классѣ или сословіи существуетъ стѣсненій относительно брачной или вообще половой жизни. Въ простомъ классѣ общества, гдѣ эта жизнь идетъ регулярнѣе, гдѣ браки заключаются раньше, по-

Въ какомъ возрастѣ родителей можно ожидать лучшаго потомства? Зная общіе законы наслѣдственности, этотъ вопросъ разрѣшить не трудно. Тотъ возрастъ, въ которомъ человѣкъ, окончательно сложившійся и окрѣпшій, пользуется лучшимъ здоровьемъ, тотъ возрастъ, въ которомъ различныя невзгоды и лишенія жизни, пороки и излишества не положили еще своей печати на здоровье человѣка, естественно долженъ считаться лучшимъ возрастомъ для размноженія. Стало бытъ, возрастъ отъ 25—35 лѣтъ для мужчины и 17—30 л. для женщины, т. е. періодъ лучшей красоты, силы и энергіи слѣдуетъ признать самымъ удобнымъ для размноженія рода. Само собою разумѣется, что и послѣдующіе сроки, напри- мѣръ съ 35—45 лѣтъ для мужчины, съ 30 до 40 лѣтъ для женщины, тоже будутъ плодородны, но это плодородіе, воспроизведенное на ослабленной и истощенной почвѣ, не будетъ уже такъ совершенно, какъ вышеупомянутое. Мы замѣчаемъ, что первыя дѣти въ семействѣ большею частію представляютъ лучшее здоровье и развитіе, чѣмъ дѣти, рожденныя во второй половинѣ жизни родителей. Этого факта нельзя объяснить лучшимъ уходомъ и вниманіемъ, достаемымъ на долю первыхъ дѣтей, но должно приписать лучшимъ качествамъ родителей,—качествамъ, которыя съ теченіемъ жизни утрачиваются. Отъ этого самыя послѣднія дѣти, рожденныя въ преклонныхъ лѣтахъ, не смотря на устроеншійся бытъ и довольство родителей, почти всегда имѣютъ врожденные недостатки сложенія—результатъ слабости организа родителей. Аглицкая болѣзнь, золотуха, бугорчатка,

мянуемые пороки существуютъ въ гораздо меньшей степени. Какимъ образомъ устранить эту неизбежную жертву современной цивилизаціи и склада гражданской жизни, этотъ вопросъ на столько же социальный, на сколько и гигиеническій.

слабость физическаго и умственнаго развитія рѣзко отличаются эти запоздалыя произведенія отъ ихъ братьевъ и сестеръ, рожденныхъ въ цвѣтущее время жизни *).

Многимъ изъ читателей, вѣроятно, приходилось недоумѣвать, почему такъ часто у весьма развитыхъ родителей являются очень ограниченныя дѣти, но немногіе обращали вниманіе на то, что эти родители, потратившіе большую половину жизни и здоровья на свое развитіе, благодаря неудобствамъ соціальныхъ условій, слишкомъ поздно примѣнили къ дѣлу ослабѣвшую уже воспроизводительную способность.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Извѣстно, что въ нашемъ просвѣщенномъ обществѣ мужчины большею частію женятся по истеченіи 30 лѣтъ, слѣдовательно самый благоприятный возрастъ для произведенія рода и самыя лучшіе элементы для этого тратятся или совершенно даромъ, или идутъ на произведеніе такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Изъ этого повидимому слѣдовало бы, что большинство незаконнорожденныхъ дѣтей должно обладать лучшими качествами, чѣмъ позднѣйшія, законныя произведенія тѣхъ же родителей. Это и должно бы происходить на самомъ дѣлѣ, если бы на помянутыхъ дѣтей не вліяли со всѣхъ сторонъ гибельныя условія. Извѣстно, что смертность между незаконнорожденными дѣтьми и подкидышами достигаетъ самыхъ ужасающихъ

*) „Дѣти старыхъ родителей, говоритъ Леви, кажется болѣе обыкновеннаго предрасположены къ англійской болѣзни; они не отличаются живостію и веселостію, свойственною ихъ возрасту, и часто умираютъ отъ чахотки, хотя бы даже родители ихъ вовсе не страдали этою болѣзнію. Если же они остаются въ живыхъ, то не развиваются какъ слѣдуетъ и подвергаются преждевременно различнымъ страданіямъ“.

размѣровъ Изъ 12,786 дѣтей, принятыхъ въ дублинскій воспитательный домъ съ 1789—1805 г., по прошествіи пяти лѣтъ, въ живыхъ осталось только 135 (Friebländer). Въ парижскомъ воспитательномъ домѣ въ концѣ прошлаго столѣтія изъ 100 дѣтей умирало 80, даже 90% *). Въ настоящее время въ воспитательныхъ домахъ смертность хотя и значительно уменьшилась, но все-таки она сравнительно велика. До истеченія перваго года жизни тамъ умираетъ дѣтей 22—25%, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, по деревнямъ и городамъ, 17—20%; въ продолженіи первыхъ пяти лѣтъ обыкновенно дѣтей умираетъ около половины (не много менѣе); дѣтей же изъ воспитательнаго дома навѣрное болѣе половины. Изъ дѣтей, оставшихся въ живыхъ, большая часть носитъ отпечатки тѣхъ гигиеническихъ неудобствъ, на которыя обрекаетъ ихъ несчастное рожденіе. Такимъ образомъ значительный процентъ своевременной и, можетъ быть, дѣйствительно лучшей производительности народонаселенія пропадаетъ даромъ, приносится въ жертву другимъ условіямъ соціального быта.

Разность лѣтъ между мужемъ и женой также имѣетъ вліяніе на качества приплода. Основываясь на физиологическомъ законѣ болѣе скорого созрѣванія женщины сравнительно съ мужчиной, почти во всѣхъ странахъ и во всѣхъ классахъ общества женская половина брачной четы бываетъ моложе мужской. Но эта разница не вездѣ бываетъ одинакова. Въ простомъ классѣ общества она при нормальныхъ бракахъ большею частію равняется 2—3 годамъ, въ классѣ же образованномъ 5—10

*) По этому поводу одинъ остроумный авторъ предложилъ на подобныхъ заведеніяхъ дѣлать надписи: «здѣсь губять дѣтей на общественномъ иждивеніи».

годамъ. Такая разность лѣтъ можетъ считаться нормальною, потому что ее оправдываютъ фізіологическія условія жизни женщины и мужчины. Выше мы видѣли, что половая зрѣлость наступаетъ у женщины нѣсколькими годами раньше, чѣмъ у мужчины, и вмѣстѣ съ тѣмъ первая старится скорѣе, чѣмъ послѣдній. Способность къ дѣторожденію у женщинъ продолжается до 40—45 лѣтъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ до 50 года, тогда какъ у мужчины эти границы въ точности еще не опредѣлены, но во всякомъ случаѣ онѣ больше, чѣмъ для женщины. Жизнь женщины вообще течетъ быстрѣе. Если мы возьмемъ, напримѣръ, тридцатилѣтняго мужчину и тридцатилѣтнюю женщину, то послѣдняя будетъ всегда казаться гораздо старше, болѣе отцвѣтающею, чѣмъ первый. Поэтому естественно, что одинаковость лѣтъ для обоихъ супруговъ и тѣмъ болѣе обратная несоразмѣрность ихъ представила бы много невыгодъ и относительно воспроизводительной способности и относительно семейнаго счастья. Поэтому помнута разность лѣтъ всегда была покровительствуема законами и освящена народными обычаями. Но какъ во многихъ другихъ житейскихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь часто бывають злоупотребленія. На каждомъ шагу въ нашемъ обществѣ потворяются печальные факты ненормальныхъ супружествъ между пожилыми людьми, даже стариками и молоденькими дѣвщами—супружествъ, одинаково растлѣвающихъ святость брака и подрывающихъ народное здоровье. Мы уже говорили о невыгодныхъ условіяхъ и послѣдствіяхъ поздняго плодородія; они должны отразиться и здѣсь, потому что воспроизводительныя силы молодой матери будутъ болѣе или менѣе парализоваться угнетающимъ вліяніемъ старика-отца. Кромѣ того, при такихъ неестественныхъ бракахъ едва ли можно

разсчитывать на полную супружескую любовь и гармонию, отъ чего тоже страдаетъ какъ произведеніе и воспитаніе дѣтей, такъ и общественная нравственность. Поэтому было бы желательно, чтобы разность лѣтъ въ супружествѣ не превышала 10—12, чтобы печальные и уродливые факты брачныхъ сочетаній 16—18 лѣтнихъ дѣвушекъ съ 40—50 лѣтними стариками были преслѣдуемы, если не закономъ, то по крайней мѣрѣ общественнымъ мнѣніемъ. «Молодая дѣвушка, говоритъ Леви, по разсчету выходящая за старика, оскорбляетъ природу, потому что въ этомъ случаѣ интересы цѣлаго поколѣнія приносятся въ жертву страстямъ одной личности. Это, если можно такъ выразиться, настоящій фізіологическій скандалъ; но онъ допускается закономъ и общество можетъ наказывать его только презрѣніемъ и насмѣшкою.»

Кромѣ соотвѣтствующаго возраста, мы поставили условіемъ раціональнаго бракосочетанія необходимость извѣстныхъ фізическихъ и нравственныхъ качествъ супруговъ, при которыхъ можно бы было разсчитывать на болѣе удовлетворительное потомство. Важность этого условія ясна для всякаго, кто понимаетъ значеніе наследственности. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи было бы лучше всего подбирать такихъ супруговъ, которые не имѣютъ ни фізическихъ, ни нравственныхъ недостатковъ; но совершенство, какъ говорятъ, не существуетъ на землѣ, поэтому, въ большинствѣ случаевъ, было бы и то хорошо, если бы относительные недостатки супруговъ были сопоставляемы такъ, чтобы они не усиливали, а ослабляли другъ друга. Съ фізіологической точки зрѣнія нужно, чтобы браки противодѣйствовали различнымъ тѣлосложеніямъ и темпераментамъ и могли, такъ сказать, нейтрализовать болѣзненную наследственность обоихъ супруговъ. Такъ, два

семейства, имѣющія одинаковые недостатки, или расположенныя къ одинаковымъ болѣзнямъ, породившись между собой, непременно усилятъ на потомствѣ эти недостатки. Поколѣніе, рожденное напр., отъ двухъ слабогрудыхъ супруговъ, расположенныхъ къ чахоткѣ, или отъ золотушныхъ, будетъ носить на себѣ эти недостатки или въ такой же степени какъ у родителей, или даже въ усиленной. Золотуха или чахотка, соединяясь между собой, становятся пагубными разсадниками множества болѣзней. Поэтому браки между двумя больными, художными лицами съ медицинской точки зрѣнія должны бы быть запрещаемы. Въ противномъ случаѣ неизбежно будетъ поддерживаться ослабленіе и вырожденіе породы. Но намъ скажутъ: что же дѣлать съ такими молодыми людьми, которые, повидимому, не годятся для рациональнаго брака, неужели за свою слабость и болѣзненное сложеніе они должны быть обречены на безбрачную жизнь? Такой приговоръ былъ бы слишкомъ жестокъ и непримѣнимъ къ практической жизни; потому что при нашей, почти общей болѣзненности, гдѣ бы было взять тогда достаточное количество жениховъ и невѣстъ? Поэтому общественная гигиена должна помириться не съ тѣмъ, чтобы въ брачной четвѣ не было двухъ болѣзненныхъ элементовъ, а чтобы одинъ изъ супруговъ обладалъ здоровымъ сложеніемъ или такими разнообразными качествами, которыя бы уравнивали друга друга, подавляли болѣзненную наслѣдственность слабого элемента. Такъ напр., если женщина, происходящая отъ чахоточныхъ родителей, выйдетъ замужъ за здороваго и крѣпкаго мужчину, то можно надѣяться, что она сдѣлается матерью здороваго поколѣнія, которое въ свою очередь, соединяясь съ «хорошею кровью», произведетъ дѣтей совершенно безукоризненныхъ. Въ этомъ

случаѣ сила болѣзненной наслѣдственности, ничѣмъ не поддерживаемая, а напротивъ ослабляемая вліяніемъ здороваго элемента, естественно, будетъ уменьшаться и наконецъ совершенно истощится. Множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о произвольномъ исчезаніи или замѣтномъ ослабленіи нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ болѣзней (напр. проказы), говорятъ въ пользу помянутаго смѣшенія. И на оборотъ, все болѣе и болѣе распространяющееся вліяніе сифилиса, чахотки и золотухи, замѣтно ослабляющихъ наше народонаселеніе, ясно говорятъ, какъ живой укоръ, въ пользу того, что при бракосочетаніяхъ на правила гігіены обращается все-таки слишкомъ мало вниманія.

Въ частности, при выборѣ супруговъ нужно имѣть въ виду: 1) что при соединеніи двухъ особъ слабого тѣлосложенія, лимфатическаго темперамента, рождаемыя дѣти будутъ еще болѣе слабы, расположены къ золотухѣ и аглійской болѣзни. Поэтому слѣдуетъ избѣгать такихъ соединеній, а напротивъ должно подновлять тѣлосложеніе и темпераментъ хорошо обсуженной помѣсью. Беккерель въ этомъ отношеніи совѣтуетъ, чтобы «крѣпкій, сильный мужчина, съ темною кожею и хорошо развитою мышечною системою, соединялся бракомъ съ блондинкою, у которой голубые глаза, бѣлая и тонкая кожа и лимфатическій темпераментъ».

2) Такъ какъ отъ соединенія двухъ особъ нервнаго темперамента дѣти должны обладать этимъ темпераментомъ еще въ большей степени, то при выборѣ супруговъ нужно имѣть въ виду, чтобы темпераменты ихъ были не сходны.

3) Если у одного изъ супруговъ существуетъ наслѣдственная или приобрѣтенная слабость какого нибудь органа, напр. зрѣнія, слуха, недостаточное развитіе мышцъ

или костей и проч., то при брачныхъ сочетаніяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы у другого супруга эти органы были особенно развиты. Слишкомъ полнокровныя особы, расположенныя къ апоплексіи, должны соединяться съ лицами, или неимѣющими этого недостатка, или даже съ малокровными.

4) Имѣя въ виду улучшеніе красоты потомства или лучше сказать сглаживаніе существующихъ недостатковъ (напр. наследственная чрезмѣрная полнота, раннее выпаденіе волосъ, некрасивая форма черепа и вообще сложенія и пр.), нужно стараться заключать бракъ съ такимъ лицомъ, у котораго качества эти противоположны.

5) Слишкомъ большая несоразмѣрность въ ростѣ супруговъ должна быть избѣгаема.

6) Какъ женщина, такъ и мужчина должны быть способны къ произведенію потомства; поэтому женщина, имѣющая неправильное строеніе таза, при которомъ роды невозможны, не должна бы выходить замужъ. При обсужденіи такихъ недостатковъ таза, при которыхъ рожденіе не слишкомъ крупныхъ дѣтей возможно, слѣдуетъ имѣть въ виду ростъ, размѣры головы и плечъ мужчины, за котораго эта женщина должна выйти. Лица, страдающія важными наследственными болѣзнями, какъ напр. наследственнымъ умопомѣшательствомъ, падучей болѣзнію и пр. должны бы были отказаться отъ удовольствій брачной жизни.

7) Зная наследственность умственныхъ и нравственныхъ качествъ и желая видѣть на потомствѣ эти качества, при брачномъ сочетаніи нужно имѣть въ виду даровитость и нравственный характеръ породы. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что умственное развитіе нерѣдко идетъ въ ущербъ физическому, что люди, истощенные

непомѣрнымъ умственнымъ трудомъ, часто бываютъ плохими производителями.

8) При всякой возможности слѣдуетъ искать и предпочитать здоровое крѣпкое тѣлосложеніе слабому и болѣзненному, стройное и красивое уродливому, умнаго человѣка ограниченному, не жертвуя этими существенными качествами другимъ, мелкимъ выгодамъ и расчетамъ женитьбы. Въ случаѣ же невозможности устроить бракъ на такихъ основаніяхъ, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, заботиться о томъ, чтобы физическіе недостатки супруговъ не совпадали между собой.

Выполненіе этихъ правилъ гігіены могло бы принести важную услугу какъ отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ семействамъ, такъ и цѣлому обществу. Оно могло бы послужить средствомъ устранять физическіе недостатки цѣлаго народонаселенія, влекущіе за собой ухудшеніе породы. Къ сожалѣнію, врачей не призываютъ къ участию въ обсужденіи вопроса о бракосочетаніи, ни къ участию при составленіи законовъ объ этомъ предметѣ. Наши законодательства не предписываютъ никакихъ мѣръ къ улучшенію физическаго быта человѣчества, за исключеніемъ развѣ запрещенія браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства. Поэтому общество само должно заботиться о такомъ важномъ вопросѣ. Оставляя на личный произволь условія второстепенной важности, напр. заботу о красотѣ потомства, общество должно преслѣдовать, наравнѣ съ тяжкими преступленіями, тѣ аномаліи брака, которыя влекутъ за собой гибельныя послѣдствія на поколѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣемъ ли мы права точно также назвать извергами 50-лѣтняго старика, женившагося на 16-лѣтней дѣвушкѣ, — чахоточныхъ или сифилитическихъ родителей, какъ мы называемъ вообще людей, лишаящихъ, изъ-за личной страсти, кого бы то

ни было жизни или здоровья? Больные родители должны знать, что они произведут больныхъ дѣтей, поэтому они обязаны подумать не о своей только, уже сосчитанной жизни, а и о жизни несчастнаго поколѣнія. Всякій болѣзненный ребенокъ, наслѣдственно чахоточный юноша, всякій изуродованный англійскою болѣзнію, или получившій въ даръ отъ родителей сифилисъ, падающую болѣзнь или помѣшательство, вправѣ негодовать за такое наслѣдство, особенно если они будутъ знать, что милые родители допустили это не по неопытности, а изъ своихъ корыстныхъ или эгоистическихъ расчетовъ.

О послѣдствіяхъ нераціональнаго бракосочетанія подробно мы будемъ говорить въ статьѣ о вырожденіи человѣческихъ породъ.

Помѣсь крови. Между другими условіями, содѣйствующими улучшенію породы, помѣсь крови играетъ немаловажную роль. Вообще можно сказать, что и роды животныхъ и человѣка мельчаютъ, когда всѣ производители переродятся между собой. Коннозаводчикамъ и скотоводамъ это давно извѣстно, потому они по возможности и стараются освѣжать кровь приобрѣтеніемъ новыхъ самцовъ, не родственныхъ стаду. Дарвинъ говоритъ, что скрещиваніе въ близкихъ степеняхъ родства уменьшаетъ плодовитость и силу. На этомъ, между прочимъ, основывается вырожденіе животныхъ, напримѣръ зубра въ Литвѣ. Нынѣшніе зубры Бѣловѣжской пуши, потомки 500 зубровъ, жившихъ тамъ въ 1824 году, всѣ болѣе или менѣе переродились между собой. Вслѣдствіе этого ростъ зубровъ значительно уменьшился. Такихъ большихъ животныхъ, какія убивались королями польскими и всѣхъ которыхъ записывался, теперь уже нѣтъ. Полагаютъ даже, что въ настоящее время существуетъ двѣ разновидности зубровъ, изъ которыхъ одна гораздо мельче

другой, представляющая, по всей вѣроятности, результатъ вырожденія. Наконецъ, самцовъ этого животнаго въ Бѣловѣжской пущѣ родится теперь больше, чѣмъ самокъ, не смотря на то, что зубрь—животное многоженное. Подобные факты вырожденія существуютъ и въ человѣческомъ родѣ. Извѣстно, что при недостаткѣ помѣси крови вырождались и исчезали цѣлыя фамиліи, ослабѣвали и клонились къ упадку цѣлыя націи. Изъ этого очевидно, какую важную роль должна играть помѣсь крови въ гигиеническомъ отношеніи.

Почему же именно помѣсь крови дѣйствуетъ такъ благотѣтельно? — Не говоря о томъ, не вполне еще разъясненномъ, но фактически несомнѣнномъ наблюденіи, что браки между близкими родственниками влекутъ за собою упадокъ производительной силы,—браки между лицами, живущими въ одной ограниченной мѣстности, должны содѣйствовать увеличенію на поколѣніи тѣхъ физическихъ недостатковъ, какіе существуютъ въ этой мѣстности. Положимъ напримѣръ, что въ извѣстномъ уѣздѣ, вслѣдствіе физическихъ условій мѣстности или образа жизни, у многихъ жителей развивается кренинизмъ, англійская болѣзнь, золотуха и пр.; эти жители, родясь только между собой, неизбежно усиливаютъ сказанныя болѣзни, такъ какъ лучшихъ и болѣе крѣпкихъ производителей взять не откуда. Мы указали на болѣе рѣзкій примѣръ, но сколько другихъ, весьма разнообразныхъ, явныхъ и скрытыхъ недостатковъ можетъ развиваться въ народонаселеніи всякой мѣстности,—недостатковъ, свойственныхъ именно взятому народонаселенію, потому что они происходятъ отъ продолжительнаго существованія одинаковыхъ болѣзненныхъ условій. Въ другой мѣстности и при другихъ условіяхъ здоровье народонаселенія можетъ быть или менѣе ослаблено, или су-

ществующія болѣзни и недостатки сложенія могутъ проявиться въ другой формѣ. При помѣси крови между двумя народностями, сословіями и пр., существующіе недостатки сглаживаются или вслѣдствіе подновленія ослабѣвшей породы породой болѣе сильною, или вслѣдствіе парализованія существующихъ недостатковъ недостатками противоположнаго свойства, какъ мы это видѣли выше, при подборѣ супруговъ. Этимъ, или, можетъ быть, многими другими путями дѣйствуетъ помѣсь крови, но несомнѣнно то, что въ общей массѣ она дѣйствуетъ благотѣльно. Цивилизованіе образованными народами дикихъ и полудикихъ племенъ идетъ рука объ руку съ помѣсью, если не зависитъ преимущественно отъ нея. Жизнь сословія изсякла бы въ непродолжительномъ времени, если бы оно не подновлялось постояннымъ притокомъ чуждыхъ элементовъ, отличающихся отъ него и физическимъ сложеніемъ, и нравственными свойствами. Въ этомъ непрерывномъ обмѣнѣ, въ этомъ разнообразіи, въ этой, можно сказать, борьбѣ и заключается источникъ общественныхъ силъ и живучесть всякаго сословія. Изолируйте какое угодно сословіе, — въ средѣ его въ скоромъ времени накопится столько физическихъ и нравственныхъ недостатковъ, что оно измельчаетъ, вырождается, сгоритъ и потухнетъ точно также, какъ сгараютъ всякое органическое тѣло.

Составляя одно изъ существенныхъ условій физическаго и моральнаго развитія народовъ, помѣсь крови совершается, въ большей или меньшей степени, почти повсюдно, какъ между племенами и народами, такъ и между сословіями и семействами. Степень проявленія ея бываетъ, конечно, различна, смотря потому, гдѣ существуетъ больше условій, содѣйствующихъ или противо-

дѣйствующихъ этому. Объ этихъ условіяхъ мы и считаемъ нужнымъ поговорить здѣсь.

Географическія условія страны и степень сношенія жителей съ сосѣдними народами могутъ существенно содѣйствовать или противодѣйствовать инородной, внѣшней помѣси. Мѣстности изолированныя или слишкомъ отдаленныя (нѣкоторые острова, китайская имперія и пр.), гдѣ жители не находятся почти ни въ какихъ сношеніяхъ съ жителями другихъ мѣстностей, естественно препятствуютъ помѣси. Поэтому въ такихъ мѣстностяхъ развитіе обыкновенно подвигается очень медленно, типъ жителей не совершенствуется, или остается на одномъ уровнѣ, или даже ухудшается. Между этими мѣстностями болѣе противодѣйствуютъ вырожденію тѣ, которыя занимаютъ большія пространства и имѣютъ смѣшанное народонаселеніе, нежели мѣстности меньшія съ однообразнымъ народонаселеніемъ. Въ первыхъ можетъ еще происходить внутренняя помѣсь (областная, сословная), вслѣдствіе чего типъ жителей разнообразится и подновляется, между тѣмъ какъ во вторыхъ, болѣею частію, мало или вовсе не цивилизованныхъ, гдѣ между жителями нѣтъ ни племеннаго, ни сословнаго различія, при существующемъ однообразіи, помѣси дѣлаются невозможными. Въ первомъ случаѣ отсутствіе внѣшней помѣси мѣшаетъ только прогрессивному развитію народа, обуславливаетъ умственный и физическій застои; но не мѣшаетъ здоровью народонаселенія. Во второмъ случаѣ, при отсутствіи даже внутренняго разнообразія и помѣси, физическіе и нравственные недостатки народа, развившіеся въ данной ограниченной мѣстности подъ вліяніемъ постоянно существующихъ однихъ и тѣхъ же условій, будутъ прогрессивно увеличиваться.

Въ тѣхъ странахъ, которыя по географическому положенію, политическому развитію жителей не разобщены отъ другихъ населенныхъ и цивилизованныхъ мѣстностей, внѣшняя помѣсь, въ той или другой степени, происходитъ неизбѣжно. Вслѣдствіе этого совершается непрерывный обмѣнъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ силъ,—обмѣнъ, при которомъ слагается типъ и увеличивается ростъ каждой націи, подновляются ея силы, сглаживаются недостатки. Такую помѣсь мы видимъ у всѣхъ европейскихъ народовъ. Ей содѣйствуютъ просвѣщеніе страны, торговыя и политическія сношенія, удобства путей сообщенія.

Степень внутренней помѣси и результатъ ея въ каждой странѣ зависитъ также отъ географическихъ условій, характера народонаселенія, сословныхъ предразсудковъ, сословныхъ правъ и религіозныхъ взглядовъ.

Страна, раскинутая на большомъ пространствѣ, гдѣ существуетъ большое разнообразіе климата, мѣстности и вообще всѣхъ физическихъ условій, даетъ возможность къ разнообразному развитію жителей. Въ этомъ отношеніи Россія даетъ самыя выгодныя условія. Здѣсь вы найдете жителей, развившихся подъ самыми разнообразными широтами, начиная съ глубокаго сѣвера до Закавказья,—жителей самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, начиная съ тундръ и кончая такими горными возвышенностями, гдѣ едва можетъ обитать человѣкъ. Естественно, что такое разнообразіе физическихъ условій должно было отразиться на характерѣ и типѣ жителей. Поэтому въ Россіи, болѣе чѣмъ во всякой странѣ, можно встрѣтить самыя разнообразныя, самыя противоположныя типы сложеній и темпераментовъ. Поэтому внутренняя помѣсь у насъ должна бы была происходить самымъ дѣятельнымъ образомъ. До сихъ поръ однакожъ этому

значительно препятствовали недостатку путей сообщенія и слишкомъ большая привязанность нашихъ жителей къ мѣстности. Поэтому многіе изъ отдаленныхъ провинцій Россіи могутъ быть разсматриваемы, какъ мѣстности изолированныя. Родъ занятій русскаго престопаародья (хлѣбопашество), недостатокъ предприимчивости и недостатокъ капитала и свободы (вслѣдствіе бывшаго крѣпостнаго состоянія) были причиною тому, что помѣси у насъ происходили несравненно рѣже, чѣмъ онѣ могли бы происходить. Эти помѣси могли быть только въ мѣстахъ центральныхъ, куда стекалось разнообразное народонаселеніе, именно въ столицахъ и большихъ городахъ, между тѣмъ какъ наибольшая масса народонаселенія рождалась только съ самыми близкими окрестными жителями (рѣдко переходя въ другую волость, еще рѣже въ другой уѣздъ и почти никогда въ другую губернію), стало быть жителями, развившимися подъ одними и тѣми же условіями, имѣющими болѣе или менѣе однообразные свойства и недостатки. Вслѣдствіе этого результатъ помѣси крови у насъ былъ не такъ блистателенъ, какъ онъ могъ бы быть. Но можно надѣяться, что при лучшихъ путяхъ сообщенія, при большемъ богатствѣ, развитіи и свободѣ, сближеніе жителей увеличится, и тогда помѣсь крови, подновленіе провинціальнаго типа будетъ замѣтнѣе. Во всякомъ случаѣ Россія, въ этомъ отношеніи, можетъ разсчитывать на свою живучесть, на свои внутреннія силы, на ростъ изъ самой себя. Обмельчаніе и вырожденіе типа въ будущемъ у насъ возможно развѣ только при самомъ несчастномъ политическомъ устройствѣ, именно если бы въ народѣ была убита всякая предприимчивость, прекратились бы сближенія между отдѣльными провинціями, если бы существующее разобщеніе массъ еще болѣе

увеличилось, и отдѣльныя мѣстности Россіи еще болѣе стали играть роль изолированныхъ мѣстностей, чего конечно быть не можетъ. Съ другой стороны, результатъ помѣси увеличился бы, если бы наши провинціи были болѣе самостоятельны, если бы жизнь каждой изъ нихъ не поглощалась общою центральною жизнью, если бы каждая провинція, подъ вліяніемъ собственныхъ физическихъ условій, выработывала не одни только особенности сложенія и темперамента, но особенности умственные и нравственные, тогда при сближеніи этихъ разнообразно выработанныхъ данныхъ, результатъ помѣси былъ бы еще важнѣе. Въ этомъ случаѣ онъ могъ бы имѣть почти тоже значеніе, какъ помѣсь внѣшняя, иностранная.

Изъ другихъ странъ самую замѣчательную и плодотворную помѣсь представляетъ Америка. Цивилизованное народонаселеніе ея, составляющее пеструю смѣсь выходцевъ (или потомковъ ихъ) почти изъ всѣхъ странъ Европы, стало быть, лицъ съ самымъ разнообразнымъ физическимъ сложеніемъ и съ самыми разнообразными моральными задатками. При полной свободѣ сближенія, жизни и развитія, это народонаселеніе должно было воспроизвести въ поколѣніи новый типъ, или новые типы, въ которомъ олицетворились и объединились лучшія чловѣческія качества, выработавшіяся въ Европѣ, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ физическихъ условій и политическихъ судебъ. Оттого ни въ одномъ европейскомъ народѣ, въ отдѣльности, мы не видимъ того совершенства, ума, предпримчивости, энергій, какія представляетъ намъ американскій народъ, вмѣстившій въ себѣ готовыя частицы всѣхъ европейскихъ цивилизацій, и отбросившій въ тоже время большую часть тѣхъ недостатковъ, которые неизбежно накаплиются, какъ про-

дукты горенія, въ каждой странѣ, развивающей свою цивилизацію послѣдовательно изъ самой себя. Благодаря этой помѣси и задаткамъ для нея на будущее время, американская нація имѣетъ въ себѣ столько силы и живучести, что ни внутренніе раздоры, ни опустошительныя войны, ни другіе толчки, разшатывающіе политическій и гражданскій строй страны, не будутъ для нея такъ ощутительны, какъ для многихъ другихъ европейскихъ народовъ.

Происхожденію помѣсей, какъ мы сказали выше, могутъ препятствовать сословные предразсудки и религіозныя взгляды. Мы хотимъ указать здѣсь на тѣ предразсудки, по которымъ извѣстные слои общества или извѣстныя семейства, вслѣдствіе истиннаго или ложнаго понятія о своихъ достоинствахъ, считаютъ предосудительнымъ или неприличнымъ мѣшать свою благородную кровь съ кровью менѣе благородною или плебейскою. Сплошь и рядомъ случается, что аристократъ или вообще дворянинъ всѣми мѣрами противодѣйствуетъ тому, чтобы его дѣти не вступали въ брачныя сношенія съ дѣтьми изъ другого, по ихъ понятіямъ болѣе низкаго, сословія, не смотря даже на то, если послѣднія по своему образованію и природнымъ дарованіямъ значительно превосходятъ первыхъ. Такое *mésalliance* будто бы пятнаетъ ихъ родъ, мутитъ голубую кровь, содѣйствуетъ вырожденію ихъ величаваго духа. Такое опасеніе не безосновательно. Новый элементъ, входящій въ семейство съ другими привычками и другимъ складомъ убѣжденій, естественно вноситъ ихъ вмѣстѣ съ собою и отражаетъ на потомствѣ. И мы дѣйствительно видимъ, что дѣти, происходящія отъ важныхъ фамилій, но при помѣси съ народнымъ элементомъ, утрачиваютъ свое аристократическое чванство, свои фамиліные предраз-

судки и слабости и становятся уже гораздо ближе къ народу. Такая помѣсь оказывается тѣмъ болѣе благодѣтельной, что лица (мужчины), выходящіе изъ народа и выбираемые для такой помѣси, обыкновенно представляютъ собой людей передовыхъ, талантливыхъ; потому что только помощію своихъ личныхъ качествъ они могутъ сдѣлать такую помѣсь возможною. Слѣдовательно при подобныхъ бракахъ новыя и лучшія качества, вносимыя въ обвѣтшалую жизнь, по общему закону перевѣса лучшаго и сильнаго передъ худшимъ и слабымъ, должны торжествовать, представлять больше устойчивости, и стало быть аристократическая или дворянская вкровь дѣйствительно должна терять свои качества. На этомъ и основывается подновленіе породъ, очищеніе крови отъ накопившихся недостатковъ. Даже въ томъ случаѣ, когда привилегированная личность женится по расчету, напр. на купчихѣ, что такъ часто случается, и тогда помѣсь крови можетъ отразиться на потомствѣ благодѣтельно. Одно то, что женщина изъ купеческаго сословія вноситъ въ привилегированный кругъ долю своего здоровья, чего тамъ недостаетъ, — имѣетъ уже много значенія. Но кромѣ здоровья по законамъ наследственности и путемъ воспитанія, женщина можетъ болѣе или менѣе парализовать или ослаблять тѣ сословныя нравственные недостатки, которыхъ вездѣ такъ много. Дочки отъ матери купчихи и отца важнаго барина въ большинствѣ случаевъ не будутъ такъ тщеславны, расточительны и пусты, какъ онѣ были бы отъ такой же матери. Во всякомъ сословіи есть масса, временемъ накопившихся, физическихъ и нравственныхъ недостатковъ, большею частію своеобразныхъ, вытекающихъ изъ историческаго склада жизни даннаго сословія. Но съ другой стороны вездѣ есть и хорошія стороны, свои

отличительныя достоинства. При сословной помѣси лучшія качества сочетавшихся разнообразныхъ элементовъ будутъ имѣть перевѣсъ надъ худшими и такимъ образомъ чѣмъ больше въ сословіи будетъ помѣсей, тѣмъ больше будутъ очищаться сословныя недостатки. При противоположныхъ условіяхъ, естественно, произойдутъ и противоположныя послѣдствія: масса физическихъ и нравственныхъ недостатковъ будетъ накапливаться больше и больше, и наконецъ доведетъ до того, что сословіе будетъ мельчать и вырождаться. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Замкнутыя сословія и кружки, происшедшіе нѣкогда отъ прекрасныхъ родоначальниковъ, вскорѣ утрачиваютъ свои родовыя свойства и ослабѣваютъ такъ, что наконецъ совершенно стираются съ лица земли. Такъ исчезли многіе аристократическіе роды и продолжаютъ исчезать до сихъ поръ. Поэтому чѣмъ больше будетъ доступъ въ привилегированныя слои свѣжихъ народныхъ силъ, чѣмъ меньше будетъ предрасудковъ противъ плебейскаго происхожденія, тѣмъ больше шансовъ на моральное и физическое улучшение рода. Въ этомъ смыслѣ народныя силы, какъ обильный сырой матеріалъ, какъ кислородъ воздуха для горѣнія, будутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для поддержанія гражданской и государственной жизни.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что на успѣхъ помѣси кромѣ сословныхъ предрасудковъ, будетъ имѣть вліяніе и установленіе сословныхъ правъ. До тѣхъ поръ, пока негры останутся неграми, они не могутъ рассчитывать на помѣсь съ бѣлыми американцами. Во время существованія крѣпостной зависимости нельзя было ожидать сближенія народа съ дворянскимъ сословіемъ. Для этого нужно, чтобы народъ не только былъ свободенъ, но и богатъ, безъ чего самымъ талантливымъ личностямъ

трудно выбратъся изъ своей колѣн. Распространеніе грамотности, установленіе свободнаго права поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія, извѣстная доля обезпеченности и равноправности послужать въ экономіи государственныхъ производительныхъ силъ архимедовымъ рычагомъ. Образчикъ этого могущественнаго дѣятеля мы имѣемъ и теперь передъ глазами. Наше сельское духовенство, вышедшее непосредственно изъ народа, до сихъ поръ отличается отъ своихъ проатцевъ весьма немногимъ. Причетники и даже дьяконы, по матеріальному своему быту, почти тѣже мужики, но только грамотные и болѣе свободные. Дѣти ихъ имѣютъ право доступа въ университеты и другія учебныя заведенія и, благодаря этому праву, народно-духовный элементъ проникъ во все слои общества, охватилъ собою все роды дѣятельности и послужилъ весьма значительнымъ подспорьемъ для дворянства. Въ рядахъ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, чиновниковъ и пр. они занимали и занимаютъ не послѣднее мѣсто, а при лучшихъ матеріальныхъ средствахъ притокъ этихъ силъ, естественно, былъ бы еще обильнѣе. Но что значить численность духовнаго сословія съ численностію крестьянства! Если бы для послѣднихъ въ прежнее время существовалъ такой же доступъ къ образованію и гражданской дѣятельности, то, само собою разумѣется, въ нашемъ образованномъ обществѣ былъ бы теперь во сто разъ большій процентъ свѣжихъ и энергическихъ силъ. Это послужило бы къ сліянію, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, дворянства съ народомъ точно также, какъ это сліяніе происходитъ теперь съ духовенствомъ. Такимъ образомъ открылся бы новый источникъ для обогащенія и подновленія привилегированныхъ породъ.

Наконецъ мы должны еще сказать о вліяніи на внут-

ренія помѣсирелигіозныхъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи, покрайнѣй мѣрѣ у насъ въ Россіи, можно указать на католиковъ, лютеранъ, магометанъ и евреевъ. Въ нашемъ простомъ народѣ существуетъ почти повсемѣстный предрасудокъ, по которому магометане и евреи считаются людьми погаными. Поэтому русскій крестьянинъ не только не женится на инородкахъ, исповѣдующихъ другую религію, но даже не заимствуетъ отъ нихъ никакихъ правилъ житейской мудрости. Тоже самое можно сказать относительно нѣмецкихъ колонистовъ и другихъ инородцевъ. Вслѣдствіе такого предрасудка происходитъ то, что, несмотря на самыя близкія поземельныя отношенія, не смотря на то, что русскіе крестьяне и инородцы сплошь и рядомъ живутъ въ одной деревнѣ, каждый изъ нихъ остается совершенно изолированнымъ. Татарскихъ и нѣмецкихъ помѣсей, несмотря на видимую возможность ихъ въ настоящее время въ массѣ народонаселенія, происходитъ весьма мало. Благодаря этому, нѣмцы-колонисты, разсѣянные въ Россіи небольшими отдѣльными группами, до сихъ поръ не исчезли въ массѣ русскаго народонаселенія, какъ бы слѣдовало ожидать въ силу общихъ законовъ, не слились съ нимъ и не удѣлили ему ничего, а остаются особнякомъ какъ *status in statu*. Поэтому же самому татары и многіе другіе инородцы продолжаютъ свое самостоятельное существованіе. Религія въ этомъ случаѣ служитъ имъ щитомъ отъ поглощенія болѣе сильнымъ племенемъ и съ другой стороны препятствуетъ намъ, путемъ помѣсей, заимствовать отъ инородцевъ особенности ихъ быта и физическаго сложенія. Тѣ же самыя инородцы, принявшіе господствующую религію, этимъ самымъ сближаются съ тѣмъ племенемъ, въ средѣ котораго они живутъ; вступаютъ съ нимъ въ брачныя сношенія и, по

только изучать процессъ вырожденія народовъ, поглощеніе ихъ новыми племенами, начинающими свою исторію на ихъ развалинахъ.

Фактъ вырожденія народовъ, о которомъ свидѣтельствуемъ намъ исторія, точно также, хоть въ меньшихъ размѣрахъ, совершается и въ нашу эпоху, передъ нашими глазами. Почти въ каждой странѣ можно указать на націи отживающія и на націи въ полномъ разгарѣ силъ идущія къ процвѣтанію, которыя, вслѣдствіе общаго закона перевѣса сильнаго передъ слабымъ, поглощаютъ въ себѣ націи слабѣйшія. *Вырожденіе* этихъ послѣднихъ происходитъ или путемъ сліянія или перехода въ другую націю, или путемъ измелчанія, ослабленія и вымиранія. Для примѣра мы можемъ взять напр. американскихъ негровъ, которые, какъ извѣстно, быстро вытѣсняются бѣлымъ племенемъ. Часть ихъ вырождается вслѣдствіе того, что негры, при помѣси съ бѣлыми, представляющими больше ассимилирующей силы, мало по малу перерождаются въ бѣлую расу и такимъ образомъ, не исчезая, продолжаютъ существовать въ другой, лучшей формѣ. Такое вырожденіе есть самый лучший и желательный исходъ для низшей и слабой расы, существующей совмѣстно съ расой болѣе сильной. Къ несчастію, такой порядокъ вырожденія, существующій въ большихъ размѣрахъ между европейскими народами, у американскихъ негровъ до сихъ поръ существовать, можно сказать, какъ исключеніе. И это зависѣло не отъ какихъ либо предполагаемыхъ законовъ судьбы, обречшей негровъ на жертву бѣлымъ, а отъ тиранніи этихъ послѣднихъ отъ рабства вслѣдствіе котораго племенные помѣси не могли быть слишкомъ частыми, а самостоятельное существованіе порабощенныхъ, въ такомъ положеніи, дѣлалось все менѣе и менѣе возможнымъ. Поставь-

те негровъ въ такія же отношенія къ бѣлымъ американцамъ, какъ напр. нашихъ инородцевъ къ чисто-русскому народонаселенію, тогда, особенно при единствѣ религіи, процессъ сліянія націй, процессъ перехода слабѣйшей націи въ сильнѣйшую, пойдетъ несравненно быстрѣе, между тѣмъ, какъ процессъ вырожденія въ собственномъ смыслѣ (вымиранія) будетъ парализованъ.

При этомъ порядкѣ вырожденія, племя или нація не исчезаетъ въ собственномъ смыслѣ, а только перерождается въ другую форму и обыкновенно въ форму лучшую. Слѣдовательно, здѣсь мы должны видѣть не регрессивное, а напротивъ прогрессивное (догоняющее) движеніе.

Негры не много теряютъ отъ того, что, при помѣсахъ съ бѣлыми, потомки ихъ будутъ существовать въ формѣ мулатовъ или даже переродятся въ бѣлыхъ. Желать такого перерожденія для тѣхъ націй или племенъ, которыя не могутъ существовать самостоятельной политической жизнью, гораздо гуманнѣе и справедливѣе чѣмъ желать рабства и неизбѣжнаго съ нимъ вымиранія. Что такое перерожденіе племени возможно, примѣровъ этому мы видимъ очень много. Одна Россія представитъ намъ тысячи случаевъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, поляковъ, татаръ, армянъ, бурятъ и многихъ другихъ инородцевъ, совершенно вошедшихъ въ составъ русскаго племени и обличающихъ свое происхожденіе только нѣкоторыми оставшимися національными чертами. Если вслѣдствіе такого поступленія, напр., татарскихъ и польскихъ родовъ въ ряды русскаго племени, численность первыхъ значительно уменьшилась, то это не указываетъ еще на вымираніе ихъ, а на постепенное исчезаніе въ массѣ господствующаго русскаго племени. Точно такое же перерожденіе или сліяніе меньшаго и слабѣйшаго племени съ

мѣръ нравственнаго и физическаго превосходства, или сами исчезаютъ въ массѣ другого племени, или привлекаютъ къ себѣ часть этой массы. Такъ какъ господствующее племя всегда имѣетъ на своей сторонѣ больше силы, то естественно, что горсть заброшенныхъ въ среду его инородцевъ должна переродиться легко и скоро. Такъ случилось напр. съ жителями села Александровки (около Берлина, вблизи Подсама) — русскими мужиками, перевезенными туда въ недавнее время. Во второмъ поколѣнн ихъ русскій элементъ остался только въ одной наружности, и то едва замѣтно. Тоже самое можетъ случиться съ цѣлымъ народомъ, лишеннымъ самостоятельной политической жизни и связаннымъ съ другимъ господствующимъ народомъ единствомъ религiи. Такимъ образомъ религiя служитъ цементомъ для соединенiя племенъ, а политическое и моральное превосходство — средствомъ для поглощенiя менѣе сильнаго и менѣе свободнаго племени. При такой помѣси иноплеменные силы входятъ въ составъ силъ національных и, стало быть, значительно содѣйствуютъ разнообразному физическому и нравственному развитiю нации. Поэтому крестомъ можно дѣлать точно такiя же завоеванiя, какъ и мечомъ.

Исторiя человѣчества во всѣ времена показывала и показываетъ намъ непрерывныя примѣры какъ прогрессивнаго, такъ и регрессивнаго движенiя. Будемъ ли мы наблюдать человѣческую жизнь въ массахъ, у цѣлыхъ наций, или въ отдѣльныхъ группахъ—у сословiй и фамилiй, вездѣ мы встрѣтимъ одинъ и тотъ же фактъ постепеннаго возрастанiя и затѣмъ послѣдовательнаго или быстраго пониженiя и наконецъ полнаго исчезанiя жизни. Жизнь наций, сословiя и фамилiй, точно также какъ жизнь отдѣльнаго индивидуума, имѣетъ свои періоды и

предѣлы. Вездѣ есть періоды юности, зрѣлаго возраста и старости. Продолжительность этихъ періодовъ для различныхъ націй и сословій бываетъ различна, какъ и продолжительность каждой человѣческой жизни въ отдѣльности,—это зависитъ отъ степени запаса органическихъ силъ, отъ крѣпости физическаго и нравственнаго сложенія націи, и отъ случайныхъ болѣзней государственной и соціальной жизни. Но при всемъ томъ, даже въ самыхъ прочныхъ націяхъ, роковое движеніе возрастанія и увяданія непремѣнно совершается, въ силу общихъ законовъ, съ тою или другою скоростію. Такимъ образомъ, въ короткій срокъ исторической жизни успѣли уже совершить и закончить свое существованіе много народовъ и государствъ, смѣняя другъ друга точно также, какъ мы смѣнили нашихъ дѣдовъ и, въ свою очередь, будемъ смѣнены внуками. Такъ надъ землею послѣдовательно прошло нѣсколько цивилизацій, оставивши слѣдомъ своего существованія или только гранитные обломки и развалины архитектурныхъ произведеній, или безсмертныя идеи, доставшіяся въ наслѣдство слѣдующимъ поколѣніямъ. Куда дѣлись представители вавилонской, ассирійской и египетской цивилизацій, гдѣ тѣ греки и римляне, которые такъ высоко поднялись было надъ всѣми земными племенами и народами и оставили въ исторической памяти столько образцовъ ума и величія? Одни совершенно стерты съ лица земли и исчезли бы даже изъ народной памяти, если бы дѣла рукъ этихъ народовъ не оказались прочнѣе, чѣмъ самые народы. Если и существуютъ теперь представители позднѣйшей цивилизаціи—потомки грековъ и римлянъ, то можно ли судить по этимъ обломкамъ великихъ націй о ихъ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи! На этихъ остаткахъ древней исторіи можно

вляють только 2⁰/₀ всей смертности; у лавочниковъ, купцовъ и т. под. 6⁰/₀, у бѣдныхъ классовъ 26 — 28⁰/₀. Въ Дублинѣ дѣтей рабочаго класса, моложе двухъ лѣтъ, умираетъ до 33—36⁰/₀, а въ дурныхъ квартирахъ даже 50⁰/₀ (Willis), между тѣмъ, какъ въ богатыхъ классахъ Англіи 82⁰/₀ достигаетъ десяти-лѣтняго возраста. О смертности между незаконнорожденными дѣтьми воспитательныхъ домовъ мы говорили въ предъидущей статьѣ.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ здоровье и долговѣчность народа находится въ тѣсной зависимости отъ всѣхъ условій жизни, и въ особенности отъ матеріальнаго довольства. Въ этомъ отношеніи плоды цивилизаціи въ образованной Европѣ ясно обнаружили въ улучшеніи общаго здоровья и долговѣчности. Это улучшение шло и идетъ рука объ руку съ улучшеніемъ промышленной и общественной жизни, съ увеличеніемъ средствъ къ жизни и народнаго благосостоянія и наконецъ съ развитіемъ народной нравственности. Средняя долговѣчность въ средніе вѣка была не болѣе 18 лѣтъ, а въ прошломъ столѣтіи немного болѣе 20 лѣтъ, нынѣ же въ образованной и свободной Европѣ она доходитъ до 38—45 лѣтъ. Прежде изъ 20 жителей ежегодно умиралъ одинъ, нынѣ же умираетъ одинъ изъ 50—60. Вотъ какіе плоды приносить добросовѣстная забота о народномъ благѣ.

Если мы примѣнимъ теперь все сказанное къ разбираемому вопросу о вымираніи племенъ, то ясно увидимъ причину вымиранія. Выраженіе, что слабая раса, существуя вмѣстѣ съ расой сильнѣйшей, вытѣсняется этой послѣдней и вымираетъ, должно понимать въ томъ смыслѣ, что при такомъ существованіи на долю сильной расы обыкновенно выпадаютъ всѣ выгоды, а на долю слабой всѣ неудобства жизни. При эксплуатаціи слабыхъ

сильными, естественно, вся тяжесть физическаго труда, всѣ лишенія жизни падаютъ на первыхъ, оттого не только не можетъ быть равномерности въ прибыли народонаселенія тѣхъ и другихъ, но въ угнетенной расѣ цифра смертности будетъ превышать цифру рожденія. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени и пропорціонально со степенью угнетенія и эксплуатаціи, раса мало по малу уменьшается въ числѣ и наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, точно также, какъ вытѣсняются слабыя растенія и животныя, существуя на одной почвѣ съ другими, болѣе обеспеченными, одаренными большими средствами для поддержанія себя и распространенія рода. Если бы первыя существовали на той же почвѣ и при тѣхъ же естественныхъ условіяхъ, но безъ вмѣшательства послѣднихъ, то размноженіе ихъ не прекращалось бы, такъ какъ въ этомъ случаѣ они одни пользовались бы тѣми средствами, какія существуютъ на данной почвѣ для ихъ размноженія. Поэтому напр. тѣже негры, существуя независимо отъ бѣлыхъ, не вымираютъ а размножаются по общимъ законамъ приращенія чело-вѣчества. Поэтому бѣдные, ослабленные классы, безъ эксплуатирующаго вмѣшательства богатыхъ и сильныхъ размножались бы гораздо успѣшнѣе, точно также, какъ по очищеніи сорныхъ травъ съ полей и огородовъ, насаженныя растенія, получая вслѣдствіе этого больше питанія, начинаютъ расти быстрѣе и роскошнѣе. Слѣдовательно, чѣмъ равномернѣе будетъ распредѣленіе народнаго богатства и сословныхъ правъ и преимуществъ, чѣмъ меньше въ обществѣ будетъ эксплуатирующихъ паразитовъ, тѣмъ съ большей гармоніей, съ большимъ успѣхомъ будутъ развиваться народныя силы, тѣмъ больше сословія будутъ защищены отъ ослабленія и вырожденія.

большимъ господствующимъ мы видимъ почти повсюду, гдѣ возникало новое государство на развалинахъ стараго, отживающаго, гдѣ одна сильнѣйшая нація начинала господствовать надъ слабѣйшей.

Такимъ образомъ, мы указали на одинъ порядокъ вырожденія племенъ, порядокъ, который можно назвать *перерожденіемъ или поглоченіемъ одного племени другимъ*. Онъ, какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго, можетъ существовать только при тѣхъ условіяхъ, когда между племенами существуетъ извѣстная степень сближенія, не препятствующая взаимнымъ бракамъ. Слѣдовательно, переходу одного племени въ другое будутъ содѣйствовать: равноправность и единство религіи. Перерожденію или поглоченію племени содѣйствуютъ: потеря политической свободы и нравственная подчиненность націи или племени.

Теперь мы обратимъ вниманіе на другой порядокъ вырожденія, порядокъ гибельный, къ стыду человѣчества существующій до сихъ поръ въ большихъ размѣрахъ и зависящій большею частию отъ гнусной тиранніи, порабощенія, бѣдности, нравственнаго паденія, — мы говоримъ о вымираніи племенъ.

Извѣстно, что чѣмъ ниже стоитъ народъ на уровнѣ человѣческаго развитія, чѣмъ больше въ немъ нечестивости и пороковъ, чѣмъ несчастіе его матеріальный бытъ, тѣмъ больше смертности въ этомъ народѣ. Это показываютъ статистическія цифры не только относительно тѣхъ несчастныхъ народовъ, которые, вслѣдствіе своего извращеннаго соціальнаго положенія, такъ сказать, обречены на вырожденіе, напр. негры, но и относительно народовъ всѣхъ другихъ странъ, стоящихъ на различныхъ уровняхъ цивилизаціи. Въ Нью-Йоркѣ напр. между свободными жителями ежегодно умираетъ 1 изъ

36—40, тогда какъ между неграми, находившимися въ рабствѣ, умираетъ 1 изъ 18. Въ англійскихъ, французскихъ и другихъ колоніяхъ между рабами больше умираютъ, чѣмъ рождаются на свѣтъ. Напротивъ въ Доминго, съ тѣхъ поръ, какъ неграмъ предоставили независимость, число ихъ удвоилось. Вообще можно сказать, что народонаселеніе увеличивается смотря по средствамъ къ существованію; у каждаго народа дѣти рождаются и остаются въ живыхъ только соразмѣрно количеству пищи. Слѣдовательно, чѣмъ богаче страна, чѣмъ независимѣе и обезпеченнѣе положеніе ея жителей, тѣмъ больше рождается и подрастаетъ дѣтей; напротивъ, при недостаткѣ средствъ пропитанія и вообще при несчастіяхъ страны число рожденныхъ уменьшается, а смертность увеличивается. Замѣчено даже, что въ цивилизованныхъ странахъ вслѣдъ за неурожаями, войнами, повальными болѣзнями и пр. родовъ бываетъ меньше, чѣмъ въ другое, болѣе счастливое время. Если мы сравнимъ общую смертность въ европейскихъ странахъ по классамъ и сословіямъ, то увидимъ, что она распредѣляется неравномѣрно, именно въ прямой зависимости отъ матеріальнаго довольства и рода занятій. Въ Англии, средняя долговѣчность высшихъ и образованныхъ слоевъ равняется 58 годамъ, тогда какъ у бѣдныхъ и рабочихъ классовъ — 30 лѣтъ. Въ Пруссіи предполагаютъ среднюю продолжительность жизни 24 года, а въ Россіи только 11 лѣтъ (Касперъ). Но еще рѣзче разница между долговѣчностію и смертностію дѣтей въ различныхъ классахъ народонаселенія. Статистическія свѣдѣнія всѣхъ странъ показываютъ, что бѣдность и горе на дѣтей дѣйствуютъ самымъ губительнымъ образомъ. Въ Лондонѣ, между *gentry* (образованные и обезпеченные классы) смертные случаи у дѣтей моложе 10-ти лѣтъ соста-

Что касается до того вопроса: возможна ли такая гармонія въ сложныхъ человѣческихъ обществахъ,—то рѣшеніе его сюда не относится. Для насъ достаточно указать на ту общественную язву, которая подтачиваетъ жизнь цѣлыхъ сословій, даже цѣлыхъ расъ (цвѣтныхъ), достаточно указать на видимую и сознаваемую опасность, а какимъ образомъ предотвратить эту опасность или уменьшить ее,—это уже вопросъ не естественно-историческій, а соціальный. Во всякомъ случаѣ разумное общество должно сознавать и сознаеть, что угнетаемые классы нуждаются не въ соболѣзнованіи объ ихъ безпомощномъ положеніи, а въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ, которыя бы поддержали ихъ и предотвратили грозящее имъ вырожденіе. Если бы мы сказали, даже на основаніи историческихъ фактовъ, что низшая раса обречена на гибель самою природою и успокоились на этомъ, то мы бы погрѣшили и противъ истины, и противъ человѣчества. Если мы до сихъ поръ видѣли, что бѣлая раса вездѣ поработала и вытѣсняла цвѣтныя, крѣпостное сословіе страдало отъ помѣщиковъ, то въ этомъ виновата не природа и не судьба, а кровожадные наклонности самого человѣка. Обуздать эти наклонности, защитить слабыхъ передъ сильными, по возможности уравновѣсить права и средства на существованіе,—это не такія вещи, которыя могли бы считаться совершенно неудобноисполнимыми, а напротивъ стремленіе къ ихъ выполненію есть святая обязанность всякаго, кто только можетъ помочь въ этомъ словомъ или дѣломъ. Мы увѣрены, что одно уничтоженіе невольничества въ Америкѣ рѣзко отразится на прибыли чернаго народонаселенія, какъ это было уже замѣчено и прежде, напр. въ С.-Доминго. Вмѣстѣ съ тѣмъ при улучшеніи матеріальнаго быта и нравственности—необходимыхъ спутниковъ

свободы, не только число роженій, но и средняя продолжительность жизни негровъ значительно возвысится. Если по уничтоженіи невольничества нельзя еще ожидать уничтоженія экономической зависимости, то эта послѣдняя во всякомъ случаѣ не будетъ равносильна рабству. Она существуетъ всюду, но, представляя много переходныхъ ступеней къ самостоятельному и обеспеченному быту и нравственному развитію, гораздо болѣе защищаетъ расу отъ вымиранія, чѣмъ рабское состояніе. Во всякомъ случаѣ, если отживающимъ или слабымъ народамъ суждено исчезнуть съ лица земли, то гораздо лучше, когда такое исчезаніе совершается не путемъ рабства и вымиранія, а путемъ *перерожденія*, что мы дѣйствительно видимъ на отживающихъ народахъ образованной Европы и чего вправѣ желать и ожидать и для цвѣтущихъ расъ, если онѣ, при возстановленныхъ человѣческихъ правахъ, будутъ поставлены приблизительно въ такія же условія.

До сихъ поръ мы говорили только о вырожденіи племенъ и націй, но тоже самое случается, хотя и при другихъ условіяхъ, въ болѣе ограниченныхъ кругахъ, въ сословіяхъ и отдѣльныхъ породахъ. Поочередное возвышеніе и угасаніе фамилій, процвѣтаніе и паденіе привилегированныхъ сословій во всѣ времена представляло явленіе довольно обыкновенное и всѣмъ извѣстное. «Il y a dans le monde, пишетъ Michel Cervantes, deux sortes de races; l'une tire son origine des rois et des princes, mais peu à peu le temps et la mauvaise fortune l'ont fait déchoir, et elle finit en pointes, comme les pyramides; l'autre, partie de bas, a toujours été en montant, jusqu'à faire naître de très grands seigneurs, de manière que la différence qui existe entre elles, c'est que l'une a été ce qu'elle n'est plus, et que l'autre est ce qu'elle n'était pas»

Фактъ вырожденія старыхъ аристократическихъ фамилій былъ замѣченъ еще Аристотелемъ. Этотъ философъ говоритъ о потомкахъ Солона и Алкивиада, которые выродились до такой степени, что всѣ члены, составившіе продолженіе этихъ знаменитыхъ фамилій были или глупцы, или помѣшанные. Тоже самое говорятъ историки относительно египетскихъ и сирійскихъ царей, которые, не желая смѣшать свой родъ съ обыкновенными смертными, имѣли дурной обычай жениться на близкихъ родственницахъ. Изъ этого выходило то, что царственные династіи, думавшія въ самихъ себѣ найти безконечное продолженіе рода и поддержаніе величія, этимъ самымъ довели себя до количественнаго и качественного ничтожества. Вырожденіе испанскихъ грандовъ есть фактъ общеизвѣстный. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія французскіе писатели говорили, что при видѣ толпы людей, составлявшихъ высшую испанскую аристократію, казалось, что находишься въ обществѣ больныхъ». Маркизь Мирабо въ своемъ «*Ami des hommes*» третируетъ этихъ господъ какъ пигмеевъ, сравнивая ихъ съ сухими и дурно-питающимися растеніями. Венеціанскіе патриціи, записанные когда-то въ золотую книгу, съ теченіемъ времени измелъчали и выродились. Французскіе аристократы XVIII столѣтія, по свидѣтельству историковъ, къ началу слѣдующаго вѣка почти всѣ выродились, а остатокъ ихъ не имѣлъ достаточно ни ума, ни силы, чтобы противодѣйствовать своему видимому паденію.

Примѣры такого вырожденія аристократическихъ фамилій и вообще привилегированныхъ классовъ можно видѣть всюду, гдѣ только эти классы представляли замкнутые круги. Наблюдательный читатель, вѣроятно, подмѣтилъ это и въ современномъ обществѣ, именно въ тѣхъ изолированныхъ кастахъ, которыя тщательно за-

щищаютъ себя отъ помѣси съ другими слоями общества. Какъ прежде въ этомъ отношеніи помогала феодальная система, такъ и теперь содѣйствуютъ вырожденію аристократическіе принципы, по которымъ право происхожденія считается выше всѣхъ правъ личности. Въ силу такого исключительнаго поклоненія аристократизму, лица, принадлежащія къ этому кругу, при брачныхъ сочетаніяхъ имѣютъ въ виду не интеллектуальныя и физическія качества, а знатность происхожденія. Все равно, если бы даже потомокъ знаменитаго рода носилъ отпечатокъ идиотизма, его предпочтутъ личному таланту. Такимъ образомъ распространяются и перепутываются родственные круги, зараженные одними и тѣми же нравственными недостатками. При отсутствіи помѣси и подновленія рода, эти недостатки растутъ прогрессивно и даютъ цѣлому сословію особенный отпечатокъ нравственнаго безсилія и пустоты. Если такой порядокъ замкнутаго размноженія будетъ продолжаться долго, если въ привилегированный кругъ не будетъ доступа свѣжимъ силамъ изъ другой среды, то дѣло обыкновенно кончается полнымъ вырожденіемъ: каста губитъ самую себя, какъ это случилось съ испанскими грандами.

Такая атрофія, такое самоубійство расы совершается исподволь; поэтому лица, участвующія въ этомъ, не замѣчаютъ своего самоуничтоженія. Помѣшанныя на виѣшности и на правахъ своего рожденія, они не видятъ ничего далѣе этихъ правъ, воображая, что съ именемъ знаменитаго предка они получили и его доблести. Жизнь ихъ обезпечена богатыми наслѣдствами, самолюбіе удовлетворено знатнымъ происхожденіемъ, вслѣдствіе чего они не имѣютъ достаточнаго побужденія для умственнаго труда. Поэтому мозгъ ихъ современемъ теряетъ воспріимчивость и становится мало производительнымъ,

ВЛІЯНІЕ КРОВНЫХЪ БРАКОВЪ.

Вопросъ о вліяніи кровныхъ браковъ на потомство съ самаго давняго времени занималъ и законодателей, и врачей, и всѣ общества. Если въ старыя времена въ кровосмѣшеніи и не видѣли физиологической причины вырожденія человѣческаго рода, то все-таки смотрѣли на него какъ на явленіе противоестественное, порицаемое гражданскими и религіозными законами и народными обычаями. Моисей въ этомъ отношеніи даетъ своему народу такія правила. «Человѣкъ ко всякому ближнему плоти своя да не приступитъ открыти срамоты. Срамоты дщери сына твоего, или дщери дщери твоея, да не открывеши срамоты ихъ, яко твоя срамота есть. Срамоты сестры отца твоего да не открывеши, своя бо отцу твоему есть. Срамоты сестры матери твоей да не открывеши, своя бо матери твоей есть. Срамоты брата отца твоего да не открывеши, и къ женѣ его да не внидеши, сродникъ бо ти есть. Срамоты невѣстки твоея да не открывеши, жена бо сына твоего есть, да не открывеши срамоты ея. Срамоты жены брата твоего да не открывеши, срамота брата твоего есть. Срамоты жены и дщери ея да не открывеши, дщере сына ея, и дщере дщери ея да не поймеша открыти срамоты ихъ, ближніи бо ти суть, нечестіе есть. Сестру жены твоея да не поймеша въ наложницу, открыти срамоту ея передъ нею, еще живѣ сущей ей» и пр. (Кн. Левитъ, гл. XVIII).

Въ первые вѣка христіанства на этотъ вопросъ обратили еще больше вниманія. При аскетическомъ взглядѣ на жизнь, духовные писатели этого времени старались по возможности расширить кругъ препятствій для бра-

косочетанія. Поэтому въ каноническихъ постановленіяхъ явилось запрещеніе браковъ не только между кровными, но даже между духовными родственниками. Первые христіанскіе императоры (Феодосій Великій) ввели эти постановленія въ гражданскую жизнь въ формѣ положительныхъ законовъ, которые, съ нѣкоторыми измѣненіями, соблюдаются и по настоящее время во всѣхъ христіанскихъ странахъ. Тѣже самыя ограниченія, хотя и въ меньшей степени, существовали у римлянъ-язычниковъ, существуютъ и теперь у народовъ другихъ вѣроисповѣданій: у магометанъ, народовъ Индостана, у многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ. Вообще можно сказать, что въ человѣкѣ существуетъ родъ инстинкта, противодействующаго кровосмѣшенію въ близкихъ степеняхъ родства. Будемъ ли мы смотрѣть на этотъ инстинктъ, какъ на инстинктъ природы, или какъ на слѣдствіе вѣковыхъ обычаевъ, во всякомъ случаѣ онъ существуетъ. Въ силу его половыя сношенія въ первыхъ степеняхъ родства всѣмъ народамъ казались омерзительными, подобно другимъ крайнимъ извращеніямъ половыхъ отпавленій.

Въ послѣднее время, особенно съ 1859 г., вопросъ о кровныхъ бракахъ обратилъ на себя серьезное вниманіе ученыхъ, сталъ разсматриваться съ естественно-исторической точки зрѣнія, вслѣдствіе чего въ наукѣ пріобрѣтено столько положительныхъ фактовъ, что на этотъ вопросъ можно смотрѣть уже не съ религіозной или философской, а чисто съ научной точки зрѣнія. Однако же до сихъ поръ мы не можемъ еще сказать, чтобы вопросъ о кровныхъ бракахъ былъ разрѣшенъ окончательно. Онъ только приближается къ разрѣшенію. Многочисленные факты, собранные объ этомъ предметѣ въ послѣднее время, могутъ подтвердить старое мнѣніе объ опасности

а въ замѣнъ того приобрѣтаются такія наслѣдственныя привычки, которыя идутъ въ ущербъ умственному развитію и нравственнымъ качествамъ. Воспримчивость къ умственному развитію, какъ мы говорили выше въ статьѣ о наслѣдственности, передается отъ родителей къ потомству; слѣдовательно чѣмъ дольше въ извѣстномъ замкнутомъ кругѣ будетъ пренебрегаться самостоятельная умственная дѣятельность, тѣмъ нисходящій родъ будетъ слабѣе въ этомъ отношеніи.

Что касается до физическихъ качествъ, то съ перваго разу кажется, что они у аристократическихъ родовъ не только не ухудшаются, а напротивъ совершенствуются. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, можно встрѣтить чистокровныя породы, фамилыя тонкія черты лица, особенно *nez de case*, усовершенствованныя руки и ноги. Женщины здѣсь большею частію представляютъ послѣднюю степень тонкости, нѣжности и деликатности сложения. Мужчины не рѣдко отличаются стройнымъ станомъ и рослостію. Все это было замѣчено даже на угасающихъ аристократическихъ породахъ, напр. во французской гвардіи и при французскомъ дворѣ до первой революціи. Но эта красота, эта аристократическая чистокровность и тонкія черты не указываютъ еще на улучшеніе породы, даже въ физическомъ отношеніи; потому что усовершенствованіе здѣсь касается только внѣшности и большею частію не гармонируетъ съ фізіологическими отправлениями органовъ. Точно также, какъ англійская скаковая лошадь, мошанская порода овецъ, беркширская порода свиней, маленькія комнатныя собаченки и проч. никакъ не могутъ считаться за зоологическіе образцы этихъ животныхъ, и аристократическій типъ, усовершенствованный исключительно въ смыслѣ красоты и нѣжности, не можетъ считаться образцомъ физическаго усо-

вершенствованія человѣка. Если помянутыя животныя вслѣдствіе развитія въ нихъ спеціальныхъ качествъ, большею частію идущихъ въ ущербъ общему здоровью и крѣпости, цѣнятся хозяевами очень высоко, то это зависитъ отъ спеціальнаго назначенія этихъ животныхъ, Вслѣдствіе этого свинья, до безобразія оплывшая жиромъ, или изнѣженный рысакъ, пригодный не для пользы, а только для удовольствія и тщеславія человѣчака, считаются лучше здоровой и крѣпкой хозяйственной лошади и обыкновенной свиньи. Въ человѣческомъ же родѣ такихъ спеціальныхъ цѣлей для усовершенствованія и слѣдовательно исключительной заботы о своемъ породистомъ носѣ, рукахъ, ногахъ и пр. существовать не должно.

Граціозныя формы и тонкія черты могутъ считаться совершенствомъ въ такомъ только случаѣ, когда онѣ составляютъ не исключительную задачу улучшенія породы, когда развитіе ихъ не идетъ въ ущербъ физиологическому отпращиванію и гармоническому развитію болѣе существенныхъ и важныхъ органовъ. Развивать однѣ внѣшнія формы чисто съ эстетической цѣлію, — значитъ содѣйствовать вырожденію породы, точно также, какъ подобное вырожденіе мы должны признать въ зоологическомъ смыслѣ и за вышеупомянутыми животными, хотя они и считаются въ хозяйственномъ отношеніи усовершенствованными.

Теперь намъ слѣдуетъ разобрать въ частности тѣ условія, которыя содѣйствуютъ вырожденію человѣческихъ породъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ мы поставимъ родственные браки.

ная, особенно если при этомъ взять во вниманіе несо-
размѣрную пропорцію родственныхъ и не родственныхъ
браковъ во Франціи.

Будэнъ *) представилъ подобныя статистическія цифры
еще въ большихъ размѣрахъ. Онъ прослѣдилъ 95 глу-
хонѣмыхъ отъ рожденія въ парижскомъ институтѣ, прои-
сходящихъ отъ родственниковъ и неродственниковъ бра-
ковъ, и нашелъ пропорцію между ними какъ 28: 100.
Сравнивая эти результаты съ общей статистикой кров-
ныхъ браковъ въ Европѣ относительно браковъ не род-
ственниковъ (*Будэнъ* принимаетъ среднимъ числомъ на
100 браковъ около 2 браковъ кровныхъ), авторъ при-
ходитъ къ тому заключенію, что помянутая болѣзнь при
кровосмѣшеніи развивается въ 12—15 разъ чаще, чѣмъ
отъ браковъ неродственниковъ. При этомъ нужно еще
прибавить, что большая часть глухонѣмыхъ, которые
были взяты въ расчетъ, имѣютъ такихъ же братьевъ
и сестеръ, что можетъ почти удвоить вышеуказанную
пропорцію.

Другіе изслѣдователи представили относительно глу-
хонѣмыхъ отъ кровныхъ браковъ подобныя же пропор-
ціи, именно Perrin, въ Лионѣ, 25 на 100, Rigoux въ
Нанси, 21 на 100, и Brochard 29 на 100. Эти цифры,
собранныя различными авторами и въ различныхъ мѣ-
стахъ, цифры одинаково показывающія громадную несо-
размѣрность глухонѣмыхъ отъ родственниковъ и неродствен-
ныхъ браковъ сравнительно съ пропорціей этихъ бра-
ковъ вообще, — не могутъ не служить убѣдительнымъ

*) Boudin, Dangers des unions consanguines et nécessité des
croisement dans l'espèce humaine et parmi les animaux. (Annales
de hygiène publique et de médecine légale, juillet, 1862).

доказательствомъ, что глухонѣмота весьма часто составляетъ результатъ кровосмѣшенія.

Будэнъ, не ограничиваясь вышеприведенными общими цифрами, представилъ другую таблицу, въ которой статистически показываетъ связь глухонѣмыхъ съ различными степенями родства. Изъ этой таблицы видно, что если число глухонѣмыхъ, родившихся отъ брака нормальнаго, принять за единицу, то опасность глухонѣмоты для браковъ между двоюродными братьями и сестрами, возрастаетъ до 18, для браковъ между дядями и племянницами до 37 и для браковъ между племянниками и тетками опасность глухонѣмоты равняется 70.

Докторъ Баклэ, находясь при французскомъ войскѣ, расположенномъ въ Римѣ, сообщилъ парижской академіи наукъ статистическія свѣденія относительно глухонѣмыхъ. Эти свѣденія получены отъ директора института глухонѣмыхъ въ Римѣ. Изъ 33 глухонѣмыхъ, 3 родились отъ кровныхъ браковъ, а у 10 родители не были въ родственныхъ отношеніяхъ; у 14-ти глухонѣмота развилась вслѣдствіе различныхъ болѣзней и у 6-ыхъ отъ причинъ неопредѣленныхъ. Между глухонѣмыми отъ кровныхъ браковъ исторія одного мальчика очень замѣчательна. Бабушка его, будучи еще въ дѣвцахъ, родила дочь и тотчасъ же отдала ее въ воспитательный домъ. Спустя нѣкоторое время, она вышла замужъ и родила еще мальчика. Жалѣя о первомъ ребенкѣ, она упросила своего мужа взять къ себѣ на воспитаніе одну дѣвочку изъ воспитательнаго дома, и, какъ думаютъ, ея выборъ естественно палъ на ея первую незаконорожденную дочь. Впослѣдствіи времени эта усыновленная дѣвчушка вышла замужъ за своего брата. Отъ этого брака первые четыре раза дѣти родились мертвыми; послѣ пятой беременности родился помянутый выше, глухонѣмой

кровныхъ браковъ, особенно въ человѣческомъ родѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя умолчать и о томъ, что при разборѣ этого вопроса явилось нѣсколько жаркихъ противниковъ, вооружившихся противъ такого догматическаго рѣшенія, принимавшагося во всѣ времена законодателями, гигиенистами и патологами. Это новое мнѣніе, родившееся преимущественно въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ, мнѣніе, по которому родственные браки считаются не только безвредными, но даже полезными, если бы даже оно было неосновательно, по справедливости требуетъ такого же внимательнаго разбора. Поэтому мы изложимъ сперва тѣ научныя основанія и доводы, по которымъ родственные браки считаются вредными, а потомъ и доводы противниковъ этого мнѣнія.

Мы уже сказали, что во всѣ времена и у большей части народовъ кровные браки въ извѣстныхъ степеняхъ запрещались нравственными и редигозными законами. Основаніе этого запрещенія по всей вѣроятности лежало въ томъ, что и въ прежнія времена были подмѣчаемы неблагоприятныя послѣдствія такихъ браковъ на потомствѣ. Во всякомъ случаѣ еще очень давно, въ старыхъ сочиненіяхъ по части гигиены и нравственности, можно встрѣтить указанія, гдѣ вредъ отъ родственныхъ браковъ разсматривался съ гигиенической точки зрѣнія, такъ какъ такіе браки считались за причину многихъ болѣзней и неправильностей сложенія. Съ теченіемъ времени, особенно въ послѣдніе годы, фактовъ, относящихся къ этому вопросу, накопилось столько, что на основаніи ихъ можно произнести мнѣніе о кровныхъ бракахъ не по предчувствію, не на основаніи догадокъ и редигозныхъ убѣжденій, а на болѣе или менѣе прочныхъ научныхъ началахъ. Эти факты такъ важны и убѣдительны, что мы считаемъ не только умѣстнымъ, а даже не-

обходимымъ передать ихъ здѣсь, на сколько это возможно въ журнальной статьѣ.

Авторы, занимавшіеся преимущественно этимъ вопросомъ въ послѣднее время и осуждавшіе кровные браки (Francis Devay, Chazarain, Boudin и пр.), основывали свое мнѣніе какъ на отдѣльныхъ наблюденіяхъ, такъ и на общихъ статистическихъ выводахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ оказывалось, что послѣдствіями такихъ браковъ на потомствѣ очень часто бываютъ: глухонѣмота, идиотизмъ, альбинизмъ, различные недостатки сложенія и уродливости, слабость развитія, уменьшеніе плодородія, расположеніе къ выкидышамъ и пр.

Глухонѣмота, какъ послѣдствіе кровныхъ браковъ, обратила на себя особенное вниманіе наблюдателей, такъ какъ она встрѣчалась гораздо чаще и могла быть наблюдаема отчетливѣе, чѣмъ другіе недостатки. Докторъ Menièr, состоящій при институтѣ глухонѣмыхъ въ Парижѣ, замѣтилъ, что врожденная глухонѣмота весьма часто совпадаетъ съ кровосмѣшеніемъ. Послѣ того какъ на такое совпаденіе обращено было особенное вниманіе, число такихъ наблюденій увеличивалось съ каждымъ днемъ. Chazarain, бывшій профессоръ въ институтѣ глухонѣмыхъ въ Бордо, представилъ 18 наблюденій, гдѣ эта болѣзнь была слѣдствіемъ кровныхъ браковъ въ различныхъ степеняхъ. Въ представленномъ имъ сочиненіи ¹⁾ онъ выводитъ такое статистическое заключеніе, что въ бордосскомъ институтѣ число глухонѣмыхъ, происходящихъ отъ кровныхъ браковъ, составляютъ 30⁰/₀ всего числа глухонѣмыхъ отъ рожденія. Пропорція поразитель-

¹⁾ Chazarain, du mariage entre consanguins considéré comme cause de dégénérescence organique et particulièrement de surditité congéniale (thèse de Montpellier, 1859).

мальчикъ, шестой ребенокъ вышелъ карликомъ, седьмой теперь имѣеть 11 лѣтъ и повидимому здоровъ. (*Gazette médic. de Paris* 1863 № 49 p. 804).

Въ Америкѣ относительно вліянія кровныхъ браковъ на потомство сдѣлалъ изслѣдованіе *Morris*. Въ представленной имъ общей таблицѣ онъ собралъ результаты 883 кровныхъ браковъ, отъ которыхъ родилось 4,013 дѣтей. При этомъ средняя пропорція дѣтей, имѣвшихъ различные пороки сложенія, была 61 на 100. Въ частности отъ родственныхъ браковъ въ третьемъ колѣнѣ эта пропорція=40 на 100; для браковъ между двоюродными родственниками 67 на 100, для браковъ между дядями и племянницами, или племянниками и тетками 81 на 100 и для кровосмѣшенія въ болѣе близкихъ степеняхъ родства 96 на 100.

Докторъ *Либрейхъ* ¹⁾ въ Берлинѣ сдѣлалъ изслѣдованія надъ берлинскими евреями. Извѣстно, что въ этомъ народѣ, по причинѣ его малочисленности и большей терпимости законовъ бракосочетанія, кровные браки заключаются гораздо чаще, нежели у народовъ христіанскихъ. Поэтому и глухонѣмота между евреями встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ между другими народами. Изъ 341 глухонѣмыхъ, находящихся въ берлинскомъ институтѣ, было 42 еврея. Если взять пропорцію этихъ больныхъ на число жителей христіанскаго вѣроисповѣданія, то она оказывается 6 на 10,000 жителей, или одинъ глухонѣмой на 1,477 христіанъ, между тѣмъ какъ для евреевъ эта пропорція возрастаетъ до 0,0027, или одинъ глухонѣмой на 368 евреевъ. Такая же несоразмѣрность распространенія этой болѣзни между евреями и народами христіанскими замѣчена Будэномъ въ парижскомъ

1) *Deutsche Klinik*. Februar, 1861.

институтъ глухонѣмыхъ и докторомъ Gruner Веу'емъ между евреями въ Каирѣ. Наконецъ замѣчено, что въ Америкѣ глухонѣмота встрѣчается несравненно чаще между неграми, нежели между бѣлыми. По мнѣнію Бундэна, это происходитъ вслѣдствіе того, что при рабствѣ, невѣжествѣ и деморализаціи черной расы, неразборчивое смѣшеніе половъ, родственные браки и кровосмѣшенія происходятъ чаще, чѣмъ у народовъ нравственно развитыхъ. Ramon de la Sagra въ 1844 г. сообщилъ таблицу частности появленія глухонѣмоты въ различныхъ провинціяхъ Соединенныхъ штатовъ между бѣлыми жителями и неграми, изъ которой видно, что между послѣдними эта болѣзнь встрѣчается въ 91 разъ чаще, нежели между первыми. Таблица эта такъ замѣчательна, что мы считаемъ нелишнимъ привести ее здѣсь:

Глухонѣмота въ народонаселеніи

Названіе провинцій.	бѣломъ .	цвѣтномъ.
Maine	1: 2252	1: 104.
New Hamsphire.	1: 1569	1: 60.
Vermont	1: 2157	1: 365.
Massachussets	1: 2670	1: 500.
Ohio	1: 2687	1: 526.
Michigam	1: 6824	1: 353.
Indiana	1: 2285	1: 478.
Illinoise	1: 3046	1: 163.
Iowa.	1: 4292	1: 47.

Такую поразительную несоразмѣрность въ распредѣленіи глухонѣмоты между бѣлой и цвѣтной расами, Devau объясняетъ вліяніемъ рабства. «Всему міру извѣстно, говоритъ онъ, что такое рабъ. Это существо, мужчина или женщина, составляющее собственность другого человека, какъ и та земля, которую рабы воздѣлываютъ,

поливая своими слезами и потомъ. Рабъ обязанъ не только выполнять всѣ желанія своего властелина, но и удовлетворять всѣмъ его капризамъ. При такихъ условіяхъ необузданный господинъ сплошь и рядомъ выбираетъ рабынь къ себѣ въ наложницы, и такимъ образомъ производитъ извѣстное число дѣтей—братьевъ и сестеръ по природѣ (по отцу), но совершенно чуждыхъ другъ другу по закону и по общественному положенію. Рожденныя отъ матерей-рабынь, дѣти остаются также рабами, какъ и ихъ матери. Такъ какъ эти дѣти по закону не считаются родственниками, такъ какъ весьма часто они даже не знаютъ, что приходятся другъ другу братьями, то естественно можетъ случиться, что они женятся между собой. Такое же вліяніе могутъ оказывать и купцы, торгующіе рабами. Въ ихъ интересѣ увеличить количество своего товара, поэтому, естественно, что купцы не только не заботятся о предотвращеніи половыхъ сношеній въ близкихъ степеняхъ родства, но напротивъ зачастую сами входятъ въ половыя сношенія со многими негрятянками, производя большее или меньшее число дѣтей. Эти, незнающіе другъ друга, братья и сестры, какъ и въ первомъ случаѣ, легко могутъ жениться другъ на другѣ и размножать глухонѣмыхъ. Наконецъ, при торговлѣ неграми, часто можетъ быть, что дѣти однихъ родителей, разобщенныя между собой, развезенныя по разнымъ мѣстамъ, могутъ снова случайно встрѣтиться въ одной колоніи и, не зная своего единокровнаго происхожденія, вступать въ супружескія сношенія.» Такъ стараются объяснить происхожденіе глухонѣмоты между неграми и это объясненіе, во всякомъ случаѣ, не лишено основанія.

Всѣ вышеприведенные факты показываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что глухонѣмота находится въ

тѣсной связи съ несоблюденіемъ гигиеническихъ правилъ при бракосочетаніи или, точнѣе сказать, съ родственными браками. Что она въ большинствѣ случаевъ не зависитъ отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, это можно прослѣдить на отдѣльныхъ случаяхъ, исторія которыхъ подробно извѣстна, а равнымъ образомъ доказать тѣмъ, что между тѣми народами, гдѣ родственные браки строго воспрещаются, глухонѣмота встрѣчается несравненно рѣже. Въ Китаѣ, на примѣръ, по свидѣтельству Броуна, эта болѣзнь составляетъ величайшую рѣдкость, потому что тамъ запрещаются строго не только родственные браки, но даже браки между лицами, совершенно чужими, но лишь носящими одно имя.

Кромѣ глухонѣмоты, результатомъ кровныхъ браковъ часто бываютъ и многія другія болѣзни, напр. наследственное помѣшательство, идиотизмъ, падучая болѣзнь. Devay, Chazarain, Boudin, Chipault и другіе писатели приводятъ этому много примѣровъ. Esquiroe, Ellis, Spurzheim, Stark и многіе другіе авторы приписываютъ родственнымъ бракамъ причину глупости и идиотизма *grands seigneur*'овъ Франціи и Англии, равно какъ ирландскихъ католиковъ или англійскихъ и шотландскихъ протестантовъ, которые, составляя замкнутые кружки, не допускали у себя достаточнаго подновленія крови. Такое мнѣніе можно подтвердить и статистическими цифрами. Докторъ Howe ⁽¹⁾ прослѣдилъ 17 родственныхъ браковъ, въ близкихъ степеняхъ родства, отъ которыхъ родилось 95-ть дѣтей. Между этими послѣдними было *сорокъ четыре идиота*, 12 имѣли слабое тѣлосложеніе и страдали золотухой, 1 былъ глухой, 1 карликъ и только 37 имѣли болѣе или менѣе удовлетворительное здоровье. Въ

⁽¹⁾ Report made to the legislature of the Massachusests upon idiocy. Boston. 1848.

и въ некоторыхъ случаяхъ отъ такихъ браковъ всѣ дѣти были или идіоты, или золотушные, или слишкомъ слабого сложенія. Въ одномъ семействѣ изъ 8 дѣтей было 5 идіотовъ. Докторъ *Морель* представляетъ много примѣровъ, гдѣ различные виды душевныхъ и нервныхъ болѣзней находились въ тѣсной связи съ кровными браками. Тоже самое подтверждаютъ *Arthaud, Carrier, Guggenbühl, Riffi* и др., наблюдавшіе въ больничной и частной практикѣ совпаденія помѣшательства, глупости, идіотизма и проч. съ кровными браками. Если относительно душевныхъ болѣзней не сдѣлали еще до сихъ поръ такихъ же обширныхъ и точныхъ статистическихъ провѣрокъ, какъ это сдѣлано относительно глухо-нѣмыхъ, то потому только, что врачи заведеній для умалишенныхъ до настоящаго времени не обращали особеннаго вниманія на кровные браки, какъ причину различныхъ формъ помѣшательства, эпилепсін, идіотизма и пр. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти болѣзни являются наследственными. Многочисленные частные примѣры даютъ основаніе думать, что во многихъ случаяхъ помянутыя болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ кровосмѣшенію, которое иногда могло быть даже не у родителей этихъ несчастныхъ больныхъ, а за нѣсколько поколѣній. Какъ вообще наследственные болѣзни, такъ и болѣзни вслѣдствіе кровосмѣшенія иногда появляются черезъ поколѣнія, и проявляются не всегда въ одной и той же формѣ. Девэ приводитъ этому примѣръ, который онъ могъ прослѣдить очень точно, такъ какъ это было въ семействѣ его близкихъ знакомыхъ. *M. L.*, бабушка этого семейства, вышла замужъ за двоюроднаго брата. Отъ этого брака родились мальчикъ и дѣвочка совершенно здоровые и даровитые, какъ и ихъ родители. Дѣвочка, достигши 20 лѣтъ, вышла

замужъ за здороваго молодого человѣка, нѣсколькими годами старше ея, съ которымъ она не состояла ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ. Отъ этой здоровой четы родилась глухонѣмая дѣвочка. Взвѣшивая все обстоятельство жизни, вліяніе среды, обстановку и пр. этой несчастной больной, ни въ чемъ нельзя было отыскать причины ея болѣзни кромѣ родственнаго брака бабушки. Тотъ же авторъ рассказываетъ другой случай подобнаго рода. Въ одномъ богатомъ и высоко-поставленномъ семействѣ, гдѣ родственные браки въ предшествовавшихъ поколѣніяхъ повторялись довольно часто, онъ наблюдалъ 11-лѣтняго мальчика-идіота. Воспитаніе его было совершенно невозможно по причинѣ полного отсутствія способностей. Другіе дѣти въ этомъ семействѣ страдали падуцей болѣзнію. Двоюродный братъ ихъ, очень способный мальчикъ, имѣлъ необыкновенно вспыльчивый, бѣшенный характеръ. Буйный гнѣвъ его очень часто происходилъ безъ всякой видимой причины и не могъ быть объясняемъ дурнымъ воспитаніемъ, а именно его врожденной болѣзненной раздражительностію. Подобныя, но рѣзко выраженные болѣзненные формы, составляющія какъ бы переходъ къ помѣшательству или идіотизму, именно бѣшенный нравъ, самодурство, слабость умственныхъ способностей, странность, эксцентричность характера и пр. въ привилегированныхъ сословіяхъ или вообще тамъ, гдѣ браки заключаются только между извѣстнымъ тѣснымъ кружкомъ, можно встрѣтить очень часто. Не указывая на частные примѣры, мы просимъ читателей порыться въ своей памяти относительно подобныхъ личностей, и каждый, вѣроятно, можетъ вспомнить нѣсколько подобныхъ случаевъ. На эти явленія, тѣмъ болѣе на причины ихъ, обыкновенно обращаютъ мало вниманія, но анализируя эти причины, очень часто приходится

отыскивать ихъ именно въ томъ, что въ породѣ такихъ особъ, если не было близкихъ родственныхъ браковъ, то, по крайней мѣрѣ, не было и подновленія крови. Съ давняго времени замѣчено, что люди, роднящіеся только съ однимъ замкнутымъ кругомъ, тщательно охраняющіе свою кровь отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, этимъ самымъ производятъ на послѣдующихъ поколѣніяхъ деградацию умственныхъ способностей. Такое вырожденіе не сразу обнаруживается идиотизмомъ или помѣшательствомъ, а доходитъ до этого съ извѣстной постепенностію. Какъ на одну изъ промежуточныхъ формъ этого вырожденія можно указать на невоспримчивость или неспособность къ умственнымъ занятіямъ. Это люди безъ призванія, безъ убѣжденія, безъ положительнаго характера; люди, незнающіе или неумѣющіе чѣмъ наполнить свою пустую жизнь, люди, которыхъ если не всегда можно назвать совсѣмъ глупыми, то можно причислить къ обиженнымъ природой относительно умственныхъ способностей. При дальнѣйшемъ вліяніи однѣхъ и тѣхъ же причинъ, при продолжающемся недостаткѣ помѣси крови, угасающая порода перерождается въ помѣшанныхъ или идиотовъ, какъ это было замѣчено выше относительно потомковъ Солона и Алкивіада.

Между послѣдствіями кровныхъ браковъ считаютъ частое появленіе болѣзней органа зрѣнія. На это явленіе обратилъ особенное вниманіе д-ръ Либрейхъ, въ Берлинѣ, въ 1861 году. Изслѣдуя глаза больныхъ помощію глазного зеркала, онъ замѣтилъ, что у глухонѣмыхъ, и преимущественно у евреевъ часто встрѣчается *пигментированная-сытчатая оболочка* (retinitis pigmentosa)—болѣзнь, которая вообще считается весьма

рѣдкой (1). «Одинъ больной, говоритъ Либрейхъ, страдавшій этой болѣзнію, случайно обратилъ мое вниманіе на то, что его отецъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ. Имѣя въ виду это обстоятельство, какъ причину сказанной болѣзни, я впоследствии времени постоянно обращалъ на это вниманіе и нашелъ, что половина страдавшихъ пигментированной сѣтчатой оболочкой происходили отъ кровныхъ браковъ». Авторъ особенно часто встрѣчалъ эту болѣзнь у глухонѣмыхъ. Осматривая глаза, помощію глазного зеркала, у 241 такого субъекта, онъ нашелъ пигментированную сѣтчатую оболочку у 14-ти. Такая пропорція, естественно показалась необыкновенной, потому что названная болѣзнь вообще представляетъ весьма рѣдкое явленіе. Между 14-ю субъектами, у которыхъ она была открыта, 8 были евреи. Трое изъ всѣхъ этихъ больныхъ принадлежали къ разнымъ семействамъ, а 11-ть остальныхъ происходили только изъ трехъ семействъ, именно четверо изъ одного, двое изъ другого и пятеро изъ третьяго. Изъ 14-ти больныхъ съ пораженіемъ сѣтчатой оболочки пятеро были рождены

(1) Такъ называется болѣзнь, при которой глазное дно, именно сѣтчатая оболочка бываетъ усѣяна чернымъ пигментомъ. Одно изъ рѣзкихъ явленій этой болѣзни есть ухудшеніе зрѣнія, несообразное съ степенію освѣщенія, какъ при куриной слѣпотѣ. Поле зрѣнія у такихъ больныхъ бываетъ слишкомъ мало, слѣдовательно, только самая малая часть окружающаго доступна ихъ зрѣнію. Поэтому такіе больные не могутъ свободно ходить и, чтобы составить понятіе объ окружающихъ предметахъ, принуждены послѣдовательно поворачивать голову въ разныя стороны, съ цѣлю привести предметы противъ суженнаго поля зрѣнія. Оттого у одержимыхъ пигментированною сѣтчатую оболочкою глаза находятся въ постоянномъ медленномъ и гармоническомъ движеніи по различнымъ направленіямъ, когда они хотятъ составить понятіе объ окружающемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при retinitis pigmentosa постоянно бываетъ и вечерняя слѣпота.

отъ кровныхъ браковъ, у двухъ относительно происхожденія нельзя было собрать никакихъ свѣдѣній, у семи между родителями не существовало никакого родства. Изъ другихъ 18 случаевъ пигментированной сѣтчатой оболочки, гдѣ не было глухонѣмоты, *восемь* больныхъ родилось отъ кровныхъ браковъ (двоюродныхъ), у пятирехъ родители не состояли въ родствѣ и у пятерыхъ относительно этого не получено никакихъ свѣдѣній. Слѣдовательно, изъ общаго числа—35 больныхъ съ этою болѣзною (3 идіота, 14 глухонѣмыхъ и 18 не пораженныхъ глухонѣмотой), кровные браки ихъ родителей опредѣлены были въ *четырнадцати случаяхъ*, въ двадцати они не существовали и въ девяти были неизвѣстны. Эти цифры показываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что какъ глухонѣмота, такъ пигментированная сѣтчатая оболочка у лицъ, рожденныхъ отъ кровныхъ браковъ, встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ отъ браковъ не родственныхъ. Принимая во вниманіе вышеприведенныя пропорціи, не слѣдуетъ забывать, что число кровныхъ браковъ въ обществѣ встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ число браковъ не родственниковъ.

Альбинизмъ во многихъ случаяхъ можетъ тоже считаться послѣдствіемъ кровныхъ браковъ. Decau къ этому относится такимъ образомъ. «Человѣкъ довольно часто представляетъ примѣры альбинизма. Они чаще встрѣчаются у народовъ малочисленныхъ, разобщенныхъ и полудикихъ, гдѣ супружескія отношенія между родственниками встрѣчаются гораздо чаще. При подобныхъ условіяхъ альбиносы равнымъ образомъ появляются и въ странахъ цивилизованныхъ.» Будэнъ объ этомъ рассказываетъ слѣдующій случай. «Одна дама вышла замужъ за двоюроднаго брата и родила отъ него четверыхъ дѣтей. Изъ нихъ первые двое были близнецы—оба альби-

носы, жившіе только 48 часовъ; третій ребенокъ родился альбиносомъ и прожилъ одинъ годъ и только четвертый не имѣлъ альбинизма и былъ здоровъ.» (с. с. р. 44), Докторъ Bemiss въ одномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, между дѣтьми, рожденными отъ двадцати семи кровныхъ браковъ, насчиталъ *пять* альбиносовъ. Факты случайнаго или искусственнаго произведенія альбинизма, вслѣдствіе кровосмѣшенія, были замѣчены не только на человѣкѣ, но и на животныхъ. Aubé въ этомъ отношеніи представилъ очень много весьма интересныхъ наблюденій (1). «Если, говоритъ онъ, животныя родственныя другъ другу, принуждены бываютъ соединяться между собой, это всегда производитъ на потомкахъ болѣе или менѣе существенныя измѣненія, которыя часто выражаются перерожденіемъ ихъ въ альбиносовъ. Въ особенности это замѣчается у животныхъ теплокровныхъ. Я видѣлъ очень много подобныхъ субъектовъ и *все они произошли вслѣдствіе послѣдовательнаго скрещиванія между близкими родственниками.* У кроликовъ я производилъ этимъ способомъ альбинизмъ даже искусственно, по своему желанію, въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи.» «Бѣлыя мыши и крысы, которыхъ намъ показываютъ на площадяхъ фигляры и шарлатаны, производятся помощію заточеннаго воспитанія» (гдѣ необходимо кровосмѣшеніе). Кромѣ того у Обе представлено очень много другихъ наблюденій надъ различными животными, какъ относительно происхожденія альбинизма, такъ и вообще относительно вырожденія расы путемъ родственныхъ скрещиваній.

(1) Note sur les inconvénients qui peuvent resulter du défaut de croisement dans la propagation des espèces animales. (Société d'acclimatation, 6 fevrier 1837).

Вліяніе кровныхъ браковъ на потомство не ограничивается вышеупомянутыми болѣзнями. Оно можетъ проявляться и проявляется въ другихъ, разнообразныхъ болѣзненныхъ формахъ, въ общемъ результатѣ ведущихъ къ ослабленію и вырожденію породъ. Эти вліянія, какъ уже сказано выше, не всегда могутъ проявляться на первомъ поколѣніи, но иногда обнаруживаются только на поколѣніяхъ послѣдующихъ, и вообще тѣмъ сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ больше въ семействахъ повторялись родственные браки.

Изъ другихъ болѣзненныхъ формъ, помогающихъ вырожденію породы, мы должны обратить наше вниманіе: на уменьшеніе плодородія, различныя уродливости и ослабленіе тѣлосложенія. Докторъ Devaue еще въ 1846 году въ своей *Hygiène des familles*, представилъ 39 наблюдений надъ родственными браками. Изъ 13 семействъ, которыя авторъ зналъ лично: въ двухъ случаяхъ дяди были женаты на племянницахъ, въ трехъ случаяхъ тетки на двоюродныхъ племянникахъ, въ остальныхъ случаяхъ родство было двоюродное или троюродное. Восемь изъ этихъ семействъ были безплодны, несмотря на то, что супруги были, повидимому, совершенно здоровы и лѣта ихъ пропорціональны. Въ четырехъ семействахъ всѣ лѣта были золотушны и развивались очень плохо; кромѣ того изъ нихъ одинъ страдалъ соврожденнымъ *ichthyosi*, а двое другихъ имѣли излишніе пальцы. Изъ остальныхъ 26 наблюдений, заимствованныхъ авторомъ изъ рассказовъ достовѣрныхъ и компетентныхъ людей и самихъ больныхъ, гибельное вліяніе кровныхъ браковъ обнаружилось въ 11 случаяхъ. Въ одномъ изъ нихъ ребенокъ страдалъ падучею болѣзнію, въ трехъ дѣти умерли отъ водянки мозга и отъ конвульсій, въ остальныхъ семи случаяхъ

два брака были бесплодны, отъ остальныхъ дѣти имѣли очень слабое сложеніе.

Впослѣдствіи времени (съ 1846 по 1862 г.) тотъ же авторъ собралъ еще 82 случая достовѣрно прослѣженныхъ кровныхъ браковъ, изъ которыхъ 14 были бесплодны. Присоединивши сюда первые 29 случаевъ, на общее число ихъ, 121, бесплодныхъ браковъ приходится 22. Почти всѣ эти браки были между двоюродными или троюродными родственниками и только въ четырехъ случаяхъ между дядями и племянницами. Бесплодными они считались только въ томъ случаѣ, когда дѣтей не было не меньше какъ въ теченіи десяти лѣтъ послѣ замужества.

Изъ 22-хъ помянутыхъ случаевъ въ 16-ти было абсолютное безплодіе, т. е. не было и зачатія, и въ 6-ти беременность всегда сопровождалась выкидышами въ первыхъ мѣсяцахъ. На общее число 121 приходилось 17 выкидышей. Изъ этого видно, что браки между родственниками вообще могутъ считаться менѣе плодородными. Это обстоятельство можно разсматривать еще какъ явленіе благодѣтельное, потому что такимъ способомъ природа устраняетъ размноженіе уродовъ и несчастныхъ страдальцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это показываетъ, что чѣмъ больше будутъ повторяться въ родѣ родственныя сочетанія, тѣмъ больше шансовъ на уменьшеніе потомковъ. Слѣдовательно, кровные браки не только ослабляютъ и обезображиваютъ поколѣніе, но, содѣйствуя численному его уменьшенію, приводятъ къ совершенному исчезанію цѣлыя фамиліи. Если до сихъ поръ относительно уменьшеннаго плодородія родственныхъ браковъ, численныхъ статистическихъ данныхъ представлено и не очень много, то все-таки, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ и отзывовъ большей части наблюдателей,

хотя и не всегда подтвержденныхъ цифрами, уменьшеніе плодородія можно считать при кровныхъ бракахъ довольно постояннымъ явленіемъ. Это подтверждаютъ намъ и историческіе факты вырожденія фамилій и новыя наблюденія, изъ которыхъ одно мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь.

Г. М. имѣла шестерыхъ дѣтей — двухъ мальчиковъ и 4 дѣвочки. Всѣ они были одинаково здоровы и впоследствии женаты или вышли замужъ, именно: трое за двоюродныхъ родственниковъ и три за постороннихъ. Сравнительная таблица поколѣнія тѣхъ и другихъ показываетъ рѣзкую разницу.

1) Браки родственные.	Число дѣтей.	Смерть ихъ въ раннемъ возрастѣ.
М. А.	11	11
М. А.	8	6
М. С.	5	5
	<hr/> 24	<hr/> 20
2) Браки посторонніе.		
М. V.	6	2
М. А.	7	0
.	6	1
	<hr/> 19	<hr/> 3

Въ сочиненіи Девэ (I. с. р. 144) приведено нѣсколько отдѣльныхъ наблюденій подобнаго рода.

Докторъ Bemiss (1) въ 1857 г. представилъ свои наблюденія относительно 34 кровныхъ браковъ, изъ нихъ 28 были въ третьемъ и 6 въ четвертомъ колѣнѣ родства; изъ 34 браковъ 6 было безплодныхъ и 27 плодо-

(1) Journal of psychological and mental pathology, by Forbes; Winslow, p. 368, avr 1857. On Marriges of consanguinity, by S. M. Bemiss of Louisville.

родныхъ. Отъ нихъ родилось дѣтей 192, изъ которыхъ 58 умерли вскорѣ послѣ рожденія. Изъ остальныхъ 134-хъ, могли считаться болѣе или менѣе здоровыми, 31 имѣли слабое здоровье и сложеніе. Изъ остальныхъ было 23 золотушныхъ, 4 съ падушей болѣзнію, 2 помѣшанныхъ, 2 нѣмыхъ, 4 идіота, 2 слѣпыхъ, 2 урода, 6 альбиносовъ, 6 съ различными недостатками органа зрѣнія и 1 страдалъ пляской св. Витта.

Изъ пороковъ развитія и уродливостей, совпадающихъ съ кровными браками, больше всего было обращено вниманія на *излишество или недостатокъ пальцевъ*. Изъ 121 случая такихъ браковъ, собранныхъ Девэ, этотъ недостатокъ былъ замѣченъ 17 разъ, изъ нихъ у 13-ти больныхъ излишество пальцевъ было на обѣихъ рукахъ. Въ одномъ семействѣ, гдѣ отецъ и мать были родственники въ четвертомъ колѣнѣ, изъ трехъ дѣтей два родились съ лишними пальцами. Недостатокъ пальцевъ встрѣчается гораздо рѣже. Девэ только въ двухъ случаяхъ нашелъ отсутствіе мизинцевъ на рукахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шестипалость является, какъ недостатокъ, свойственный почти всему народонаселенію. Такъ напр., докторъ *Поттонъ* наблюдалъ это въ деревнѣ Изо (Izeaux), въ департаментѣ Isère, которая по своему положенію была совершенно изолирована отъ другихъ селеній. Жители этой бѣдной деревни, предоставленные самимъ себѣ, впродолженіе долгаго времени не вступали въ супружескія сношенія съ сосѣдними жителями, рождались между собой и часто женились на родственницахъ. Вслѣдствіе этого, къ концу прошлаго столѣтія, въ помянутой деревнѣ начало родиться много шестипалыхъ, а въ теченіи 35 — 40 лѣтъ такими сдѣлались почти всѣ жители. Какъ мужчины, такъ и женщины имѣли по 6-му пальцу на рукахъ и на ногахъ. Еще болѣе замѣчатель-

но то обстоятельство, что какъ скоро въ деревню Изо начала проникать помѣсь крови, когда при устроившихся путяхъ сообщенія эти жители стали вступать въ сношенія съ окрестнымъ народонаселеніемъ, излишніе пальцы въ слѣдующихъ смѣшанныхъ поколѣніяхъ начали пропадать. Шестипалость была замѣчена и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ повторялись кровные браки. Французскій хирургъ Бонне говоритъ, что ему часто приходилось дѣлать удаленіе излишняго пальца у дѣтей, во всѣхъ случаяхъ рожденныхъ отъ родственныхъ браковъ.

Кромѣ излишнихъ пальцевъ у дѣтей, рожденныхъ отъ кровныхъ браковъ, были замѣчаемы и другія безобразія и недостатки, какъ напр. заячья губа, раздвоеніе позвоночнаго столба (*spina bifida*), соврожденное искривленіе ногъ (*pes varus et str.*), недостаточное развитіе черепа и пр. Наконецъ, по свидѣтельству Девэ, сюда же слѣдуетъ отнести запоздалое развитіе зубовъ. Онъ наблюдалъ дѣтей, рожденныхъ отъ кровныхъ браковъ, у которыхъ на третьемъ, даже на четвертомъ году, не было еще ни одного зуба. Эти наблюденія подтверждаетъ подобными же фактами и докторъ Олье. Относительно всѣхъ послѣднихъ недостатковъ нужно однакожь замѣтить, что связь ихъ, или, можетъ быть, простое совпаденіе съ кровными браками, требуетъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій статистическими цифрами. Во всякомъ случаѣ слишкомъ позднее прорѣзываніе зубовъ, равно какъ и многіе другіе перечисленные и не перечисленные недостатки, указываютъ на слабость и недостаточное развитіе организма какъ въ утробѣ матери, такъ и послѣ появленія на свѣтъ. Такое ослабленіе во многихъ случаяхъ дѣйствительно можно приписать вліянію кровныхъ браковъ, если при частномъ разборѣ

аннаго случая не отыскивается другихъ причинъ, которыя бы можно было объяснить происхожденіе порока развитія или болѣзни. Кровные браки тѣмъ болѣе можно смѣть при этомъ въ виду, что гибельное, ослабляющее вліяніе ихъ на потомство доказывается многими другими положительными фактами, какъ мы это видѣли выше.

Какъ ни убѣдительно доказательства, подтверждающія вредное вліяніе кровосмѣшенія на потомство, но по долгу справедливости нужно замѣтить, что эти доказательства были собраны и представлены противниками кровныхъ браковъ. Какъ во всякомъ спорномъ вопросѣ, такъ и здѣсь, естественно, могли быть крайнія мнѣнія, глупшіе выводы, перетолковываніе фактовъ въ свою пользу; поэтому необходимо познакомиться и съ доводами противоположной стороны. Сравнивая доказательную силу тѣхъ и другихъ, можно вывести болѣе безпристрастное и болѣе справедливое заключеніе.

Защитники родственныхъ браковъ стараются провести и доказать то мнѣніе, что единокровность сама по себѣ не составляетъ еще источника тѣхъ разнообразныхъ болѣзней и безобразій, какія ей приписываютъ, что вредъ кровныхъ браковъ долженъ быть рассматриваемъ, какъ результатъ болѣзненной наследственности, и что этотъ вопросъ вообще гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ кажется съ перваго взгляда. Это мнѣніе защищалось въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ многими талантливыми и дѣльными людьми. Если они не могли привести достаточно удовлетворительныхъ доказательствъ въ пользу безвредности кровныхъ браковъ, то по крайней мѣрѣ старались критически разобрать доводы своихъ противниковъ, чтобы очистить точное отъ произвольнаго и установить вопросъ на болѣе солидной научной почвѣ.

Основаніемъ мнѣнія безвредности кровныхъ браковъ послужили прежде всего наблюденія надъ животными. Въ самомъ дѣлѣ, многіе ветеринары и агрономы увѣряютъ, что путемъ скрещиванія чистокровныхъ или вообще доброкачественныхъ животныхъ, не смотря на ихъ близкое родство между собой, можно получать вполне доброкачественные продукты и даже усовершенствовать породу. Въ Англии, какъ извѣстно, этимъ способомъ созданы были прекрасныя породы лошадей, крупнаго рогатаго скота, овецъ, собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, доведенныхъ до высшей степени хозяйственнаго совершенства. При этомъ скрещиванія производились между самыми близкими родственниками, напр. между отцомъ и дочерью, сыномъ и матерью, братомъ и сестрой и пр. Этому способу произведенія, получившему названіе *breeding in and in*, обязаны своимъ происхожденіемъ чистокровная аглицкая лошадь, породы дургамскаго быка, динлейскаго барана и пр. Основываясь на этихъ фактахъ, многіе агрономы и ветеринары считаютъ правиломъ производить и размножать породу *въ самой себѣ* на томъ основаніи, что лучшія качества потомковъ при такомъ способѣ не только будутъ сохраняться, но въ ряду слѣдующихъ поколѣній даже усовершенствоваться. Принявши эти факты, повидимому нѣтъ основанія аналогически не примѣнить ихъ и къ человѣческому роду. Поэтому защитники кровныхъ браковъ вывели такой законъ, что *кровосмѣшеніе возвышаетъ наслѣдственность до высшей степени могущества*; оно будетъ благопріятно, если производители-родственники вполне здоровы и доброкачественны и напротивъ вредно, если они имѣютъ тѣ или другіе недостатки, могущіе передаваться наслѣдственно. Всякій недостатокъ, равно какъ и хорошія качества, при кровныхъ бракахъ пере-

дается на потомство тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ ближе родство между производителями (André Sanson). Это мнѣніе, по которому единокровности въ воспроизведеніи потомковъ не придается никакого значенія, а все сводится на наслѣдственность,—во всякомъ случаѣ высказано слишкомъ смѣло и противорѣчитъ многимъ достовѣрнымъ фактамъ. Не только въ человѣческомъ родѣ, но и между животными, повторяющіяся сочетанія родственниковъ влекутъ за собой вредныя послѣдствія. Это ясно видно изъ убѣдительныхъ наблюденій и изслѣдованій многихъ агрономовъ, натуралистовъ и врачей (Gourdon, Gordon, Richard du Cantal, Darwin, Ch. Aubè, Magne d'Alfort, Devay, Boudin, Chirault et cet.). Способъ Баккуэля для произведенія чистокровныхъ породъ путемъ скрещиванія близкихъ родственниковъ (братьевъ и сестеръ, отцовъ и дочерей и пр.), по мнѣнію Гордона, можетъ быть полезенъ для того, чтобы упрочить на породѣ одну какую нибудь особенность животного, цѣнную для хозяина, но никакъ не для усовершенствованія расы въ зоологическомъ смыслѣ. Мы уже говорили выше, что животныя, развитыя съ спеціальной хозяйственной цѣлью, считаются совершенными только относительно той цѣли, которую задали себѣ при ихъ воспитаніи. Большею частію это хозяйственное совершенство есть въ то же время фізіологическій недостатокъ. Обратите вниманіе на породу овецъ, гдѣ качеству шерсти приносятъ въ жертву всѣ другія качества животного,—на породу быковъ и свиней, утратившихъ свои кости въ пользу мяса и жира; эти животныя суть ничто иное, какъ фізіологическіе уроды, выродки первоначальнаго типа. Развитіе преобладающихъ хозяйственныхъ качествъ у нихъ идетъ параллельно съ уменьшеніемъ фізіологическихъ силъ и искаженіемъ чистаго анатомическаго типа. Даже чистокровная аглицкая

скаковая лошадь въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія. «Это совершенно искусственная порода, говоритъ Катрфажъ, создана человѣкомъ исключительно съ тою цѣлю, чтобы быть способной тратить возможно большую силу въ возможно короткое время. Вслѣдствіе этого она совершенно не въ состояніи давать такія услуги, въ которыхъ требуется напряженіе силъ въ теченіи продолжительнаго времени; потому что чистокровный жеребецъ не передаетъ своему поколѣнію только одну свою силу, но и способъ тратить эту силу, свою деликатность, свою нервную раздражительность». Поэтому скаковая лошадь составляетъ предметъ роскоши и удовольствія, а не пользы. Слѣдовательно на образцы англійскихъ формъ нельзя еще указывать, какъ на доказательство пользы кровосмѣшенія. Кромѣ того опыты показываютъ, что и разведеніе животныхъ въ самихъ себѣ требуетъ извѣстнаго ограниченія и осторожности. Если скрещиваніе родственниковъ будетъ повторяться черезъ много поколѣній, то раса неизбежно приходитъ въ ослабленіе и вырождается. Это можно считать общимъ закономъ для животныхъ и человѣка. Всякая чистая порода, безъ подновленія крови, съ теченіемъ времени не только мельчала и теряла свои качества, но и дѣлалась бесплодной. Такъ напр., англійская свинья, привезенная во Францію, черезъ нѣсколько поколѣній перестала давать приплодъ, и сдѣлалась снова плодородной, когда ее начали мѣшать съ мѣстной породой, болѣе тощей и не такъ полезной, но за то болѣе крѣпкой и менѣе удалившейся отъ первоначальнаго типа. Такимъ образомъ, опытъ Баккуэля и его послѣдователей, приводимый защитниками кровныхъ браковъ въ свою пользу, опытъ, повидимому, такъ рѣзко и соблазнительно подтверждающій безвредность кровныхъ браковъ, теряетъ всякое до-

казательное значеніе. Временная польза кровосмѣшенія (на нѣсколькихъ поколѣніяхъ), обнаруживающаяся въ усиленномъ развитіи отдѣльныхъ свойствъ, въ ущербъ общему усовершенствованію организма, можетъ быть примѣнена только къ домашнимъ животнымъ и къ спеціальнымъ цѣлямъ, а никакъ не къ человѣку.

Кромѣ указанія на животныхъ, защитники кровныхъ браковъ приводили въ подтвержденіе своего мнѣнія рядъ отдѣльныхъ наблюденій надъ человѣкомъ, гдѣ такіе браки не сопровождались никакими вредными послѣдствіями. Bourgeois, Périer, Lagneau, Séguin старшій, Dally и пр. сообщили нѣсколько случаевъ, въ которыхъ браки, даже между близкими родственниками, продолжавшіеся послѣдовательно въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, не только были плодородны, но и не вызывали на потомкахъ никакихъ болѣзней или неправильностей сложенія, о которыхъ упоминаютъ Дэве, Шазарень, Будень и пр. Dally собралъ такихъ случаевъ около тридцати, но онъ самъ сознается, что изъ нихъ нельзя вывести никакого заключенія ни за, ни противъ кровныхъ браковъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякому извѣстно, что вредныя послѣдствія кровосмѣшенія, равно какъ и всѣ прирожденныя и наслѣдственныя болѣзни, вовсе не обнаруживаются такъ неизбѣжно и постоянно, чтобы не давали мѣста никакимъ исключеніямъ. Поэтому и противники кровосмѣшенія допускали и допускаютъ, что оно иногда можетъ обходиться безнаказанно, но вопросъ не въ этомъ. Для разъясненія дѣла необходимо показать сравнительную частоту происхожденія болѣзней и безобразій при родственныхъ и неродственныхъ бракахъ. Только изъ такой сравнительной статистики и можно вывести то или другое заключеніе; безъ этого отдѣльные случаи не имѣютъ никакого значенія. Противники кровныхъ бра-

ковъ, какъ мы видѣли выше, подобныхъ аргументовъ привели довольно много и въ большихъ размѣрахъ, слѣдовательно вся доказательная сила была бы на ихъ сторонѣ. Но и здѣсь оппозиціонная партія старалась уменьшить цѣну статистическихъ доказательствъ, высказывая сомнѣніе относительно вѣрности цифръ медицинской статистики вообще и въ частности статистики кровныхъ браковъ. Докторъ Dally съ этою цѣлю написалъ критическую статью (*), въ которой старается доказать, что какъ въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ опасности кровныхъ браковъ, такъ и въ общихъ сравнительно статистическихъ цифрахъ, относительно этого представленнаго Буденомъ, нѣтъ достаточной научной доказательности. Въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, говоритъ онъ, большею частію не достаетъ тѣхъ необходимыхъ подробностей и точнаго анализа, безъ которыхъ нельзя сказать, что въ разбираемыхъ болѣзняхъ выпадаетъ на долю кровосмѣшенія, и что зависитъ отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, отъ болѣзненной наслѣдственности и пр. Кромѣ того, отдѣльнымъ наблюденіямъ можно противопоставить такое же число наблюденій, показывающихъ безвредность кровныхъ браковъ. Слѣдовательно на основаніи такихъ данныхъ нельзя еще вывести никакого вѣрнаго заключенія. Такимъ образомъ, для научнаго рѣшенія вопроса оставался одинъ путь сравнительной статистики, которая должна была показать численную непропорціональность соврожденныхъ болѣзней и безобразій при родственныхъ и неродственныхъ бракахъ. Этотъ путь, какъ мы видѣли, и выбралъ себѣ Будень, изслѣдованія котораго если не могутъ считаться совсѣмъ удовлетворительными, то во всякомъ случаѣ онѣ

*) Des dangers attribués aux mariages consanguins. Gazette hebdomadaire. Juillet, 1862).

весьма интересны и достаточны для того, чтобы допустить вредъ кровосмѣшенія. Но докторъ Dally высказываетъ недовѣріе и къ этимъ цифрамъ. Онъ начинаетъ съ того, что пропорція родственныхъ и неродственныхъ браковъ во Франціи, принятая Буденомъ и лежащая въ основаніи его выводовъ, невѣрна. Если всякая статистика, въ какой бы то ни было странѣ, сообщаемая оффиціальнымъ путемъ, представляетъ множество неточностей, ошибокъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать про статистику родственныхъ и неродственныхъ браковъ. Относительно ихъ можно сказать, что статистики совершенно не существуетъ. Слѣдовательно, говоритъ Dally, цифра 2 на 100, принятая Буденомъ за норму для пропорціи родственныхъ и неродственныхъ браковъ во Франціи, взята произвольно, стало быть и сравнительная пропорція глухонѣмыхъ, выведенная для родственныхъ и неродственныхъ браковъ, тоже невѣрна. Надобно согласиться, что возраженіе Dally было сдѣлано основательно; оно показываетъ слабую сторону статистики Будена, но тѣмъ не менѣе никакъ не уничтожаетъ ея доказательной силы. Пропорція глухонѣмыхъ отъ родственныхъ и неродственныхъ браковъ такъ неравномѣрна (25—30 на 100), что если мы примемъ отношеніе тѣхъ и другихъ браковъ какъ 6:100 (какъ полагаетъ Dally), то все-таки происхожденіе глухонѣмыхъ у тѣхъ и другихъ будетъ далеко непропорціонально.

Мы не хотимъ утомлять вниманія читателей перечисленіемъ другихъ, болѣе мелкихъ возраженій, чтобы не сказать придиорокъ, противъ статистическихъ доводовъ, доказывающихъ вредъ кровныхъ браковъ. Эти возраженія, во многихъ случаяхъ основанныя на личной провѣркѣ данныхъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе увеличиваютъ несомнѣнность и доказательную силу тѣхъ аргу-

ментовъ, которые привели Буденъ, Пиру, Брошаръ и др. въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Кромѣ отдѣльныхъ изолированныхъ случаевъ, въ доказательство безвредности кровныхъ браковъ приводимо было нѣсколько и такихъ наблюдений, гдѣ отъ родственныхъ сочетаній не замѣчалось никакихъ вредныхъ послѣдствій въ теченіи многихъ поколѣній. Такъ Альфредъ Буржуа представилъ подробную исторію своей фамиліи, въ которой онъ насчитываетъ 68 родственныхъ браковъ, давшихъ на потомствѣ прекрасный результатъ. То же самое подтвердили новыми наблюдениями д-ръ Seguin (представившій исторію 10 послѣдовательныхъ кровныхъ браковъ) и Lagneau. Этотъ послѣдній говоритъ о фамиліи Р... и N..., члены которыхъ въ теченіи 87 лѣтъ (1694 до 1781 г.) роднились между собой восемь разъ, и это нисколько не уменьшило здоровья и крѣпости поколѣній. Г. М. В. сообщилъ доктору Dally подобный же случай изъ своего рода, въ которомъ родственныя сочетанія (не ближе второго колѣна) въ теченіи 150 лѣтъ повторялись въ пяти поколѣніяхъ. Общее число потомковъ этой фамиліи, по прямой и побочнымъ линиямъ, равнялось 120—140, и ни у одного изъ нихъ не было ни глухонѣмоты, ни идиотизма, ни другихъ какихъ либо послѣдствій, которыя обыкновенно приписываютъ родственнымъ бракамъ.

Такія наблюденія, безъ сомнѣнія, имѣютъ больше значенія, чѣмъ наблюденія отрывочныя, относящіяся къ одному поколѣнію, но и относительно ихъ слѣдуетъ сказать то же самое, что сказано выше объ отдѣльныхъ случаяхъ. Все это, въ научномъ смыслѣ, нисколько не доказываетъ ни пользы, ни вреда кровныхъ браковъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ не достаетъ сравненія. Чтобы такія наблюденія имѣли научное значеніе, необходимо

взять известное число случаевъ, обнаружившихъ вредъ кровныхъ браковъ, въ процентномъ отношеніи къ числу этихъ браковъ, и то же самое для случаевъ противоположныхъ. Для первыхъ сдѣланы уже попытки отыскать требуемыя отношенія, и они во всякомъ случаѣ говорятъ за вредъ кровныхъ браковъ, а для вторыхъ не сдѣлано и этихъ попытокъ. Слѣдовательно, если бы защитники кровныхъ браковъ привели въ свою пользу и несравненно большее число отдѣльныхъ примѣровъ, то все-таки эти примѣры не могли бы поколебать выводовъ, сдѣланныхъ противной стороной на основаніи сравнительно статистическихъ данныхъ.

Наконецъ мы должны упомянуть еще о третьей категоріи доказательствъ, приводимыхъ партизанами родственныхъ браковъ, именно о наблюденіяхъ надъ изолированными мѣстностями. Для этого выбраны были такія мѣста, которыя, по географическому положенію или по недостатку путей сообщенія, совершенно разобщены отъ мѣстностей сосѣднихъ, слѣдовательно, гдѣ известное число семействъ въ теченіи вѣковъ не могли родниться съ чужими и новыми семействами, а по необходимости вступали въ браки только между собой. Между такими мѣстностями Dally указываетъ на селеніе Pouillac (Gironde), о которомъ докторъ Ферье писалъ ему слѣдующее. «Въ этомъ селеніи считается 1,700 жителей; большая часть изъ нихъ очень крѣпки и хорошо сложены, женщины славятся своей красотой и свѣжестью лица. Можетъ быть, въ цѣлой Франціи нѣтъ другого мѣста, гдѣ бы родственные браки были такъ часты и гдѣ бы, въ то же время, число негодныхъ къ рекрутскому набору было такъ незначительно.» — Dally прибавляетъ къ этому примѣру нѣсколько другихъ небольшихъ изолированныхъ деревень, жители которыхъ въ

теченіе долгаго времени роднились только между собой, и это не вызвало никакихъ дурныхъ послѣдствій. На такіе же примѣры указали: Lagneau, Revillout и Voisin. Докторъ Перье въ этомъ отношеніи идетъ еще дальше. Онъ старается доказать, что чистая раса, т. е. такая, которая размножается сама въ себѣ, безъ помѣси съ сосѣдними жителями, гораздо лучше сохраняетъ свою красоту, силу и первоначальный типъ, со всѣми его лучшими качествами, нежели раса смѣшанная, которая буд-то бы, рано или поздно, ослабѣваетъ и исчезаетъ.

Эти примѣры и объясненія ихъ представлены были главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобы парализовать доказательства сторонниковъ другого мнѣнія, взятыя изъ того же источника. Потому что Devau и др. въ числѣ своихъ доводовъ противъ кровныхъ браковъ точно также указывали на изолированныя мѣстности, жители которыхъ, при недостаткѣ помѣси крови, представляли рѣзкіе признаки ослабленія и вырожденія. Сюда относили такъ называемыя *проклятыя расы* (les races maudites) Франціи и Испаніи, пиренейскихъ каготовъ (Cagots), астурийскихъ вакеровъ (Vaqueros), марроновъ, альпійскихъ кретинновъ и пр. Относительно всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ сказать, что они не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго и доказательнаго. На правильное развитіе или вырожденіе жителей замкнутыхъ мѣстностей имѣютъ вліяніе столько самыхъ разнообразныхъ условій, что при самомъ точномъ анализѣ невозможно сказать, что здѣсь выпадаетъ на долю кровныхъ браковъ и что зависитъ отъ климатическихъ вліяній, наследственныхъ болѣзней, матеріальнаго и нравственнаго быта и пр. Поэтому неудивительно, что замкнутыя мѣстности могли послужить доказательствомъ и *за* и *противъ* кровныхъ браковъ, стало-быть доказательствомъ,

уже по этому самому, неимѣющимъ научнаго значенія. На упомянутыя мѣстности скорѣе еще могли опереться защитники родственныхъ браковъ, но и приведенныя ими свидѣтельства далеко неточны. По крайней мѣрѣ относительно указанныхъ до сихъ поръ мѣстностей, напримеръ селенія Rouillac, можно сказать, что ни количество родственныхъ браковъ, ни физическія качества жителей, ни отсутствіе помѣсей здѣсь не опредѣлены, какъ слѣдуетъ, да и опредѣлить ихъ было бы очень трудно. Голословные же отзывы, какіе приводятъ Ферье и др., не могутъ послужить аргументомъ ни того, ни другою мнѣнія.

То же самое слѣдуетъ сказать о фактахъ, взятыхъ отъ аристократовъ и евреевъ. Вырожденіе царскихъ и аристократическихъ фамилій нѣкоторыя (Devau) приписывали почти исключительно кровному родству. Можетъ быть, кровные браки здѣсь и имѣли вліяніе, но во всякомъ случаѣ было бы крайностію сводить все на эту причину. Нѣтъ сомнѣнія, что вырожденію помянутыхъ родовъ содѣйствовало весьма много физическихъ и нравственныхъ условій, изъ которыхъ выдѣлить вліяніе кровнаго родства было бы не только трудно, но и совершенно невозможно. Поэтому вырожденіе аристократовъ также не можетъ служить серьезнымъ доказательствомъ ни пользы, ни вреда кровныхъ браковъ.

На евреевъ тоже указывали обѣ стороны, каждая стараясь отыскать въ нихъ доказательства въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ народъ представляетъ типъ болѣе или менѣе чистой расы, которая въ теченіе вѣковъ существуетъ въ средѣ другого народа, не смѣшиваясь съ нимъ, не смотря на то, до сихъ поръ сохранила свою красоту, силу и плодородіе. Защитники кровныхъ браковъ видятъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія. Но

на этотъ же самый фактъ противная партія смотритъ совсѣмъ другими глазами. Devau, напримѣръ, находитъ, что евреи въ настоящее время потеряли свою красоту и силу, что они вырождаются. Эти очевидныя противорѣчія показываютъ, что та и другая сторона не безпристрастна въ выборѣ своихъ доказательствъ. Въ самомъ же дѣлѣ еврейская раса, взятая въ обширномъ смыслѣ, вовсе не должна была служить доказательствомъ ни того, ни другого мнѣнія. Евреи, разсѣянные по всей вселенной и въ то же время находящіеся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, представляютъ цѣлый народъ, существующій подѣ самыми разнообразными условіями. Слѣдовательно они, какъ и всякій другой народъ, вовсе не могутъ представлять собой замкнутаго круга; между ними также постоянно происходятъ помѣси и одноплеменные и разноплеменные. Стало быть съ этой стороны для евреевъ не существуетъ причины для вырожденія. Что касается до прочности и постоянства ихъ типа, до красоты и силы, то и въ этомъ отношеніи правъ и Devau и Dally. Мы видимъ на каждомъ шагу, что еврейскій типъ сохраняется тамъ, гдѣ нѣтъ иноплеменныхъ помѣсей, и наоборотъ — утрачивается и переходитъ въ другіе типы, гдѣ эти помѣси существуютъ. Точно также мы видимъ евреевъ, живущихъ при выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ, и евреевъ, угнетенныхъ нищетою и всевозможной зависимостію. Одни изъ нихъ будутъ представлять доказательства силы, красоты и плодородія; другіе наоборотъ. Все это однакоже не имѣетъ никакой связи съ родственными браками. Другое дѣло, если взять отдѣльные еврейскіе кружки, города, селенія, и въ этихъ ограниченныхъ мѣстностяхъ точно прослѣдить число родственныхъ и неродственныхъ браковъ, сравнивая качества потомковъ тѣхъ и другихъ, — факты, полученные

такимъ образомъ, будутъ имѣть положительное значеніе. Такіе факты, собранные Буденомъ, Либрейхомъ и др., мы видѣли выше, и они положительно говорятъ противъ родственныхъ браковъ. Достаточно вспомнить число глухонѣмыхъ, идіотовъ, страдающихъ пигментированной сѣтчатой оболочкой и пр., выпадающихъ на долю такихъ браковъ, чтобы видѣть все ихъ значеніе. Подобныхъ статистическихъ доказательствъ защитниками родственныхъ сочетаній не представлено. Поэтому, чтобы отстаивать свое мнѣніе, они должны были или уменьшить цѣну статистическихъ цифръ, или дать имъ другое объясненіе. Такъ и было сдѣлано. Будену представили такое возраженіе, что случаи неблагоприятныхъ послѣдствій кровныхъ браковъ (болѣзней, уродливостей и пр.), какъ и вообще случаи, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, всегда публикуютъ охотнѣе, тогда какъ наблюденія противоположныя, которыя могли бы здѣсь имѣть еще больше значенія, остаются необнародованными. Поэтому естественно, что примѣровъ дурныхъ послѣдствій отъ кровныхъ браковъ можно было набрать несравненно больше, чѣмъ случаевъ послѣдствій благоприятныхъ. Кромѣ того, полагаться на слѣдную цифру въ рѣшеніи такихъ сложныхъ вопросовъ было бы слишкомъ рискованно. При собираніи статистическихъ данныхъ вообще, приходится группировать факты не всегда правильно, подводить подъ одну рубрику случаи подобные, но нетождественные, при этомъ невозможно выдѣлять всѣ мелкія постороннія вліянія и отѣнять факты, что по необходимости дѣлаетъ статистическій путь для рѣшенія вопросовъ шаткимъ и неточнымъ. Всѣ эти возраженія болѣе или менѣе основательны. Но если статистическія цифры дѣйствительно подлежатъ многимъ случайностямъ и не всегда могутъ считаться точными, то

все-таки это не уничтожаетъ совсѣмъ значенія статисти-
ки. Приблизительное рѣшеніе научныхъ вопросовъ этимъ
путемъ необходимо признать не только возможнымъ, но
еще болѣе вѣрнымъ и удобнымъ, чѣмъ другимъ спосо-
бомъ. Это сознали наконецъ и сами защитники род-
ственныхъ браковъ. За исключеніемъ самыхъ упорныхъ,
они согласились, что родственные браки дѣйствительно
представляютъ на потомкахъ въ гораздо большемъ числѣ
неблагопріятныя послѣдствія, чѣмъ браки неродствен-
ные; но здѣсь представился еще вопросъ для рѣшенія:
отъ чего это зависитъ? Въ самомъ дѣлѣ, происходитъ
ли это неблагоприятное вліяніе собственно отъ смѣшенія
родственной крови, *ipso facto*, даже если бы супруги-род-
ственники не имѣли въ себѣ никакихъ физиологическихъ
и патологическихъ задатковъ для ослабленія породы,
или это вліяніе зависитъ отъ удвоенной болѣзненной
наслѣдственности? Этотъ вопросъ до сихъ поръ остается
спорнымъ, но мы все-таки считаемъ не лишнимъ позна-
комиться съ нимъ, хотя въ краткомъ очеркѣ.

Защитники кровныхъ браковъ, напр. Альфредъ Бур-
жуа, Перье и др., склоняясь передъ фактами вредныхъ
послѣдствій кровосмѣшенія, старались объяснить эти
послѣдствія наслѣдственными болѣзнями, которыя, кон-
центрируясь въ одномъ семействѣ, проявляютъ свое па-
губное вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше въ болѣз-
ненномъ семействѣ не было подновленія крови. Слѣдо-
вательно, по ихъ мнѣнію, между здоровымъ и болѣзнен-
нымъ кровнымъ бракомъ должна существовать большая
разница. Первый не только безвреденъ, но даже поле-
зенъ, потому что онъ содѣйствуетъ сохраненію типа
предковъ въ полной красотѣ и силѣ, тогда какъ при вто-
ромъ наслѣдственныя болѣзни должны разрастаться и
увѣковѣчиваться въ нисходящихъ поколѣніяхъ. Такимъ

образомъ, всѣ дурныя послѣдствія браковъ между близкими родными, удостовѣренныя наблюденіями, слѣдуетъ приписывать не самимъ бракамъ, а наслѣдственности болѣзней. Но это произвольное предположеніе далеко не объясняетъ фактовъ. Болѣзненная, точно также какъ и физиологическая, наслѣдственность проявляется повтореніемъ на потомкахъ того, что было на родителяхъ. Между тѣмъ пороки развитія и болѣзни, наблюдаемыя при кровномъ родствѣ, встрѣчаются только на потомкахъ и притомъ большая часть этихъ недостатковъ наслѣдственно не передается. Напр. глухонѣмота составляетъ такую болѣзнь, которая проявляется наслѣдственно только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Докторъ *Меньеръ* ⁽¹⁾, весьма тщательно изслѣдовавшій эту болѣзнь, говоритъ о ней слѣдующее: «Въ настоящее время нельзя еще сказать, чтобы всѣ глухонѣмые были дѣти родителей, неимѣющихъ этого недостатка. Недавно собрано нѣсколько фактовъ, доказывающихъ противное т. е. наслѣдственность глухонѣмоты. Но все-таки нужно сказать, что факты эти составляютъ рѣдкое исключеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, отъ брака между двумя глухонѣмыми рождаются дѣти слышащія и говорящія. Тѣмъ болѣе это происходитъ тогда, когда бракъ былъ смѣшанный, т. е. когда изъ двухъ супруговъ глухонѣмой былъ только одинъ.» По мнѣнію Будена, прибѣгать къ наслѣдственности для объясненія несчастныхъ послѣдствій кровныхъ браковъ, значитъ совершенно исказить понятіе о наслѣдственности. «Кровнобрачныя личности, полныя силы и здоровья, неимѣющія въ себѣ никакихъ неправильностей и недостатковъ, передаютъ своимъ дѣ-

(1) Recherches sur l'origine de la surd-mutité. (Gazette médic. de Paris t. I. p. 143, 3-e Serie).

тямъ не то, что имѣють, а напротивъ то, чего у нихъ самихъ нѣтъ, и этотъ фактъ называютъ наслѣдственностію!» (1).

Въ отвѣтъ на это очевидное опроверженіе защитники кровныхъ браковъ подняли вопросъ о наслѣдственности вообще и въ частности о преобразованіи наслѣдственныхъ болѣзней при переходѣ ихъ изъ одного поколѣнія въ другое. Подъ этимъ разумѣють переходъ извѣстной болѣзни одного поколѣнія въ другую, совершенно отличную болѣзнь слѣдующаго поколѣнія. Этотъ сложный вопросъ относительно происхожденія наслѣдственныхъ болѣзней выдвинуть былъ на сцену на основаніи теоріи Мореля. Этотъ авторъ, говоря о постепенномъ вырожденіи человѣческаго рода и образованіи болѣзненныхъ расъ, взялъ за исходную точку нервныя болѣзни. Онъ допускаетъ возможность перехода ихъ въ разстройство умственныхъ способностей, а этихъ послѣднихъ въ разстройства физическія и т. д. до уничтоженія расы. Наслѣдственная болѣзненность, по этой теоріи, служитъ причиною не только безплодія родителей и преждевременной смерти дѣтей, но останавливаетъ физическое и нравственное развитіе дѣтей, повидимому здоровыхъ, производитъ у нихъ болѣзни мозга, отъ которыхъ возникаетъ идиотизмъ или эпилепсія. Такимъ образомъ вредныя вліянія, произведя у предковъ какую нибудь нервную болѣзнь, у потомковъ, неперестающихъ подвергаться тѣмъ же вліяніямъ, произведутъ послѣдовательныя истерику, эпилепсію (падучую болѣзнь), ипохондрію, идиотизмъ или умопомѣшательство. Въ другихъ сферахъ организма тѣ же вредныя вліянія, произведя у предковъ

(1) Dangers des unions consanguines. (Annales d'hygiène p. 21 juillet. 1862.)

какія-либо незначительныя мѣстныя неправильности, перейдутъ у потомковъ въ самыя глубокія общія разстройства. Такимъ образомъ болѣзнь, усиливаясь съ каждымъ поколѣніемъ и видоизмѣняясь, можетъ дать въ результатѣ уменьшеніе роста, золотуху или аглицкую болѣзнь, остановку развитія нѣкоторыхъ органовъ, врожденныя неправильности черепа, косоглазіе, близорукость, пляску Св. Витта и пр.

Эта теорія, нелишенная основанія, во всякомъ случаѣ такъ еще неопредѣленна и запутана, что основывать на ней происхожденіе необъяснимыхъ обыкновенною наслѣдственностію болѣзней, каковы болѣзни вслѣдствіе кровныхъ браковъ, было бы слишкомъ шатко. Если мы выведемъ отсюда то заключеніе, что причина болѣзней во многихъ случаяхъ очень сложна, что несчастныя послѣдствія кровнаго родства не всегда зависятъ отъ него, то все-таки это не уничтожитъ значенія тѣхъ цифръ, которыя привели въ доказательство своего мнѣнія противники родственныхъ браковъ. Если допустить, что на происхожденіе болѣзней и уродствъ, совпадавшихъ съ этими браками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли вліяніе переходныя формы болѣзненной наслѣдственности, неблагоприятныя случайности во время зачатія и беременности, неравномѣрный, слишкомъ ранній или преклонный возрастъ родителей, случайныя болѣзни перваго дѣтства и пр., то все-таки останется непонятнымъ, почему именно эти случайности выпали на долю кровныхъ браковъ въ такомъ неравномѣрномъ количествѣ. Они должны бы были встрѣчаться приблизительно одинаково во всѣхъ бракахъ, родственныхъ и неродственныхъ, а стало быть число глухонѣмыхъ, наримѣръ, или идіотовъ, если это зависитъ отъ случайныхъ причинъ или болѣзненной наслѣдственности, должно бы быть приблизи-

тельно равное въ томъ и другомъ случаѣ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, факты показываютъ совершенно не то. Поэтому намъ кажется, что не смотря на неточность и нѣкоторую случайность статистическихъ данныхъ, не смотря на всевозможныя старанія иначе истолковать эти данные, за ними все-таки должна оставаться достаточная сила убѣжденія. Такъ или иначе мы будемъ смотрѣть на вещи, но тотъ фактъ, что кровные браки весьма часто влекутъ за собой безплодіе, различныя тяжелыя болѣзни и уродливости, останется фактомъ несомнѣннымъ. Слѣдовательно и тѣ медики, которые объясняютъ это наслѣдственностію, и тѣ, которые все зло приписываютъ одному кровосмѣшенію, дадутъ обществу единогласный совѣтъ *избѣгать родственныхъ сочетаній и по возможности подновлять породу* новою, чуждою кровью въ видахъ предотвратить ослабленіе и вырожденіе породы, Такъ какъ въ нашемъ обществѣ рѣдко встрѣтится семейство, въ которомъ бы не было какихъ-либо наслѣдственныхъ болѣзней, такъ какъ одинаковыя болѣзни и недостатки преимущественно группируются въ одномъ и томъ же классѣ общества, то гигиеническій совѣтъ—мѣшать посредствомъ брачныхъ узъ различныя слои общества и разныя фамиліи, съ цѣлію подновлять породу болѣе крѣпкими и здоровыми элементами или парализовать и уравнивать болѣзненную наслѣдственность наслѣдственностію противоположнаго свойства—такой совѣтъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ.

Можетъ быть, многимъ читателямъ покажется, что мы слишкомъ распространились о вліяніи кровныхъ браковъ; но этотъ вопросъ такъ важенъ, такъ примѣнимъ къ жизни и стало быть такъ подлежитъ общественному вѣденію, что подробности изложенія его, по нашему

миѣнію, не должны казаться ни скучными, ни бесполезными. На основаніи этихъ подробностей, зная научную сторону дѣла, каждый, встрѣчаясь на жизненномъ пути съ вопросами этого рода, можетъ обсудить ихъ съ большею основательностію. Кромѣ того, на основаніи всего вышеизложеннаго, мы можемъ бросить теперъ взглядъ на наши гражданскіе законы относительно брака, рассматривая ихъ съ гигиенической точки зрѣнія.

Вопросъ о возможности или невозможности брака между лицами, находящимися въ родствѣ, у насъ разрѣшается по правиламъ той религіи, къ которой принадлежитъ данное лицо. Относительно православныхъ въ законѣ прямо опредѣлено, что имъ запрещается вступленіе въ бракъ съ родственниками и свойственниками *до четвертой степени включительно*. Древній еврейскій законъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно больше терпимости, потому что онъ позволяетъ бракъ не только между дядей и племянницей, но и между племянникомъ и теткой, стало быть, запрещаетъ кровосмѣшеніе только между братьями и сестрами. Законы христіанской религіи вообще запрещаютъ родственные браки; но въ католическихъ и лютеранскихъ странахъ каноническія правила, въ этомъ отношеніи, подвергнуты значительнымъ ограниченіямъ. Гражданскій законъ тамъ позволяетъ вступать въ бракъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ, а иногда даже дядѣ съ племянницей или племяннику съ теткой. Слѣдовательно наши гражданскіе законы относительно этого предмета не для всѣхъ подданныхъ одинаковы; то, что позволено лютеранину, католику или еврею, не позволено православному. Различіе это, конечно основано, на историческихъ или чисто-догматическихъ взглядахъ того и другого вѣроисповѣданія. Но всякому извѣстно, что фізіологическіе

законы безусловно одинаковы для всѣхъ вѣроисповѣданій, слѣдовательно все, что безвредно въ этомъ отношеніи для лютеранина, будетъ безвредно и для католика, и наоборотъ. Съ другой стороны, каждый согласится, что всякій гражданскій законъ, относительно какого бы то ни было вопроса, только тогда можетъ быть проченъ и непоколебимъ, когда онъ основанъ на дѣйствительной потребности и имѣеть цѣлю положительную гарантію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Слѣдовательно и законъ о бракѣ по справедливости долженъ быть основанъ на фізіологическихъ и гигиеническихъ данныхъ, долженъ ограничивать только то, что можетъ быть вредно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Что же касается до другихъ ограниченій, основанныхъ не на научныхъ, положительныхъ началахъ, а на совѣсти и убѣжденіи, до такихъ ограниченій, отъ исполненія или неисполненія которыхъ нисколько не можетъ страдать народное благосостояніе, то ихъ, кажется, можно бы было предоставить доброй волѣ гражданъ. Убѣжденіе должно быть свободно и непринужденно...

Говоря о свободѣ религіозныхъ и гражданскихъ убѣжденій, мы вовсе не хотимъ этимъ защищать безусловной свободы дѣйствій. Всякій гражданскій законъ долженъ, въ извѣстной степени, ограничивать эту свободу, съ цѣлю уравнивать личныя выгоды и удобства жизни всѣхъ гражданъ, но такое ограниченіе должно разумно сознаваться членами общества, какъ необходимое условіе ихъ личнаго блага, слѣдовательно оно должно вытекать изъ прочнаго и разумнаго основанія. Поэтому и законы, стѣсняющіе бракъ, должны существовать именно въ такой мѣрѣ, въ какой это стѣсненіе необходимо для поддержанія народнаго здоровья.

Выходя изъ этой точки зрѣнія и имѣя въ виду все вышесказанное о вредѣ кровныхъ браковъ, можно утвердительно сказать, что законъ, запрещающій брачный союзъ между лицами кровнородственными, вполне основателенъ. Подъ словомъ кровные родственники нужно разумѣть восходящее и нисходящее родство по прямой или боковымъ линиямъ, т. е, родство между лицами одной и той же крови, принадлежащими къ одному и тому же роду. Сюда стало быть относиться: братья и сестры, кровные дяди и кровныя тетки съ племянниками и племянницами, двоюродные братья и сестры. Что же касается до такого побочнаго родства, которое принадлежитъ другому роду и другой крови, напр. жена моего брата и ея родственники, мужъ моей тетки и жена моего дяди съ ихъ восходящими родственниками и пр., то само собой разумѣется, что при бракѣ такихъ личностей опасности отъ кровосмѣшенія никакой быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе имѣютъ напр. два родныхъ брата къ совершенно чуждымъ имъ двумъ роднымъ, а тѣмъ болѣе двоюроднымъ сестрамъ? Если я женюсь напр. на Маріи, а братъ ея женится на моей сестрѣ, или мой братъ на ея сестрѣ, то мы составимъ совершенно отдѣльныя поколѣнія, въ которыхъ, естественно, не будетъ никакой кровнородственной помѣси. Слѣдовательно для такого брака не могло бы быть никакихъ, ни гигиеническихъ, ни нравственныхъ препятствій. Тѣмъ болѣе это можно сказать про духовное родство. Какое препятствіе раздѣляетъ меня напр. отъ моей тумы? Неужели одно то обстоятельство, что мы, совершенно чуждые другъ другу, воспринимали вмѣстѣ настолько же чуждаго намъ ребенка, можетъ послужить физиологической преградой для нашего бракосочетанія? Конечно нѣтъ. Равнымъ образомъ здѣсь нельзя видѣть

и нравственнаго препятствія; напротивъ того, между лицами чуждыми по крови, но близкими по родственнымъ отношеніямъ, гораздо болѣе можетъ быть гармоніи и согласія, вслѣдствіе достаточнаго изученія другъ друга и болѣе искреннихъ и естественныхъ отношеній другъ къ другу до брака. Оттого въ жизни мы такъ часто видимъ сердечную привязанность къ кузинамъ, кумамъ и тому подобнымъ родственницамъ, привязанность, которая въ большинствѣ случаевъ дала бы мѣсто счастливому браку, а между тѣмъ, вслѣдствіе строгости гражданскаго закона, она болышею частію оканчивается или личнымъ несчастіемъ отъ невозможности удовлетворить своему выбору, или скрытыми преступными отношеніями.

Поэтому свободное дѣйствіе каждаго лица, основанное на свободномъ убѣжденіи, было бы лучшей нормой для счастливыхъ браковъ такого рода. вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой уступкѣ уравнились бы права относительно брака для православныхъ, лютеранъ и католиковъ, чего желать, кажется, совершенно естественно, потому что гражданскіе законы для всѣхъ гражданъ должны быть одинаковы. По этому самому намъ кажется, что и законъ о бракѣ для лютеранъ и католиковъ могъ бы быть въ извѣстной степени ограниченъ. По крайнѣй мѣрѣ мы имѣемъ полное основаніе желать, чтобы и у нихъ бракъ между кровными родственниками былъ запрещаемъ, потому что это ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, для предотвращенія которыхъ общество имѣетъ полное право установить извѣстныя нормы.

Въ этомъ случаѣ намъ могутъ возразить, что если вредныя послѣдствія кровнаго брака слѣдуетъ отстранять путемъ положительнаго закона, запрещающаго такой бракъ, то съ такимъ же основаніемъ законодательство могло бы вмѣшаться и въ другіе гигиеническіе вопросы

бракосочетанія. Такъ, мы знаемъ напр., что многія наслѣдственныя болѣзни (чахотка, падучая болѣзнь, наслѣдственное помѣшательство и пр.) передаются отъ родителей къ дѣтямъ, слѣдовательно законодательство могло бы и здѣсь принять извѣстныя мѣры противъ ослабленія и вырожденія породы этимъ путемъ; но такое вмѣшательство закона въ частные вопросы было бы весьма затруднительно и едва-ли исполнимо. Дѣйствительно, относительно наслѣдственныхъ болѣзней трудно установить точныя предѣлы и опредѣленныя уложенія: въ какомъ случаѣ болѣзненная наслѣдственность мѣшаетъ бракосочетанію и въ какомъ нѣтъ? Поэтому, не смотря на предложеніе многихъ авторовъ установить въ этомъ отношеніи какія либо законныя правила, они остались неосуществимыми. Но изъ этого нельзя еще вывести такого заключенія, чтобы законодательная власть не могла стѣснять и родственнаго брака. Родственныя отношенія жениха и невѣсты можно опредѣлить до брака, также точно, какъ и возрастъ брачующихся, поэтому относительно этихъ двухъ вопросовъ могутъ быть составлены и опредѣленныя правила, которыя не должны казаться стѣсненіемъ личной свободы. Что-же касается до вопросовъ о здоровьѣ и наслѣдственномъ расположеніи, вопросовъ большею частію такого рода, на которые въ данное время трудно бываетъ дать юридически положительный отвѣтъ, то законодательство пока не можетъ вмѣшиваться въ нихъ безъ того, чтобы не высказать обременительныхъ стѣсненій относительно свободнаго выбора для брака семействъ и личностей. Поэтому въ настоящее время достаточно бы было и того, если бы въ такихъ сомнительныхъ вопросахъ спрашивали мнѣнія врача, которое, нисколько не стѣсняя личной сво-

боды, можетъ привести большую пользу, чѣмъ положительный законъ.

Наконецъ, мы должны упомянуть еще о законѣ относительно брака лицъ христіанскихъ вѣроисповѣданій съ евреями и магометанами. (Т. X, кн. I, ст. 85—89).

Запрещеніе, высказанное на-счетъ этого въ законѣ для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, кажется намъ слишкомъ строгимъ. Выше мы уже показали, что ничто такъ не сближаетъ народы, какъ брачныя связи, ничто не дѣйствуетъ на улучшеніе рода такъ ощутительно, какъ разнородныя помѣси. Поэтому намъ кажется, что свобода вступленія въ бракъ съ магометанками, еврейками и язычницами, даже въ видахъ политическихъ, могла бы принести существенную пользу. Это содѣйствовало бы значительнымъ образомъ слитію инновѣрцевъ съ русскими. Такъ какъ у насъ господствующая религія православная, и православное народонаселеніе имѣетъ за собой всю правственную и гражданскую силу, такъ какъ дѣти отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ по закону должны быть тоже православными, то нечего опасаться здѣсь инновѣрческаго вліянія на убѣжденія православнаго супруга. Православная религія въ этомъ случаѣ не только не уменьшила бы числа своихъ сыновъ, а напротивъ значительно бы увеличила. Равнымъ образомъ этотъ путь послужилъ бы къ болѣе быстрому перерожденію инородцевъ, къ поглощенію ихъ въ массу русскаго племени. Для магометанъ и язычниковъ это принесло бы также существенную пользу, потому что брачныя узы составляютъ самый вѣрный путь для прививки и распространенія цивилизаціи и всего того, что имѣетъ за собой наше православное народонаселеніе. Этотъ путь прокладывается теперь всюду и ко всѣмъ, и только развѣ китайцы упор-

но заграждаютъ его, предчувствуя, что свобода брака съ европейцами можетъ нанести рѣшительный ударъ ихъ соціальной и политической косности.

К О Н Е Ц Ъ.